

Евг. де Жайко

«... Иль ты приснилась мне »

Москва, 2000г.

КНИГА ПЕРВАЯ

БЕЛАЯ СТАЯ

	к 40-летию нашего выпуска <u>КВИРТУ</u>
--	--

Сотня гадких птенцов, за оградой шныряя,
Муштровала науки, душой подрастая.
И сбивалась в надежную белую стаю,
На подлетах училась, на крылья вставая.
Их натуры военной жизнью пытали.
Вышел срок – воспитатели вслед помахали.
И построилась стая, почитая каноны,
Обещая земле и покой, и заслоны.
И летела красиво, не присев, не устав,
Соблюдая свой кованный чести Устав,
По стране добрый след по себе оставляя,
Молодая и сильная белая стая.
Много кануло лет. Заболел ты – ну что ж,
Положили на стол – от судьбы не уйдешь.
Ты смотрел на хирурга, было сухо во рту,
Улыбнувшись, сказал «Я учился в КВИРТУ».
Жизнь проходит. «Зима» на собрала на юг.
Позади – наш полет, впереди – царство вьюг.
По последней бутылке разливаем вино.
Что, гусары, посмотрим все жизнь, как кино?!
Было утро... и силы, и стая на взлете,
И сбывались мечты в настоящей работе.
Были дальние страны, и любовь, и друзья,
И измены, и боль... Где ты, стая моя?
Укатали коней жизни горы сполна
И трудней вспоминать всех друзей имена.
Мы спустились с небес, ветер злой и волна,
И другие слова говорит нам страна.
Я друзей узнаю по глазам, голосам.
И хочу в свою юность, к Мономаху, подняться.
Мы смеемся и плачем по этим годам,
Только жаль, животы нам мешают обняться.

Москва-Киев
Сентябрь 1998г.

Предисловие

"На чердаке беспокойной головы остался с прежних времен пластилиновый комок мыслей чувств огненной юности, трудного опыта добрых дел и не всегда хороших поступков. Интересных проблем и решений, глупостей и ошибок - все это лежало в памяти твердым слежавшимся комком.

Что с этим прикажите делать? Сочинять, ваять, лепить на тему прожитой жизни или бесшумно освободиться от лишнего груза.

Начав тихонько разминать бывшее, одно соединять с другим, вглядываться и обдумывать, вдруг почувствовал, пришло тепло от юных дней, свежести помыслов и дел, встреч, событий и людей, проплывших мимо в океане жизни.

Результат - ПЛАСТИЛИНОВАЯ ПОВЕСТЬ по мотивам прожитой жизни. Все персонажи - вымышленные плоды вольного сочинительства. Возможно, из оставшегося пластилина воспоминаний вылепится вторая часть.

ЕВГЕН ДЕ ЖАЙКО.

1. Душа молодая

Венька Снежко приехал в Киев из холодной уральской столицы, в составе 12 человек, поступать в КВИРТУ. После приемных экзаменов осталось почти половина, яростно зацепившихся за новую жизнь и надежду выучиться радиотехнике. Военный ВУЗ давал очень приличное образование и каждый «гадкий утенок» превращался в прекрасного лебедя. А пока эта стая росла и созревала в светлых мечтах, в строгой военной и самостоятельной жизни, в опасности: в случае плохой учебы быть отчисленным. Это было время труда и риска, дружбы с сотней таких же птенцов, время первых влюбленностей, выхода в увольнение и знакомства с древней столицей Киевской Руси. Даже откровенные лодыри и неучи изо всех сил старались проскочить на экзаменах, а тем более набраться ума при подготовке к диплому.

А там первые офицерские погоны, новые места и горизонты, какая-то взрослая жизнь и личная свобода – с ума сойти!

И вот Снежко, который по диплому был подопечным начальника кафедры полковника Милешина, одного из радиолокационных направлений, должен был спроектировать в дипломе устройство подавления помех. В проекте был выбран метод взаимной корреляции и расчет давал улучшение отношения сигнал/шум очень прилично. Все остальные разделы и составные части выполнялись традиционно, демонстрируя осведомленность автора в проектировании и эксплуатации радиолокационных станций и ее узлов. Было тепло. Свалив диплом предстояло прощание с Высшим инженерным радиотехническим училищем, друзьями, средой обитания, девушками. Потом, словно стрела из лука, нужно лететь в неизвестные края. Венька потянулся и уставился в окно. Так, сегодня надо зайти на консультацию к «рыжему КЭПу» умнище-капитану, эрудиту и будущей звезде радиолокации. Хорошо бы получить в два дня отзыв и через неделю на защиту...

Капитан был в хорошем настроении, весь стол у него завален литературой, справа от него свежие американские и английские журналы, подборка закрытых публикаций, книги. Венька поприветствовал его и зная его максимализм и дикую ненависть к безделью, трате времени, лаконично доложил о цели визита и, попросив прорецензировать, оставил рукопись диплома.

Через два часа Снежко разыскивал дежурный и передал, что его ищет рыжий капитан. Венька пролетев несколько лестниц и коридоров, с плохо скрываемым удивлением быстротой ответа «всплыл» перед КЭПом, взгляд которого таил насмешку. В первую встречу от него шло любопытство и приветливость...

- Ваша схема работать не будет! – начал он, поглядывая в окно.

- Почему?

- Потому, что взаимная корреляция здесь неприменима».

- Но мы предварительно с Вами обсуждали и у Вас было другое мнение...

- Да не было у меня никакого мнения, метод действительно существует и перспективен, но вот почитайте перевод в этом материале по иностранной литературе. Доказывают, что в условиях работы в диапазоне и параметрах нашего локатора неприменимо и практически проверено.

Снеж уселся читать материалы. Настроение у него портилось. Получалось, что блестящая идея с выигрышем в десятки децибел неосуществима в этих конкретных условиях, на станциях этого типа. Снеж впал в глубокую задумчивость, рыжий КЭП пытался смягчить удар и поискать выход, но его не было... Трагедия состояла в том, что вместо пары месяцев оставалось 1,5 недели, рушилось все... Крах... Наконец страх сполз и Венька зашевелил мозгами «А автокорреляция в этих условиях осуществима?»

- Вполне, но выигрыш падает.

Они прикинули, получилось, что как бы вместо ресторанный обед вариант тянул на закусок в привокзальном буфете. «Спасибо, я подумаю еще» – сказал Венька и отбыл, т.е. «полез на сеновал, где Конек его лежал».

Он пришел к руководителю, добрейшему и милейшему полковнику Милешину и сообщил, что диплом подмокает.

- Как это? – спросил тот.

Снеж, не вдаваясь в подробности, обрисовал новости в свежих иностранных журналах и что это значит для проекта. Милешин, не находя выхода, начал сердиться, говоря что нужно идти с имеющимся материалом и тогда Венька предложил перейти на автокорреляцию и заменить главы на новые.

- Когда же Вы успеете?

- Не знаю..., надо пробовать - заключил Венька и пошел в казарму.

Ребята, как птицы перед первым осенним перелетом пробовали свои силы. Обдумывали жизнь, философствовали, жужжали. Кто-то уже кружил высоко в небе, кто-то пробовал разбежаться и взлететь – все материалы дипломов были на выходе или в последней стадии доводки. Венька рассказал о «проблеме» уральской общине, обрисовал тупик, мужики загудели и стали совещаться. Спросили, есть ли выход по идее диплома? Венька уже окреп в необходимости перехода на автокорреляцию, уже представляя, по крупному, методику расчета и переделки двух глав диплома, введения и заключения. Было решено: с утра работает конструкторское бюро (КБ), Венька – главный конструктор, дает методику по кускам на 6 человек, они по методике делают

новый расчет, диплом печатается, считываются ошибки, рисуются схемы, новые плакаты и заменяется половина диплома. По факту защиты на общак Снеж выставляет «стекло» в правильном количестве, (min ящик вина).

За неделю все срубили, Снеж побывав в роли главного конструктора, проведя споры с шестью исполнителями-оппонентами, зная оба варианта дипломов, поднялся на приличную интеллектуальную высоту, в этой области, и приготовился морально к защите. Все КБ пришло на защиту плюс публика, знавшая развитие интриги приперлись посмотреть «рванет»... или Снеж проскочит.

Первым на защиту вышел слушатель Юра Сташко. В комиссии говорили, что целый балл может быть добавлен за реализацию идеи и практическую демонстрацию макета. На комиссию Юра пришел с бежевой мыльницей и торчащими из нее шлицами регулировок. Снеж поехал, - у него только плакаты. Председатель спросил Юру: Вы что, хотите помыться перед защитой? Почему мыльница? Юра ответил, что это «изюм» всего дела. Практическая реализация! Председатель буркнул, что вроде на изюм мало похоже, но развивать не стал. Юра сделал схему запускающего мульти-вибратора, но почему в мыльнице, аргументировать не смог. Получил “3” балла. Интрига защиты закрутилась. Вторым защищался боец по традиционной идее расчета узлов отображения информации. Держался скромно и, не вызвав раздражения или восторга, получил 4 бала. Хорошая защита, рабочая. Настала Венькина очередь; обычно плакаты помогал вешать товарищ или двое, а тут 7 человек зашуршали у доски. Снеж кое-что нарисовал на доске, дипломом шелестел председатель. Что-то произошло, наэлектризованность от публики передалась комиссии и спавшие очнулись, стали приглядываться «шо цэ такэ?». Снеж вошел в роль Эзопа и сделав короткий, энергичный, интересный, недосказанный доклад в кураже, сам заложил генерацию ожидаемых вопросов. Они посыпались горохом и Венька без суеты и нахальства отражал их, проявляя уважительность к оппонентам. Никакой слабину, только шарм. В конце он поведал о первоначальном желании получить больший эффект на принципе взаимной корреляции и о тех причинах, которые не дают возможность практически реализовать эту идею, сославшись на свежую американскую литературу. Это принесло очки и авторитет. Защита прошла на отлично и КБ убирало плакаты, предвкушая вечернюю халяву. Обещанное хмелье было выставлено, народ радовался, обсуждая дела и рассуждая о защите.

«Пока Вы ставили драму с Венькой, Косор потряс кафедру приемников».

Встрял Марко Дикович, веселый и ироничный: «Косор умудрился удивить? Да он же не ботает совершенно!?».

Выступал Хан:

- Во-первых, попрошу мне налить и сказать про меня хорошее, а то могу чего-то забыть или угаснуть.

Хор: - Налить, выдать закусить, отметить при взысканиях. Говори!

Хан: - Вы помните, что Косор всегда был активом и резервом партии и «рабом трибуны» на собраниях. Ему помогли пристроиться к КЭпу-звезде, с кафедры приемников, тому, кто недавно выдал диссертацию. «Косор» списал у него расчеты по методу логарифмической школы селекции сигнала, новые разработки и занятные оригинальные методы – украшение диссертации. Комиссия по дипломам не знала, что это украдено, посмотрела и вспотела от восторга: вот эта работа! Когда Косор заходил в аудиторию, они хотели встать, привет-

ствуя слушателя-«звезду». Председатель сказал, что и он и оппонент не видели ничего подобного, что таких слушателей надо сразу назначить ведущими специалистами в КБ. Все закивали головами, листали диплом, смотрели на супер-плакаты и уровень разговора ушел за облака, а вопросы по программе защиты были неуместны, как таблица умножения в математической супершколе университета. Наконец, председатель сказал, что для протокола надо бы задать хоть один вопрос и закругляться. «Пожалуйста, задайте что-либо и закругляемся...». Майор из комиссии: «Ну, скажите, товарищ слушатель, о рабочей точке усилителя, ну... хоть бы триода...». Юра Косор: «Триода?» Голос, при этом, походил тембром на упавший пар в котле паровоза. А надо сказать, что Косор поступил к нам после железнодорожного техникума. Юрик взял мел и попер к доске. Он замучено мотал рукой и вдруг нарисовал баллон лампы. Постоял, потом нарисовал анод, постоял и, немного погодя, катод. Посмотрев на комиссию положил мел. Потом «мелким бесом» прочертил сетку и встал... Майор, задавший вопрос впал в смущение от этой выходки. Сцена стала напоминать известный шахматный матч, с одноглазым шахматистом. Майор ожидал, что Косор нарисует характеристику усилителя и возьмет на ней точку, по входному сигналу покажет выходной и все. До свидания.

А что прикажите делать с баллоном? Катать? Юра, видимо, хотел уйти, показав, что тривиальное жевать ни к чему, но майор, этот одноглазый шахматист, заладил свое: «А где рабочая точка?» Юра взял мел и показал на анод, потом на катод. Майор спросил: «Где, где?» Юра остановил руку и двинулся к сетке. Все взбеленились, приняв это, как оскорбление. Посыпались вопросы без ответов. Шквал. Слушатель вращал глазами и ... молча сопел. Через час председатель умолял комиссию поставить дипломанту "3" с минусом. Едва уговорил, роптали. Новость была воспринята, как закономерность, которая ощущалась, но не наступала.

Халявщики ржали, пили и рассказывали про другие случаи.

Казарма.

«Мы все родом из шинели». почти от Н.В.Гоголя

После Отечественной войны умные полководцы, лучшие представители военно-промышленного комплекса, помня нелепые первые годы войны, когда немец чуть не завалил нас, очень остро реагировали на возможность воздушно-космического нападения и вовремя «шевели ушами» строили современные вооруженные силы. При Георгии Жукове, умном, жестком и глубоком полководце развитие ПВО шло по организации закрытого всюду радиолокационного поля и кадровой подготовке на научной основе, в связи с чем, было создано Киевское Высшее Инженерное Радиотехническое Училище – «республика КВИРТУ», знаменитое пока тем, что в нем учились Снеж, Вовка и Мавруша.

Первый выпуск составляли офицеры, взятые из академии, второй – рядовые, третий – школьники. Маленькая звездочка на золотых погонах делала разницу в положении слушателя – офицера и слушателя – вольнонаемного, как разница свободного человека и раба. У младшего лейтенанта – офицерская зарплата, у рядового – малая стипендия, у офицера – квартира в городе и свобода после занятий, у рядового – казарма на 100 человек, у первых – свободное общение и жизнь, у вторых – военная муштра, строевая подготовка и курсовые командиры на время после учебы. Жизнь в казарме по воинским уставам.

Второй выпуск был из солдатского сословия, кто отслужил сколько-то действительной службы и подал рапорт на учебу.

Третий выпуск, республиканский, из вчерашних школьников дерзких, не битых, умненьких, свободолюбивых. Четыре года казармы и учебы в военном ВУЗе срубили им характер, прекрасные души, заложили светлые традиции дружбы, чести, профессионализма и глубины знаний, а также спартанские мотивы в спорте, галантность и рыцарство в отношении к девушкам. Каждый брал от своей курсовой сотни все, что мог и хотел, и сам отдавал, чем был богат. Эта была делянка, где выращивали офицеров-создателей, испытателей, мастеров владения будущей техники. Людей, ставших потом министрами, генералами, дипломатами, научными работниками, героями боев в небе Вьетнама, Египта, Африки, Кубы. Везде и всюду – да здравствует КВИРТУ!

Утро начинается с крика дневального «Подъем!». Кричать можно спокойно, обыденно, артистично, мерзко, с подвыванием и придурью – все зависит, «какая сволочь» сегодня дежурит. На первый писк дневального реагируют первые, очень организованные, самоуважающие себя люди. Сразу подключается старшина, в его голосе власть и требовательность, проходя, откидывает одеяло и включает радио.

«Ой, не надо на меня смотреть, я же голый» – это уже Аничкин блефует. Затем встает средний класс, в конце – лентяи и гении. После подъема все на пробежку, например, в Бабий Яр, на поляне, свободной от памятников, делают зарядку. Снеж, несмотря на крепкие 75 кг веса бегал легко и теперь с удовольствием летел по буеракам, раздувая меха легких. Спускаясь под откос, он на ходу разглядывал памятники, читая ближние эпитафии на них. Слева пустой постамент напомнил декорации из «Каменного гостя», где командор куда-то отлучился. Косор имел, как многие, несколько кли-

кух, от Марка-Диковича, например, Сухофруктов или просто Фрукт. Он топал где-то сзади и его полное, с жирком, тело колыхалось в неторопливой рыси. Немного погодя, топот пропал, Снеж заинтересовался и оглянулся. Фрукта нет. Может, упал? Вернулся, нигде нет! Надо же! Наконец, тщательно осматривая все кругом, Снеж ошалел: на постаменте знакомого памятника стояла фигура командора! Это был Фрукт, он разглядывал кладбище, картинно выставив вперед руку, защищаясь от солнца, стоял неподвижно. Снеж рассмеялся и позвал его. Тот важно постоял еще с черной небритой щетиной, потом, оттопыривая зад, задвигал ножками, ища опору на земле, и снова затопал по дорожке.

На зарядке ахали и дивились склепу: прямо домик – богато живут, коли мертвому смогли такой поставить, а? Мраморных надгробий было много, память людей чтители и берегли. Вон там, по слухам, расстреляли несколько десятков тысяч евреев. Гнали их, говорят, по той дороге, где летом бегали на зарядку. Снеж закрыл глаза и представил плачущих женщин с черными развивающимися волосами, прижавших детей, крики, возгласы, слезы, влажные глаза молодых и жесткая брань немецкой охраны. Автоматы, овчарки. Брр... Даже бегать здесь особой радости нет, хотя место тихое зеленое, а воздух чист.

После пробежки, зарядки и утреннего обтирания и туалета умытые парни были красивы, полны силы и молодости. На рассвете все полно сил... Ели с аппетитом, но не шумно, сидя по 4 человека за столиком. После завтрака спешили постоять и покурить во дворе, на солнышке перед отправкой на занятия. Снеж не курил, но вышел постоять. Аничкин, он же Хан, уже вынимал свой знаменитый портсигар, а халявщики потянули руки. В двух дверцах портсигара располагались сигареты разной степени измордованности: слева – затушенные после первой затяжки, далее – более отработанные, справа – окурки, которые после одной затяжки уже выгорали до конца. Хан театральным жестом показывал, кто какую папироску может взять, причем при любом слабом возражении захлопывал портсигар и в разговор не вступал.

Юрка Кюмов рассказывал, как проводил занятия по способам организации телефонного разговора без монеты. У него была длинная проволочка, он ее вставлял в отверстие для монет и набирал номер от балды. На том конце после гудка раздалось:

- Кацман слушает....

Кюм тут же:

- Здравствуй, Кацман, я тебя хорошо слышу.

- Я тоже хорошо слышу, кто говорит?

Кюм вешал трубку, запомнив номер, и продолжал голосом преподавателя – «отжав рычаг немного вниз, набрать первые две цифры, среднюю – бить по рычагу, соответствующее число раз, две последние снова набрать на диске». Получается звонок без монеты. И шутя, изменив голос, грубо забасил:

- Кто готов сдать зачет на номере Кацмана?

И обучающие звонили перепуганному Кацману, причем выпендренный экспромт строился или на интеллектуальном взрывке или одесском насмешливом сленге. Фантазия вопросов была дикой: от вопросов по линии КГБ до измены жены. Урок обучения кончили джентльменским постановлением: здоровьем т. Кацмана интересоваться ежедневно, составив список и считая это условным требованием распорядка дня. Через месяц Кацман оценил размер катастрофы и наглость молодых пауков, стал

звать в гости, обещал обед с застольем и его великодушно «простили» за одни добрые намерения и смиренность.

Многие слушатели пробовали приобрести авторитет, «сморозив» что-нибудь этакое, запредельное. Часть выдумки была без воображения и состояла из дезы, т.е. полное фуфло. Коллектив постановил: неподтвержденное или ложное сообщение записывать на доске в аудитории самоподготовки, с фальсификатора обществом снимать штаны и задницей вытирать сообщение.

Первым попался Аничкин (Хан), он перепутал фордовские машины с европейскими и сослался на журнал «Америка», надеясь на недоступность информации. Журнал достали, принесли и, зафиксировав отсутствие нужной информации, на доске появился клич: «Помнить о Форде!», после чего под дикое артистичное сопротивление, Хана оголили и потеряли по доске.

* * *

Улица Мельника, недалеко от Бабьего Яра имела несколько корпусов на противоположных сторонах улицы. Если следовать из центра на периферию, то справа были жилые корпуса, где проходила вся светская курсантская жизнь, слева были учебные и лабораторные корпуса, там же по утрам чаще всего делали зарядку. Жилые корпуса были устроены под казармы и там, на одном этаже жил целый курс, около 100 человек. Здесь происходили построения, вечерние проверки, общения с командирами. Утром при подъеме гнали музыкальную продукцию с магнитофона, например, целый месяц одну ленту, после чего курс легко ориентировался в «попсе» и знал песенный модняк вместе со словами.

После Урала, с хорошей крепкой зимой, здесь даже в Новый Год могло не быть снега, хотя снег пробовал идти, но быстро таял. Слякоть. Зато весна – лучезарная, ярко проступает зелень, цветут яблони, вишни, белые свечи каштанов громко утверждают, что эти места необычны и чудесны.

А лето – базары ломятся от овощей, фруктов, ягод, цветов и среди этого товара плывет какая-нибудь гражданка, весом свыше 100 кг и, подавляет торговцев (с табличкой цены) едким замечанием: «Купи сам за эти деньги и съешь».

Курс построился после занятий. Венька Снеж, Вовка Гостенев и Борька Мавруша держались стайкой, тянулись друг к другу и Венька удивился, что Мавруша куда-то занырнул. Появился он неожиданно, на марше роты с подолом гимнастерки полным зеленых яблок. Казенных, уличных, бесплатных. Яблоки были злые, как недозрелые подростки, и Снеж в ответ на предложение отведать крутнул головой. Нет. Кругом тянулись руки сослуживцев к Маврушиному переднику и он быстро пустел, а кругом стоял хруст и матерок по части кислотности. Остается один яблочек и Мавруша, змей-искуситель, заметил, что он старался для товарищей и царапины имеет боевые за-зря. Убедил, Венька нехотя съел.

После ужина сделалось как-то тоскливо, потом в животе началась жуткая революция 1917г. Снеж летал все ночь от кровати к горшку, но легче не становилось. Утром перед подъемом он забылся, затем всех потащили на зарядку, и он впервые не радовался движениям, а стоял неподвижно и дрожал в теплое летнее утро.

Завтракать почти не стал, хотя впереди занятия в поле, по тактике. Солнце поднялось и пекло, в полдень стали уставать и здоровяки, разные «хитрые» вопросы подполковника – тактика и почти невразумительные ответы Снежко накалили обстановку. Подполковник отчитал Веньку сочно и резко при всех, упомянув совесть, ум и бесплатную еду. Перерыв. Снеж, выбитый из колеи, хотел прилечь на бруствер, ибо все силы уходили, чтобы не напустить немедленно в штаны, как вдруг тактик зарычал: «А ну, рядовой... ко мне! Быстро!» и по барски начал волохать холопа.

Снеж не сдержался и ответил с таким наглым бешенством, что тактик оторопел, а Снежа пробили слезы. За всю службу не пускал «воды», а тут потекли. Снеж был близок к кризису, подполковник, наконец, понял, что сейчас будет скандал несоизмеримый с его запросами. И отвял напрочь.

Вовка и Мавруша молча отвели Снежа в сторону. Они просто сидели с милыми грустными рожами, а Венька не в силах сдержаться всхлипывал, пересыпая неслыханным матом и горечью речь о тактике: «Нет, какая сволочь, как холопа, мордой по земле. И за что? Сука синяя, добить хотел, себя показать...». Постепенно начал успокаиваться, взял себя в руки и к концу перерыва встал жесткий и угрюмый, с опаленной злобой головой, готовый дать сдачу первому пробующему «залезть под кожу».

После перерыва тактик почувствовал, что с этим «сучком» лучше не связываться и перестал общаться с ним. Вечером грузовики со слушателями подкатывали к училищу в пропитанных солью гимнастерках и разогретых до жара сапогах, ребята ползли в столовую.

Снеж отказался от еды и забрался к себе на койку. Подкатывали позывы на горшок, а в желудке и горле установилась не проходящая скука.

В это время Аркаша Кузинский, двухметровый амбал с немывтыми после окопных дел руками и грязным подворотником, перебирал пластинки, затем игла скрипела и полилось: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...». Уныло. Снеж скрипнул зубами: «Кузя, сними диск...». Но Кузя и ухом не повел, шлепнулся на свой нижний ярус, в сапогах, от чего (жуткое нарушение!) имел дополнительный кайф.

«Терпеть, Снеж, терпеть – шептал он про себя, - скоро отпуск, надо выдержать. Если застукают с дизентерией, отправят в госпиталь, а когда вылечат еще 21 день карантин, т.е. август накрывается вместе с отпуском, ожидаемым весь год, а с 1 сентября – новые занятия. Терпеть...».

Сполз с кровати, согнутый и ослабевший пошел в столовую. Если не есть – ослабнешь, тогда беда. Из всего обеда взял рис и чай. Попробовал и понял: бежать пулей в сортир, на ходу расстегивая брюки.

Снеж угасал, Мавруша достал ему жженных сухарей на кухне, но улучшение не наступало. Вот оно, грешное яблоко из сада!

Прошло еще два дня, кто-то настучал, что болят у слушателей животы, и в столовой появился санитар, с инструкцией выявлять заболевших. Он заглядывал, кто как ел и обмануть его было не легко.

Вечером ребята обступили Снежа и прописали ему: в рот ничего не брать, а только пить кагор до перелома ситуации в болезни.

Сухофрукту поручали проявить товарищество на деле, а не с трибуны, носить бутылку кагора и поить Снежа на занятиях. Юрик, нахохлившись, пошел исполнять волю коллектива. Снеж выпил полбутылки вечером, на сон, и полбутылки утром.

На лекцию пришел красный и немного пьяный, но сидел тихо. Пронесло. Днем, в туалете, выпил еще бутылку и к вечеру «река встала». Первый раз уснул крепко до самого подъема. На следующий день, для страховки и закрепления, он снова не пошел есть, а вложил в чемодан Фрукту две бутылки «Кагору». Финал наступил неожиданно: майор Близнюков, блестящий преподаватель антенно-фидерных устройств, умница и юморист, заметил, проходя по ряду, что на зеленые брюки Фрукта что-то капает.

Взойдя на кафедру произнес: запишите анекдот.

«Один гражданин по улице нес чемодан, из которого капало. Сзади пристроился любопытный, который каплями мочил палец и спрашивал:

- Коньяк?

- Нет.

- Ликер?

- Нет.

-Мукузани?

- Нет.

- А что?

Тот открыл чемодан, там сидел щенок.»

Анекдот на лекции засветился аплодисментами улыбок, а Близнюков посмотрел на огромные преданные глаза Фрукта и сказал: «Откройте чемодан и смочите товарищу другую штанину, а то очень контрастно».

У Фрукта отвисла челюсть, но перечить не решился, чемодан раскрыл. Недопитая бутылка была плохо заткнута, залила чемодан и капала в щели. Близнюков воскликнул:

- Косор, вы тайный сторонник Бахуса? Алкоголик?

Все, что могло вспотеть у Фрукта, мгновенно вспрело, а Веняка встрял невинным голосом: «Товарищ преподаватель, это он мне проспорил, но очень плохо хранит» и, взяв недопиток, немного глотнул и покачал головой: «Расхититель!»

Все ржали, как лошади. Фрукт взъерепенился, выступила пена и пропал дар речи. На перерыве он уже ставил перед Венякиной физиономией обе бутылки, говоря, что больше он ему не носильщик и больше ему гроша медного не даст. Это была страшная угроза. Юрик был из шахтерских краев, и ему из дома подбрасывали денег. А так как стипендия слушателя заземлялась в первой же увольнительной, а потом 3 недели – сухари, то аргумент был сильный. Обычно Венюку, как гениального охмурителя, посылали приятели вышибить капитал на увольнение, обещая выгладить гимнастерку и почистить сапоги, к увольнению, только достань денег!!! В их группе было два банкира: Фрукт и Жора Шляпкин. Шляпкин приехал из голодного Иванова, за месяц с небольшим(курса молодого бойца), когда все похудели, Жора поправился. На 20 кг – неслыханно! Оказывается, вверх блаженства были для него военторговские пряники. Жора покупал кулек, ложил, как девушку рядом на второй ярус, закрывал одеялом лицо, как занавесом МХАТ и жевал весь обеденный отдых. Это обнаружили случайно, когда проходившему мимо Хану дневальный на пальцах показалдвигающийся под одеялом рот. Хан, отпетый хулиган и хохмач взял кружку воды, встал на табуретку и, глотнув воды, поднял занавес. Брызнул в жующего тихого хомяка – Жору и закрыл одеяло. Спокойно удалился. Пауза была феноменальна, секунд 10 стояла мертвая тишина. Затем Жора в страшном гневе подскочил, глаза его блистали огнем,

он сел и рывкнул «Мать честная!». Жора был верующий и не ругался, в переводе на простой - это был мат десятибалльной шкалы. Пряники посыпались из 2 кг кулька, а все кто это видел, зашлись от смеха. Вот таких клиентов Веньке и приходилось раскулачивать каждую субботу, а они его уже ждали и тихо ненавидели. Это была работа минера и об этом ходили легенды, но Снеж их всегда раскалывал. Беда для всех пришла - дизентерией заболел слушатель Белый. Его отправили в госпиталь, а он назвал тех, с кем был близок, с кем рядом спит. По команде их отправили в санчасть на сдачу анализов. Началась скверная процедура «мазок», ребята краснели и ругались. Когда дошла очередь до рядового по кличке Штык, сестра в белом халатике что-то шепнула доктору. Тот поморщился и, подбирая слова, деликатно намекнул Штыку:

- Вы что, газетой не пользуетесь?

Тот, считая разговор техническим любопытством, отвечал:

- Нет, я радио слушаю.

Хохотали все, даже деликатный доктор трясся у окна. Потом сказал сестре: «Ладно, этой категории раздай тару, пусть сдают анализ в лабораторию». Сестра раздала спичечные коробки, сверху подписала фамилии.

Фрукт, Рыжий и Штык первыми устроили свое дерьмо в контейнер на окошко. Мавруша, Снеж и Вовка сыграли в рулетку: быстро вставили их вкладыши в свои коробки, а в их коробки насыпали Штыку – песок, Фрукту – голубиный помет с окна, а Рыжему раздавили волчьих ягод. Позднее всех троих вызвали объясняться и повторить анализы. Пострадавшие искали «отщепенцев».

* * *

В Киев пришел вечер, теплый и влажный. Даже комарам было лень летать. Внутри оград перед окнами общежития брэнчали гитары, ходили полуголые, крепкие парни и говорили о девушках, о жизни, друг о друге, о доме. Вовка, Снеж и Мавруша пошли сначала в буфет. Вовка, захлебываясь от смеха, рассказывал Снежу, который был в наряде про утренний семинар по радиотехнике.

- Знаешь, этот седой полковник, что еще в первую империалистическую с лампами возился, пришел какой-то взвинченный. И угрожающим шепотом просипел: «Не смей разговоры...». Аничкин, он же Хан, вечно не готовый отвечать на любые вопросы, сидел рядом с ним и поэтому сделал подобострастную рожу, его красивые глаза своей преданностью напоминали собачьи.

Мавруша углубился в задачу и, обсуждая ее с Белянычем, настойчиво бубнил одно и то же. Они не заметили установившейся тишины, полковник весь седой, потрепанный жизнью, стоял спиной к ним и багровел. Растоптана и попрана дисциплина. Фамилии в группе он почти не помнил, а тыкал в «морду лица» личности и личность вскакивала. А тут вдруг, что-то вспомнив, рывкнул: «Ананьев, встать!». Ананьева вообще-то не существовало, но Аничкин, уловивший звуковую близость, перепугался насмерть (завал зачета = 100%) и тихо, как домкратом, выправляя в стойку согнутые ноги, начал вставать... Мавруша переждав помехи, опять затарахтел про задачу, не поднимая головы и не вычисляя ситуации. Тогда полковник зашелся и заорал голосом коменданта г.Киева: «Ананьев встать!». Некоторым стало дурно. Мавруша опять забубнил Белянычу, отстаивая свое решение, тогда полковник подлетел к нему и приставив к носу желтый ноготь заорал: «Вставай, Ананьев!»

-Но ведь я, Маврушин??!
наконец удивился Борька.

- Все равно! Вставай и уходи... Быстро!

Снеж сидел рядом с Вовкой и хохотал, поглядывая в хитрющие и умнющие Маврушкины глазки. Потом Снеж рассказал, как стоял в наряде, на охране складов. В его обязанности входило проверка трамвая, предположительно пустого после конечной остановки. Трамвай делал за забором, внутри училища, разворот и уезжал. Иногда попадались заспавшие или пьяные, обычно с извинениями уходившие за забор, на остановку. На инструктаже наряд предупредили: «К складам чужих не допускать, Устав обязывает Вас заставить уйти даже силой оружия!». Хорошо сказать, а ты попробуй, примени карабин против Человека! Один в темноте... Ночью приехал трамвай, водитель – женщина показала на мужичка, лет под 30, немного выпившего, не желавшего выходить. Снеж, стоя у поручня вагона скомандовал: «Гражданин, на выход». Тот встал и пошел на выход, Снеж показал, куда двигаться, а тот, держа руки в карманах, двинулся на Веньку. Карабин Симонова (СКС) – не пистолет, и если схватит за дуло, может из рук выдернуть и уже конвоировать тебя. Поэтому Снеж отступил, когда этот хмырь пошел на него, а что у того в карманах? Нож? Просто руки? Гражданин направился к складам, трамвай ушел.

Снеж, как учили: «Стой, стрелять буду!».

Тот идет. Снеж клацнул затвором и саданул выстрел в воздух. Гражданин дернулся, но не остановился. Снеж крикнул «Сейчас по тебе!», тот помчался к тупиковому входу здания, где был открыт лишь вход. Снеж стрельнул вторично, наливаясь решимостью в ответ на эту наглость. Подумал: «Будет убежать, дам по ногам». В это время, услышав выстрел, уже летел к Снежу разводящий с часовым Володей Улихой; он был небольшого роста, но руки мощные и напоминали клещи. Венька рассказал, что нарушитель в подъезде, на выстрелы не реагировал. Интрига раскручивалась. Разводящий с Вовкой исчезли в подъезде, а Снеж подошел ближе и был наготове. Через небольшое время послышался мат, потом крик, потом трое высыпали из подъезда, где вяло сопротивлявшийся тип, шел со скрученными руками.

Курсовой офицер через пару дней объявил Снежу благодарность, а Снеж обдумывал, смотри, как бывает... Вдруг тебя ставят в безвыходное положение, Снеж начал склоняться, что при агрессии и нападении придется стрелять. Когда друзья обменялись историями в приятном буфете, они выпили уже по литру молока и взяли 3 л банку томатного сока. Надувшись так, что в животах булькало, пошли выравнивать фигуры. Вовка был чемпионом по перекладине среди них и с набитым животом подтянулся 17 раз. Мавруша и Снеж по 12, зато Снеж верховодил в отжиме на брусках - 25 раз, Мавруша – 18, Вовка – 15. Особенно неприятны для вздутых животов виса на турнике, подносить носки к перекладине. Но по 10 раз сделали все.

Отдав должное спорту, пошли в группу и легли до проверки на кроватях. Это был самый блаженный момент за весь день.

Снеж брал гитару и играл что-то милое и тихое, откуда из него шло, в гармонии с вечерней расслабленностью, навевая душевное настроение и, угощая романсами и старой эстрадой открытые души друзей. Музыкальный багаж его составляли 300 пластинок, которые крутили на родине родители у его головы: Козин, Юрьева, цыгане, Джапаридзе, все военные песни, одесские штучки и блатная лирика. Знал, как знаменитая Фрося из кинофильма, даже оперу немного...

На проверке всех ждал сюрприз. Кто-то из шутников не поленился и, влезая наверх и подставляя тумбочку, напечатал на потолке казармы четкий след сапог, уходящих в окно. Проверку начал старшина, все устали и полусонные едва мяргали «я» в ответ на свою фамилию. Новый курсовой имел высоту и тембр голоса, почти женского, и его все время заносило в служебном рвении. Пока он не прибыл, «все спали». Поэтому, когда женский голос закричал «Смирно стоять!», все проснулись, оживились, подняли голову.

- Дежурный и дневальный – на середину!

Потом голосом, полным драматизма, начал:

- В армии я двадцать лет. Старшина у Вас все?

- Не проверено еще трое.

- Проверьте.

Старшина докричал список, получил отклики, доложил, что присутствуют все. Дальше начался анекдот, в который сейчас, нынешнее поколение вообще не поверит, но что было, то было, еще живы друзья, кто-то помнит...

- А это что, святой дух ушел? – и он показал на потолок. - Разобраться и наказать! Доложить!

Все застонали от смеха, а курсовой, как всадник без головы, западал на своем «коньке»:

- Если хоть кто (?!!) пойдет по потолку...

В это время из строя доносится: «Это Косур!» Голоса: « Он вечно с грязными ногами ходит!»

Багровый Фрукт, по-собачьи преданный истеблишменту, зычно кричит:

- Не верьте им, товарищ майор, они шутят!»

-Молчать! Еще слово и посажу! Сам посажу!

-Разойдись, строиться на прогулку.

На прогулке, вместо которой с удовольствием бы уже лежали или курили, начали снова мелко хулиганить. Ходили по улице Мельника, и вечерние прохожие шаркались от бандитской группировки, выдающей отрететированный, драматически-музыкальный сюжет. Глухим шепотом сто согласованных глоток на вечерней улице вели речитатив:

«Над Волгой широкой, на стрелке далекой» (ритм речитатива через шаг)

«Гудками кого-то зовет пароход» (ритм на каждый шаг и голоса тревожные, как объявление военного положения).

У прохожих, знавших «Махорку», «Непобедимая и легендарная», это драматическое загадочное шипение вызывало оторопь и страх, желание быстро понять: что это? Но рота скрывалась за воротами.

Начиналась пора экзаменов. Тот, кто мог сдать раньше – мог ехать домой с прибавкой дней к отпуску. Двоечникам - пересдачи и кары. Ребята зубрили по ночам. Пили крепкий чай с банкой сгущенки. Дикович спал на втором ярусе, под ним Шпикельман, которому он дал 26 кличек. Самая короткая – Штык.

Штык – добрый малый, но с особенностями: волос на его голове рос почти от бровей, и лоб почти отсутствовал. Курсовой для себя считал, что Штык всегда не стрижен. Высота стрижки должна быть 2,5 см и все. Штык, волнуясь и картавя, выдергивал волос и примерял к линейке в руках у курсового, но курсовой говорил: «Не

образцово! Подстричься». Штык был, по мнению товарищей, грязнулей, и особую опасность представляли его портянки, не стиранные месяцами, запахом напоминавшие по интенсивности газы на учениях «Химическая тревога!». Когда он снимал портянки, часть народа, костерясь, подавалась «покурить». Уходя, кричали ему: «Ты их в угол поставь, а то в проходе споткнутся и расшибутся люди!».

Действительно, это было редкое изделие: оно имело вязкость, жесткость, форму - вроде тонкой жести и чудовищный запах.

Когда Штык заснул, его «вечный враг» Дик решил пошутить. Он вынул свои портянки и укутал голову Штыка, как парник. Сам Дик был блестящий гуманитарий, с вечной 5 по иностранному, но довольно проблемно добывающий тройки по профильным предметам. Веселый, неунывающий, с красивым коком и узкими глазами. Его высмеивали за то, как он умывался: холодную воду он боялся, смачивал ею только кок, а худые плечи и подмышки смачивал одеколоном и быстро сматывался. Франт, одеколон приличный имел.

Поскольку Штык, накрытый портянками, спал спокойно, Дик лег наверх и уснул.

Штык проснулся через час, как доложил дневальный, прибежавший рассказать об этом в комнату, где ночные зубрилки уже скучали. Все побросали книжки и побежали взглянуть. Штык, смешно картавя матом, намочил портянки Дика, бросил их на его сапоги, а своими накрыл его. Все стояли, наблюдая за чередой событий.

Дик проснулся сразу, резко вскочил. Когда он увидел, чем его накрыл Штык, его рвануло и, закрыв рот, он умчался в туалет. Это был удар прилюдный, простой и эффективный. Штык мелко трясся от смеха, отомстив язве-Дику, и поглядывал веселыми, широко расставленными глазками.

Отомстив и повергнув врага, он откинул одеяло и лег, опять мелко-мелко затрясся от смеха. Глядя на его радость, все тоже усмехнулись и отправились заниматься.

Снеж открыл банку сгущенки и без остановки выпил. Беляныч с удовольствием смотрел, как он выжрал, и съехидничал: «Вот кто Русь прожирает!». Снеж нацелился на него опорожненной банкой, а тот юркнул за дверь. Тогда Снеж налил ему на стул пару капель, а сам стал облизывать стенки банки. Беляныч, видя, что Снеж спокоен, прокрался и сел на стул.

Ох, Беляныч, мухи за тобой завтра летать будут... Тот только повел ухом, но забеспокоился, покрутил умной головой и понял: что-то не то. Посмотрел на стул и увидел, что сел на сгущенку. Ругался он красиво, обидно, зло, что и требовалось услышать

Учили до рассвета. Уже светлело, когда зашел Дик: «Идите, нужны свидетели». Когда подошли к койке Штыка, обомлели. В кровати за спиной Штыка лежал щенок, подобранный Диком ночью во дворе, от тепла разомлевший и, как сказал Дик, уже пописавший на Штыка. Сейчас он лизал ему затылок, тщательно и преданно.

Штык почувствовал во сне тревогу. Брови заходили как у Чарли Чаплина, глаза резко открылись и приняли форму ромба, затем квадрата. Стоят однокашники, блеют, он стал бегать глазами и думать: «Неужели Дик меня красит?». Обернулся и не мог сообразить, кто с ним лежит.

Об его физиономии в тот момент говорили во всем училище и показывали на всех факультетах.

Наконец, грянул гром, щен полетел над кроватями визжа, лая и поскуливая, сея на спящих панику и мочу.

Весь курс на подъеме в сотый раз тиражировал сцену «пробуждения Штыка под влиянием Дика». Популярность Штыка была необычайной, все истории о нем гремели среди полтысячи слушателей своего выпуска, проникая на другие, младшие и старшие подразделения. Когда на комсомольской конференции Высшего Училища стали выбирать заказных вождей, то их легко обошел слушатель Шпикельман (партийная кличка Штык), чья фамилия была дописана в списке сотнями голосовавших. Партийные органы и Ухо Большого Брата набычились, но, поразнухав обстоятельства, успокоились.

Все учились жить в этом муравейнике: выбирать друзей, строить отношения на основании уважения достоинства и симпатии, появлялись откуда-то и неприятели: какие-то особенности биологии, психики, характера, поведенческих мотивов, ценностей, близость взглядов или разница во взглядах на одни и те же ситуации, фигуры, поступки рождали общность или разделяли.

Настоящих неприятелей у Снежа, пожалуй, не было. Может быть только те, что попали в Училище без труда по благу и сохранили пренебрежение ко всему, что другим досталось «потом». Зато построилась и крепла дружба между Гостеневым, Снежко, Маврушей и Борисом Коровкиным, парнем с Волги, тяготеющим к их троице.

Володя Гостенев, среднего росточка, хорошо сложенный, сын полковника, воевавшего честно и результативно, тяготеющего к политической работе и мемуарам. Мама Володи, Галина Кирилловна, при появлении их в увольнении в город на квартире Володи возле Софийского собора, встречала их по-матерински, кормила, угощала яблоками и всякой снедью. И когда Венька брал большое яблоко, папаня, слегка подтрунивая, начинал: «Нет, Венька, ты мне скажи, для чего ты жрешь это яблоко?»

- А в нем железо, необходимое молодому организму.

- А ты возьми рельс, вот в нем действительно железо, а в этой ботве где железо?

- Иван Ефремович, это дело веры, я Вам советую, эти яблоки не есть, я беру на себя труд довести этот эксперимент до конца.

Иван Ефремович смеется, довольный разговором, общением, щурит хитрые глаза, и его «ну-ну, посмотрим» говорит о приятственности.

Вовка, в семье единственный, учился блестяще, был скромн, честен и не зашорен. К друзьям относился сердечно.

Мавруша с Вятки – крепкокостный жилистый блондин, с карими глазами, лицо точеное, с мужской лукавинкой. Умен, любит хохмы, всегда поддержит. Внешне, в быту, тихоня и молчун. Добросердечен, чист и вокруг себя любит чистоту отношений и помыслов, философ.

Снеж – из элитной рабочей семьи, его отец – токарь-лекальщик 8 разряда, Данила-мастер с Урала. Мама - симпатичная русая женщина из Пермских мест, веселая, с музыкальным слухом и приятным исполнением песен. Все берет характером.

Венька светлее Мавруши и повыше их с Вовкой, предприимчив, весел и почти христиански мечтает о счастье на Земле.

Боря Коровкин высок, скромн, немного «вещь в себе». Любит схохмить, смущается неожиданностей. Приветлив.

Все, кроме Вовки, имеют разброс в отметках от 5 до 3, в основном, как говорят, хорошисты. Вовка отличник.

После поступления страшна была первая сессия. Снеж уперся в математике в символ: $F(x)$. Он уже знал, формально, ряды Тейлора, Маклорена, слышал сто раз, что $F(x)$ – обозначение функции, но не мог усвоить, зачем так пишут. Это был какой-то закидон. Снеж никому не признавался, но внутри не верил $F(x)$ и не принимал его, а замены и объяснения не было. Сплошной Станиславский с его «Не верю!».

И вот, оценив «грядущую катастрофу и как с ней бороться», Снеж отказал себе в увольнении и вцепился в математику Берманта. Просидев вечер один с книгой, он понял, что если б его попросили придумать, как обозначить все известные ему функции, то, конечно, пришлось бы написать $F(x) =$. Все, психологически он проломил, и страх отпустил его. Дальше все теоремы, свойства, леммы, доказательства – дело разборки и памяти, все осуществимо. Поняв, что «открыл дверь», Снеж заспешил в казарму, где по случаю отдыха все увольнялись.

Остаться без увольнения, имея ввиду работу с книгами, т.е. вести самостоятельную учебу – это не фунт изюма. Надо напрягать душу и мозги, и волю, главное – волю!

Для Веньки, деятельного, эмоционального, предприимчивого, остаться в казарме на выходной – каторга, особенно после добровольных часов учений и постижений наук. В городе – девушки! Поэтому он сидел грустяшный, без денег – значит, и о буфете не мечтай, а Мавруша начищался в город.

Снеж очень любил пообщаться с гитарой, выкамуривая звуки, ритмы, свои подыгрыши, делая постановку гармоний в известных песнях. Он помнил почти все итальянские вещи Александровича, знаменитого тенора, плеснувшего итальянских песен в Россию в 40-х-50-х годах. Но своей гитары не было, а уральский приятель Щука, который где-то разучил сначала 5-7 основных аккордов, сам брал гитару по благу.

Мавруша слышал, как Венька как-то пожалел, что нет гитары, а у Боба были деньги на свитер, которые прислали из деревни Сосновка очень небогатые родители. Обычно в случаях ухода в увольнение одного, другой мог крикнуть: «принеси сигарет», «принеси шоколаду», а Венька почему-то бросил, зная неосуществимость: «Добудь гитару!» Сморозил.

Наступил вечер, незакрепленная рама все скрипела и скрипела, крапал дождь, сыро и тоскливо.

«Поздняя осень. Грачи улетели.

Лес обнажился, поля опустели...». Ха-ха!

Мавруша вернулся тихо, завалился на кровать и подремывал. Вернулись мужики с увольнения, чего-то потолкались и Витька Трушин попросил: «Ты бы сыграл на инструменте». Снеж изумился: «Так, где я возьму сейчас гитару, вечером никто не даст».

- А ты посмотри, может, лишняя есть!

Его харя излучала хитрецу, и подвох чувствовался откровенно. Комната была прозрачна, что-то спрятать можно только за шторой. Снеж отогнул штору и... обомлел: на него смотрела обтянутая грубой бумагой стройная фигура новой гитары. «Урр...» вылетело у него и булькнуло в горле. Комок застрял где-то под скулой и не

давал дышать, было страшно разжать зубы. Наконец, все оценив и подпрыгнув, он радостно бросился к этому уюту-Борьке, своему заботливому, душевному товарищу, хитрюге и скромняге, стал его трясти и тормозить. Тот тихо засмеялся и предложил: «Поиграй».

Снеж, размягченный, начал с русских романсов, русских таежных песен, потом перешел на военный репертуар, зачерпнул одесский блат и кончил Бернесом, что часто звучал на утренней курсовой пленке. Все были довольны. За гитарой смотрели все и тронуть ее дорогого стоило.

Снеж любил петь в предбаннике перед умывальной комнатой. Дело в том, что горячая стена и темнота были две компоненты необходимого условия: резонатор спины разогревался и звуки от шаляпинских низов до верхов Иммы Сумак строились легко и доступно. Достаточным условием был психологический настрой, та чудесная доброжелательная аура дружеских сердец, которая, будучи завоевана, создает генератор добра и света. Этого излучения не видно, но чувствуют его все. Темнота комфортна. И выбор песен, и их исполнение взмывают в поднебесье. От русской души Александра Вертинского, есенинских «глухарей», «я по первому снегу бреду», цыганских запредельных плачей и улетов о любви и измене, от утесовских ритмичных штук, от одесского шансона, еврейских («чтобы да, так нет.») шлягеров, армянских, грузинских мелодий «Ореро», итальянских сочных и ритмичных песен до глубин русских и цыганских романсов и военных вещей, ранних Окуджавских песен – и лучшее, и честное, что было в эстраде.

Снеж осторожно входил в кайф, высекая высокое состояние души и уже не отпуская его, включал поисковые ассоциации, которые подставляли под этот куражный фон подходящую вещь по мелодии и словам. Иногда это были куски мелодий то ли вновь возникшие, то ли забытые в подкорке или подсознании, и так было три-четыре часа душевной музыки, голоса и гитары, поэзии, смены ритмов и стилей, диалектов и экспериментов с национальными мелодиями. «Опавшие листья» Косма, которые привез Ив Монтан, латиноамериканские мелодии, песни из «Возраста любви», сибирские и уральские песни. Русские темы.

В эти моменты в души ребят вливалось что-то светлое, вроде родниковой воды, и те, кто попил ее, от музыкальных помоев отворачивались, хотя бы и сдобренных похабом и матерком.

Корни

В первые месяцы, вырванный из родного дома, города, края и пересаженный на совсем другую параллель, Венька часто мысленно улетап на Урал к родным местам. Его воспоминания несли его к школьным друзьям, к воспоминаниям о девушках, о целомудренных встречах и прогулках, о только намечающихся нежных чувствах, о жизни в родном доме. Вечером, после занятий, Венька иногда расслаблялся и в компании Вовки и Мавруши рассказывал им об Урале, о детстве, о доме. Они рассказывали о своем доме и детстве, и этот неторопливый обмен помог достраивать черты и облик товарищей, их мотивацию поступков и действий. Их миропонимание.

Когда- то в детстве.

Почему взрослые такие странные? Им бывает очень плохо и всегда некогда. Отец утром сочно огрызается на мать, как-то психованно говорит, с угрозами, и на душе плохо и пусто. Страшно за мать, да и сам не попадись под руку, а то обещал выпороть собачьей плетью. Венька, оставшись один в доме, внимательно ознакомился с ней, она была просто жуткая – ею можно убить и располосовать; в воздухе плетью свистела. Венька долго выбирал место и, наконец, спрятал плетью под пыльные мешки из-под картошки в чулане. Выходя, подмигнул собаке: »теперь нам легче», та радостно завильяла хвостом. Отец всегда называл ее «сука», Венька морщился. Вспылив, отец также называл мать, становилось грустно и противно, словно из-под тебя ударом выбили стул. Мать всегда говорила, что отец у нас умный, только ленивый, даже не ленивый, а просто делает то, что считает нужным, руки у него золотые Венька это знал: когда-то батька, говоря, что нечего только по дурацки педали вертеть, в полчаса выправил «восьмерку» на велосипеде, с которой Венька безнадежно возился полдня. Еще у отца был охотничий нож- финка: черная рукоятка и белая хромированная сталь били по воображению контрастом цвета. Финка была красивой и страшной. Когда приходили ребята со школы, Венька вынимал ее и показывал. Все молча разглядывали, даже не играли, не пробовали взмахнуть.

Но особую славу отцу принесла тележка для вывоза картошки: на каучуковых ободьях, легкая, правильно центрированная, с красивыми толстыми ручками она вызывала зависть, как бричка экстра класса у тележника.

Венька по-своему гордился отцом: у него огромная голова, говорит неторопливо, и в словах не с чем спорить – все естественно, просто, однозначно. Венька бы хотел любить его, но его мощная память и обидчивая, чувственная душа не могли простить отцовских грубостей. В трудные минуты мать всегда искала у Веньки сочувствия и поддержки, Он жалел ее. Мир взрослых открывался постепенно и неожиданно, со страшным грохотом врвался в хрупкую детскую душу. И долго-долго печально звенел хрусталь ее стенок. Венька рос вместе с Игорем, отца у которого забрали в 37 году. Мать Игоря и бабушка Веньки были сестрами. Так как дед с бабушкой и Игорь с матерью жили вместе, то беда задела и деда. Их сослали в глухой лесоучасток на Урале, где местные жители были разбавлены всякого рода жуликами и разбойниками. Когда-то, в году 1915, семья деда, простые русские мужики с хорошей смекалкой и русской хваткой, наладили «дело» – стали торговать. Хозяйство было крепкое, торговля не крупная – чаем, крупами, сукном, табаком – принесла достаток и славу. В революцию их долго не трогали, так как до купцов вроде не доросли и землю не бросили, но когда один из братьев после очередного отступления белых ушел с ними, над домом нависла гроза. Отнеслись к ней по-разному: старший брат, одноглазый Василий, благообразный, степенный, религиозный уговаривал не бояться и остаться. Но дед, которому одна мысль, что нужно перед кем-то держать отчет, была невыносима, отвязал коня и поцеловав бабушку и дочь в пеленках (их не тронут – бабы!) уехал вместе с волостным обозом. Долго скитался, но винтовку в руки не брал. Одно время даже пел в церкви г. Колывани. Бабушку начальство трепало за деда, в лютой уральской мороз гоняли ее на лесозаготовки. Но не сломить русскую бабу, Закутывала она

дочь, оставляла в избе и вкалывала вместе с мужиками, с ужасом прислушиваясь к пальбе. Село переходило из рук в руки 7 раз. Пули впивались в стены, но жизнь продолжалась.

Дед вернулся неожиданно, похудевший, но здоровый. Его не наказали, но привлекли к охране складов, и ночью он дежурил у темного сарая с зерном. Дед был крепок, при погрузке мог тащить на руках шестипудовый мешок. Огромный, белый, налитой, с плечами в косую сажень, он был добрым и хорошим человеком. Однажды к складу полез пьяный мужик, дед его стал уговаривать уйти. Тот продолжал скандалить. Осерчав, дед поставил винтовку в угол и так тряхнул мужика, что пиджак с рубахой остались у него в руках, а мужик, пролетев кубарем, сразу протрезвел.

Дед сломался, когда узнал о смерти отца и брата. Крепкий дом рассыпался, жить стали хуже, да и то иногда вспоминали с намеком, что торговля у них была. Судорогой свело душу, мечты не осуществились. Новый быт был непонятен и неприятен. Церковь в селе закрыли, а во главе встали хилые бесхозяйственные мужики. Веры не было ни во что. Начали прижимать. Дед запил. Запой были неделями. Огромное мощное тело содрогалось от ругательств. Он костерил жизнь и власть, бабушку и родню. Сладу с ним не было.

Шли годы, дед угомонился, нахохлился, уткнулся в работу. И лишь иногда бывшее прорывалось в водке. Дед безумно любил Веньку, души в нем не чаял. Большой, неловкий он бережно гладил его по головке, возил на санках в лес, пел долгие одинаковые молитвы. Голос у деда был низкий, хороший и, если доходило до песен, то Венька заслушивался.

С отцом дед не ладил: «серп» и «молот» не признавали друг друга. Отец, выросший в Питере, не понимал сельский уклад деда и называл его за глаза «кулаком»; дед считал отца городским хахалем и замужество дочери не одобрял. Они звали друг друга холодно по имени-отчеству, жили каждый своим двором и стыковались редко.

Когда деда сослали из-за мужа бабушкиной сестры, «врага народа» лесника, мать однажды сильно разругалась с отцом. Мстительный и жестокий в момент ссоры отец сказал, что донесет о кулацком происхождении деда. Мать шла на работу и жаловалась Веньке. Это было настолько чудовищно, что Венька с удовольствием не поверил бы. Отец предаст деда? Его отец? Его доброго деда предаст кому-то чужому? Венька стал бояться отца, отец чувствовал это, но страх не угонял. Истинным домом Веньки стала улица.

* * *

Улица, улица. Как она хороша, улица и свобода – одно и то же. Через три дома от Веньки была школа ВВС и летчики-курсанты крутили ручки в учебных самолетах, стоящих на дворе. Стоял огромный бомбардировщик, штурмовики, маленькие ястребки и тихоходный У-2. Ребята только и ждали, чтобы наступил обед или вечер и, оставив кого-то на «атанде», лезли крутить ручки, нажать на педали, прикоснуться к штурвалу. Поворачивали элероны крыльев и перо хвоста до тех пор, пока не было свиста. Кто-то из пацанов, имея понос, нагадил в бомбардировщик, за это всех стали ловить. При сигнальном свисте прыгали откуда застало. Из кабины до земли было высоко, но летели не раздумывая. Погоня отставала у домов.

Веньке очень нравился Генка Миляев. У него был красивый плотный, слегка вьющийся чуб, с переливом от светлого до темно-коричневого, крепкое сильное тело, красивые карие глаза. Всегда веселый и озорной, он был королем и покровителем. Спокойный. Еще любил его Венька за песни, он пел, никому не подражая так, как хотел, и это казалось самым лучшим. Смелость Генки не имела пределов, но она не была показной и дурацкой. Она начиналась там, где замирали в страхе души ребят: по дороге в городской сад, однажды, привязался к ним большой парень. Кого толкнет, кого щелкнет. Венька шел с Генкой в конце и заметил это не сразу. Услышав, что говорит этот тип, Генка подошел к нему и сказал, чтобы тот проваливал. Когда он напрягся, то слова у него возникали медленно, но четко, лицо становилось строже, но усиливалась насмешливость. Тот тип хотел стукнуть Генку, тогда Генка двинул его так сильно, что тот завалился. Не используя свое положение, Генка сказал, что сейчас будем драться, но мне кажется, ты не захочешь. Он сказал это не громко, но парень вскочил, попятился и, лепеча чушь, пошел и пошел. Могли ли мы не уважать Генку?

Зимой Генка с лучшим другом устроил дуэль. Они легли за деревья на расстоянии 40-50 метров и стреляли из одностволок дробью. К счастью, кроме царапин увечий не было. Еще Веньке нравилось, что Генка не был похабником и ровно, без скачков и перемен в поведении, доброжелательно относился к Веньке.

Летом почти все пацаны вертелись у дома. Небольшая часть уезжала на лето в лагерь, но через месяц уже возвращалась домой – ходить в леса, к рекам, играть в простые изумительные игры, есть ягоды и купаться.

Под городом была заводская свалка шлака – Калиновка. Изуродованные пламенем огромные глыбы шлака, еще горячего, лезли с заводских платформ шипя в тихую лесную речку, образуя в ней запруды в самых случайных местах.

Подальше от свалки в заводах стояли шуки и щурята, которых пытались выдернуть петлей из проволоки. Главное, чтобы руки не дрожали. Заводили с головы тихо и плавно, иногда петля касалась рыбьей головы и та пятилась. Но вот петля за жабрами, дружок дергает, орет, тянет, все бегут, смеются, кто-нибудь матерится. Щурят пекли на костре, а больших несли домой матерям, чтобы лучше отпускали на рыбалку.

В полдень ложились на перекат, ляпали друг друга мокрым песком, ржали, мерзли и грелись, прижавшись боками на берегу. Обгладывали веточки и бросали их в муравейник. Муравьи начинали бегать, суетиться, а сверху щелкали, чтобы их больше вылезло. Веточки становились кислыми, и снова ложаешься у реки, высасывали их, считая это мороженым.

Однажды после реки, выйдя на пригорок, обнаружили змею. Все врассыпную. Венька схватил старый сук и, близко подойдя, стукнул. Змея свилась. Он вспомнил, что змея цепляется за сук, а если поднимешь, прыгнет на шею. Он начал стучать палкой, не поднимая высоко. Оправившись от страха, ребята подскочили, кто с камнем, кто с сучком, добивали змею все вместе.

Потом Венька сказал, что человек – это тот, кто убил змею, построил дом и посадил дерево. Все решили, что Венька одно уже сделал. Потом ели пригоршнями землянику, спускались «с парашютом» на берегах и счастливые шли домой, а поев, выходили к сараям. Спали в сараях, у каждого был свой сарай, и каждый благоустраивал его как мог. Например, свет ночью: батарейка и лампочка были роскошью, и дорожи-

ли ими очень. Без света ложились «чрень» и «лопухи». Выключатель должен быть потайной и удобный. На ночь кто-нибудь что-нибудь рассказывал.

В ту ночь договорились бить собак, которые ночью встречались у помойки за дровенником, сбивались в стаи, рычали и лаяли. Камней запасли с вечера, а ночью по условному стуку в стены соседей по сараю вылезли на крышу. Ночь была лунная. Генка подал звук замереть. У торца сарая стояла Нинка из соседнего дома с парнем. Он заваливал ее, засосав губы, и весь подрагивал. Пацаны напряглись, но сообразив, что сейчас произойдет у них на глазах, не выдержали и, как-то озлившись, засвистели, заматерились, заорали. Нинка услышала первой и смотрела на нас, показывая зубы, белевшие в полумраке в усмешке. Очнувшись, парень потянул ее меж сараев, а она громко смеялась. Всем это очень не понравилось, все были в ярости, и камни полетели в собак с такой страстью и точностью, что собачья свадьба тоже расстроилась. Раздались вой, визг, лай, и собаки понеслись прочь.

Каждый ворочался в своем сарае, вспоминая Нинку, отдающую себя парню, и особенно ее смех невпопад, вызывающий почему-то злобу.

* * *

Человек - это «Вселенная», информационный центр, неведомый клад, новизна! Есть и другая сторона, «плоская» – червяк, живет, чтобы есть, и все такое.

Но интересен первый вариант. Пишется это для человека, захотевшего рассмотреть, как жил другой человек, чем жил, о чем думал, чему радовался, чем огорчался, о чем жалел, был ли счастлив?

Привет тебе, живая душа, следующее звено цепи нашей!..

После войны 45 года на Уралмашевской окраине начиналась улица Калинина. Дома, построенные из уральского леса, простояли 50-60 лет, их потихоньку начинали заменять. Братва, дети рабочего люда, собирались у этих домов и обсуждали, чем заняться. Оказывается, большие пацаны накачали курицу сзади насосом, но она так кудахта и крутилась, что ее отпустили. Потом попался Вася Олейник, они вроде и его попробовали надуть. Живот у Васи вздулся, и он ходил попердывая, и ревел. Гады.

К вечеру к тете Море, жившей на первом этаже, пришел какой-то знакомый, чем-то, может быть, небрежным жестом, не приглянувшись двору. Темнело. Иголку из-под дратвы для починки валенок воткнули в окно, вдели нитку и в 30-и сантиметров от ушка привязали гайку. Отошли в тень сарая напротив дома и подергали за веревку. Гайка звякнула по стеклу нагло и звонко. После первых ударов штора распахнулась, и два лица напряженно уставились в окне. Затаились. Закрыли шторы. Еще серия подергиваний. В квартире применили хитрость: потушили свет и сквозь узкие щели наблюдали. Но все тихо – штиль на Тихом океане.

Свет восстановили. Еще серия. Теперь выскочили с предметами в руках. Нитку не видно, гайка на фоне темного окна не заметна. Паника... Последний раз и выдергивается иголка с гайкой. Звук злой, частый, чуть стекло не поцарапали.

- Хулиганы! Бандюги! – это подъезд подключился.

Но никого и ни одной улики. Пора по домам пацаны...

Утром Буруха принес в школу презерватив. Молодая и симпатичная биологичка немного заигрывала с классом и была еще не учительницей, а, пожалуй, пионервожатой. Когда она шла к доске, Буруха надувал резину, и вид дебила, отрабатывающего половой вопрос, становился невыносим. При ее повороте и обратном движении ее к классу Буруха выпускал воздух. Первые три вдоха покорежили школьниц и джентльменов. Но Буруха был двоечник и непробиваемый тупица, поэтому остановиться он не мог.

-Что это такое, Бурухин?

-Где?

-Ну, у Вас, у Вас.

-Это не у меня! Это мне Комиссаров дал «поиграть».

Комиссаров, умный, деликатный и замкнутый, зашкалил, так как такой «выигрыш» даже врагу не пожелаешь. Класс закатился смехом, орала все. Учительница не знала, как держаться, ибо панельные приемы и школьные законы пересекаться не должны, а тут тебе... Скандал.

Вечером, после школы, шли с Ромашкой и Бalezей и Ромашка предложил постучать в окно закрытой аптеки. Никто не возразил, и Ромашка с трудом забрался до нижней кромки окна. Стучали в него систематически, но медсестра не могла сильно бегать, и силы были неравные. Но в этот раз после стука, пока Ромашка сползал с окна, из подъезда выскочил молодой мужик и, хотя все сиганули как косули, догнал Ромашку и сгрел его. Все убежали по домам, а через час – другой стали собираться и ориентироваться. Оказалось, что наскочили на милиционера, друга медсестры. Вызывали родителей. Не повезло

Дела в школе осложнились.

В шестом классе пришел Космач, отрывной пацан, который подходил с двумя прихвостнями к каждому и требовал школьную булочку или денежный эквивалент. Отказников или сомневающихся бил в лицо, не сильно, но внаглую. Это очень напоминало татаро-монгольское иго. Все бурчали, но силы для протеста не складывались.

В седьмом классе появился Крылов, который рисовал органы, скабрзности в духе соцреализма, например, «запор». Крыл показал, что такое «принцип», отказавшись платить Космачу дань. Космач со свитой вышли в садик за школу, остальные за ними секундировали Крылу. Сначала Космач с опричниной кинулись было на Крыла, но слабовольный народ сбился в кучу и отсек прихвостней, сам дивясь своей смелости.

Крыл после удара Космача не упал, не смешался, а взял пластмассовую чернилку-невыливайку и, зажав ее, дал ему в глаз. Космач, кроме невиданного отпора, был мгновенно окрашен в фиолет и потерял половину гонора. Крыл, слегка побледнев, нанес ему еще пару ударов, после чего Космач сел на землю и слил. Победа была полная. Безликая масса в порыве революционного гнева толкала в спину и ставила подножки прихвостням. В тот вечер многие чувствовали себя победителями, оковы рухнули. Свобода, уважение!

Вечером отпущенный Ромашка впервые появился на людях. Все стали спрашивать о подробностях, Оказалось, почти не били, но стращали, и Ромашка стал говорить медленней и еще больше заикаться. Кто-то, кажется, Бalezя вспомнил, как Ромашка ходил в баню. Оказывается, он пришел в баню, что рядом с кинотеатром

«Темп», с большим крючком из медной проволоки и кольцом для пальца на другом конце.

- Зачем проволока нужна в бане?

- А чтоб не украли!

Молодой мужик набирал кипятку, чтобы ошпарить лавку. Роман с крючком стоял за ним, шайка в одной руке, проволока с крючком в другой. Как он зацепил за главный орган отходящего мужика, трудно сказать, но со страху проволоку не отпустил, а мужик орал на Ромашку и плескал вокруг кипятка.

«Отпусти, сука!» Ромашка начал заикаться в том смысле, что «Сей – сей – сей – час...» и стараясь освободить палец, тянул проволоку на себя. Кто стоял рядом и был ошпарен, теряли терпение, мужик обещал убить или сварить его в кипятке. Роман мычал, получил затрещину и тихо откатился.

Ромашка сказал, что настоящая полундра была в той же бане с мужиком, заглянувшим к женщинам через оставленную открытой дверь в парилке. Мужик шагнул, надеясь посмотреть безвозмездно и близко на женщин, но попал не к самым красивым, а к рабочим – техничкам, матерком его пугнувшим и кипятком окатившим. Мужик зашпешил, поскользнулся, сделал почти шпагат, одна нога по одну сторону двери, другая – по другую. Дамы, как злые осы, рвали ручку, чтобы дверь закрыть и пытались задвинуть мужскую ногу. Мошонку они не видели и, хлопнув дверью, были довольны звериным воем «паразита» и полной победой. Но одна дама увидела оторванные яички и, собрав их, выкинула за дверь мужику со словами: «Хозяйство подбери». Говорят, в больнице зашили мужичка, а история бродила по бане весь месяц.

Да, баня... Целый волшебный мир, это ощущения, проверенные веками, это ритуалы, это возможность увидеть такую жизнь, какую не покажут ни в одном фильме.

На задворках Венькиного дома стояла длинная одноэтажная каменная баня с высокой железной трубой. В тридцати метрах от входа в баню был поставлен (2х2 метра) ящик с гудроном. Летом на солнце он раскалялся и пребывал в состоянии патоки, густой и липкой.

Днем, когда родители работали, а дети у домов искали приключений, кому-то пришлось в голову кидать камнями в грузовые машины, чаще в полуторки. Если попадешь, то надо бежать за дом, в квартиру и залечь на дно. Шофер не найдет, а полундра стоящая. Юрка был в классе пятом, с ним еще двое меньших. Кинули камень в проезжавшую мимо полуторку и разбили правое боковое стекло. Водитель оказался молод и проворен. Резко затормозил, открыл дверь и бросился за Юркой, который пошел в нешуточный отрыв. Сзади бежали и скулили мелкие подельники. Пробегая мимо них, водила дал каждому поджопник. Вой усилился, а Юрка понял, что домой бежать нельзя, и потянул за сарай к бане. Он пробовал петлять, но водила неотвратно приближался. Последний жалкий трюк, и рубаха и штаны в руках 30-летнего мужика, глаза которого горели пламенем. Окинув взглядом позицию, водила увидел ящик с гудроном и погрузил Юрку головой (затылком), оставив рот и глаза. Гудрон пропитал все, а растирая слезы, Юрка вымазал лицо и вполне походил на негра, персонажа-статиста из «Хижины дяди Тома». Весь двор сопровождал его до двери, ибо драма начиналась там. Мать была дома, она его не узнала, а узнав, пробовала бить, но гудрон прилипал и было неудобно и нудно. Его раздели, мазали жиром и чистили, голову подстригли под ноль. Общество гудело. Тут кто-то сказал, что мужик на лошади с телегой ездит за металлоломом и раздает подарки: мыло, свистки, игрушки.

Быстро сообразили и побежали обратно к бане. Примерно одна пятнадцатая часть ее трубы подломилась и висела сломанной папиросой. Приходили люди с оружием и пробовали сделать отбой этому куску. Совместные усилия людей и ветра скинули обломок, а вот дальше русская лень и безалаберность на долгое время оставили эту часть трубы на земле.

Пацаны привели лошадику, помогли погрузить в телегу обломок трубы, получили подарочные глиняные свистки и взаимодовольные тронулись каждый в свое место, как вдруг ленивому администратору пришлось, зевая, взглянуть в окно: «Трубу увозят!». Он вылетел и бежал за телегой, матерясь и лаясь. Мужик на лошади, увидев его, обомлел и засомневался. Борьба была односторонней, банщик обещал посадить мужика за хищение государственного имущества. Труба была сброшена на землю, где и пролежала следующие 10 лет. Банщику свистели семь свистков, сделанных из глины, а «ямщик» стегал лошадь и качал головой.

Ребята любили поглазеть в окна бани в женское отделение вечером. Загаженность стекол разжигала воображение, и просмотры были периодическими. Каково же было удивление пацанов, когда какой-то хлыст лет сорока, тонкий и неопрятный, смотрел днем и не в окно, а в открытую форточку. На визг старушек не обращал ни малейшего внимания. Но одной даме удалось удачно плеснуть в его морду кипятком, отчего он свалился и побежал.

Наступила зима, выпал снег, появились санки и лыжи. Лошадей впрягли в сани. В эту пору многие заказывали привоз дров «по дешевке», а окрестные крестьяне калымили. В деревянных домах для рабочих на улицах типа «Красных пролетариев», «Уральских рабочих», «Калинина» все топили дровами, иногда в доле с торфом. Дрова, стволы по 2-3 метра, старались распилить, поколоть и разместить в дровяниках или сараях.

После войны многие мужики не вернулись с войны, и семьи были неполные: мать и ребенок или несколько детей. В угловой комнате на первом этаже дома жила Ульяна. Сын ее Витька был осторожный, быстрый и коварный малый, всякие слюни про дружбу не распускал. Наверно многое шло от условий жизни: отец не вернулся с войны, мать подгуливала, Ездил к ней справный деревенский «кулачок» Миша, на лбу – глубокая вмятина, был он неторопливый и бравый. Говорил на морозе под окнами Ульяны, встав в лошадиной упряжке: «Так, Ульяна, ну ж и люблю я тебя, сильно и навеки». Это был театр. Лошадь пряла ушами, мы, пацаны, составляли зрителей. Он возил дрова, и к вечеру у него водились деньги, которыми он потрясал, вынимая поочередно из карманов тулупа.

Иногда Ульяна пускала быстро, иногда после уличного действия, иногда совсем не пускала. Для лошади последний вариант был предпочтителен.

В этот раз лошадь стояла долго, мороз обметал нос, уши, ресницы. Она стояла забытая и терпеливая. Вдруг у окна Ульяны кто-то застучал палкой по окнам и слышался женский голос: «Нет, эта б... долго будет брать чужих мужиков? Деньги к ней, лошадь заморозил, своих бросил. Выходи Мишка!». Михаил вылез из теплой норы, подогретый водкой и женщиной, и беззлобно стал ругаться с женой с одним резоном: «Поезжай домой». «Нет, пусть сучка выйдет, я ей кости посшибаю сейчас» и стучала палкой по окнам.

Ульяна появилась в шали, без верхней одежды, и проворно толкнула соперницу:

- Забирай свое дерьмо. Сколько ему говорено «не ездй», и чтоб я вас здесь не видала!

Мишка тоже получил тычок по губе от Ульяны и полетел в сани. Жена, поднявшись после падения, старалась вцепиться в Ульяну и стащить с нее шаль, но Ульяна увертывалась и поддавала ей сзади. Хотя моральный перевес был на стороне деревенской, Ульяна своими рейдами и циничными заявлениями о качестве «этого добра» вызывала веселые улыбки зрителей и, оторвавшись от осады, упрыгнула домой, закрыла дверь и показала в стекло фигу. Жена костерила Мишу и Ульяну, поднимала в стенании руки и говорила о коварстве. Огонь действия потух, она сама села в сани, лошадь оживилась и пошла. Мишаня с неиспорченным настроением неспешно шагал сзади.

А еще в подъезде появился жилец, который, если ему сказать «покажи паспорт», расстегивал штаны для обозрения. Что за люди? Жуть какая-то.

* * *

Портрет Сталина, висевший на гостинице «Мадрид», упал на отца Венькиного приятеля, сильно покалечил. Венька вспомнил, как в садике готовили праздник и рзучивали стихи. Одно из четверостиший заканчивалось словами: «нам Сталин дороже отца». Когда Венька прочитал это вечером матери, она всполошилась: «Как это дороже отца? Ты думаешь башкой – Сталин дороже отца?». Эту оценку Венька запомнил и относился к подобным стихам скептически, хотя в диссиденты не лез.

* * *

Вовка Бугаев плохо относился к велосипеду: болтался руль, тормоз не работал. Он тормозил ботинком о переднее колесо, защитные щитки снял. Даже колесо в передней вилке слабо закрепил гайками, и оно могло соскочить. На советы товарищей отвечал застывшей улыбкой – «да пошли бы вы подальше»...

Они ехали в пять велосипедов на озеро Балтым мимо морковного поля, Бугай все звал пожить. Венька помнил, как совхозники били воров пожарным наконечником за 3 вилка капусты и 20 морковок до крови. Набег не поддерживал, поэтому Бугай решил идти в одиночку. Сначала он насмешил всех, съезжая с порядочной горы. Его сапоги тормозили о переднее колесо плохо, и он летел, обгоняя лошадей, тележки и все велосипеды. Наконец он залетел в ров, переднее колесо вырвалось из вилки и покатило в поле, а вилка ушла в землю. Бугай летел, кувыркаясь и матерясь, пока не приземлился. Встав после аварии в метрах пятнадцати от дороги, он, не смущаясь, снял штаны и стал делать серьезные дела. Чувствуя к себе интерес приятелей, он стал рыть и выдергивать окружающую его морковь, заматывая ее в подол рубахи. Все с велосипедами стояли на шоссе, когда на двух лошадях в нас врезались два здоровых, толстомордых мужика с плетками. Замахнулись на нас: «Че стоите?».

- Ждем аварийщика!

- Мы вас в сельсовет потащим!

- За что?

- Воров надо наказывать!

Один остался с нами, другой пошел к засранцу, дергающему морковь. Молча ожег его плеткой. Бугай подскочил, и морковь посыпалась из подола.

-Ты че воруюешь?

- Да я поспать присел, а морковь тут лежала, я и взял.

Мужик успел его еще раз обслужить плеткой, после чего Вовка быстро одел штаны и шагнул за колесом. Увидев его велосипед, вошедший передней вилкой в землю, и отдельно переднее колесо, сторожа рассмеялись и, пообещав при повторе сдать в милицию, велели быстро покинуть поле. Вовка бежал, увозя велосипед на заднем колесе и почесывая известное место, а все ржали над его неряшливостью, тупостью, хвастовством. После этого он долго не выступал и ехал молча.

Вернувшись с похода, увидели во дворе дядю Ваню, купившего новый «Москвич 401». Дядя Ваня богател на глазах: сначала в сарай привез поросенка, выкормил

его в здорового борова, заколол, мясо продал. Купил поросенка снова и - мотоцикл с коляской. На второй год продал откормленного борова и мотоцикл и - купил машину. Сейчас он принес тяжелую емкость с бензином, хотел перелить в бак - тяжело, достал трубку, сунул один конец в емкость, другой пробовал соснуть и перенести быстро в бак машины. Не удалось. Тогда Ваня обратился к нам: «Кто хочет покататься? Надо заправить. Попробуешь?» – обратился он к Веньке.

Венька на глазах своих приятелей сделал несколько затяжек, но бензин, едва появившись, больше не тек. Тогда он решил вдохнуть, как следует и заглотив, не успев выплюнуть бензин, но успел сунуть трубку в бак.

Его воротило, тошнило, всю ночь в сарае он икал бензином, а соседи боялись курить: такой концентрат был бензина с воздухом. Пацаны дразнили: «бензинчика примем?».

* * *

Однажды к Венькиной маме пришла приятельница с дочерью; против Венькиных девчонок 7-8 класса ее дочь была студенткой, кажется, педагогического или института культуры. Красивая, спокойная, знающая себе цену, она тряхнула темными, в ореховый цвет волосами и уверенным взглядом посмотрела на Веньку. Его белая смышленная мордашка стала розоветь, переходя в цвет полкового знамени. Она начала неспешный разговор о жизни, об улице. Оказалось, Венькины пионервожатые в лагере ее знакомцы и кавалеры, а Ваня Зайцев, самый видный и приятный вожатый, просто ее поклонник. Узнав, что тот был нелюбезен с Венькой в каком-то эпизоде, она, впоследствии, просто «высекла» своего воздыхателя, и тот оправдывался перед Венькой – младшим.

В разговоре и общении Ксении и Веньки возникла приятная напряженная интрига. Ксения, красавица и умница, не часто, но систематически бывала у Вени, и их разговоры, рассуждения и молодая игра были потрясающи. Венька вырос и созрел бросковыми темпами, оставаясь джентльменом и рыцарем, а Прекрасная Дама нашла как бы случайный родничок, вкус воды которого забавлял ее и она пробовала и пробовала еще...

Среди личных ценностей у Вени был альбом с марками, который он начал собирать на тему городов и культуры. В альбоме были марки четырех городов-героев, интересных музеев, зданий и др. Марки лежали в пакетах или в кассах альбома, и время от времени Венька с восторгом разглядывал их.

Поле напряженности возрастало, и, конечно, все рычаги управления были у Ксении: она поставила эту пьесу в поиске пространства творчества и индивидуальности, где возрастали дивные цветы и плоды. Их разговоры были театральной импровизацией, блестящей и душевной.

Они стали почти друзьями. Суховатый грудной голос Ксении так напрягал Веньку, что мысли и эмоции мчались удесятерено, и он выхватывал из этого самиздата великолепные мысли и прекрасные чувства и дарил их девушке. Ксения вполне по срокам и регламенту интриги могла достойно отойти, но что-то притягивало ее к общению с этим динамичным героем, обитателем двора; какие-то наблюдения за жизнью и людьми от Веньки казались ей интересными.

В приближающийся праздник Веня предложил Ксении свой коронный Альбом марок, она пришла, слегка посмотрела, но, конечно, не оценила настолько, насколько дорог он был для Вени. После этого подарка интрига стала распадаться и, хотя при встрече им было интересно общение, сама тяга к встречам ослабла. Странно несколько...

Через годы круги на воде растаяли, и где-то в душе осталась только светлая полоска от радуги, что когда-то зависла прямо над его головой.

* * *

Балтым, Красное – станции пригородного поезда. Платформы с рядом деревянных скамеек с низкими бортами. Уралмашу дали там земли под огороды, под картошку, и чтобы выжить, все семьи завода ездили копать, полоть и окучивать и собирать картошку. Жуткое богатство: гарантия неголодной зимы.

На станции Балтым живут дедушка и бабушка, сестра бабушки с сыном Игорем. Веня все лето проводил с Игорем. Он старше на 3 года, в детстве это много.

Все в поселке держат огород и скотину. Совхоз кругом держит поля, их прилично сторожат, если поймают конные сторожа с совхозной морковью – всплут, могут плеткой, ославят, морковь отберут. Бери у себя в огороде! В основном так и было, вот только брюква и турнепс на полях классные, хоть один добыть надо бы...

У бабушки – корова Январка, теплая, добрая, но зверь: если копытом на ногу встанет, то сойти не торопится. А еще есть старик Донской, его уважают и боятся, он может посмотреть на корову и сглазить. Взгляд у него из-под бровей, Вене было интересно посмотреть на этого необычного старика.

Дед Веньки работает бухгалтером, или счетоводом. С получки может выпить. Тогда дома появляется совсем другой человек, распоясанный, раскованный, артист, дающий звук с пол-улицы. Поет что-то громко, сосредоточенно. А у бабушки портится вечер, настроение тревожное: будет ли буза и драка, или уляжется сам... Как-то из дома и на снег выгонял... Веня напрягался, ему от пьяного деда страха нет, дед его любит и помнит в любом виде, но бабушку жалко и обидно. Веня старается деда утащить домой под свои речи и уложить спать.

Страна раскололась, деду сделали тавро ненадежного – уходил с отступающей Белой армией, без оружия, но уходил, хотя и не воевал против красных. Карл Маркс чихнул своим учением на Россию, и столько человек заболело от него, а многие скончались. Такой вот эксперимент нам доверчивым. А теперь Балтым. Какое место по счету? Село Рябки, Сарапул, Уралмаш, Красное, Балтым...

Знакомые у деда интересные люди. Он как-то умеет говорить по-татарски, на рынке мясо ему лучшее продадут. Его приятель, в возрасте, сам доит корову, зовет Веню: "«Во имя отца и сына...- повторяй за мной, Веня – и святого Духа, Аминь» и угощает теплым парным, поистине святым напитком.

Живут трудно, особенно весной. Игорь ходит за трактором на весенней пашне и собирает прошлогоднюю подмороженную халявную картошку. Из нее, добавив то ли отрубей, то ли порошка гороха, делают лепешки. Каждому по три-четыре достается. Веня старательно ест этот продукт. Это идет послевоенное детство.

* * *

Серп и молот... Дед, выходец из деревни, был под символом серпа, а отец, по родословной - заводской, ходил под символом молота. Венька внутри вязал их в господствующую символику, и получался узаконенный Союз.

Ох, уж эти символы. Классики, оставив пролетариат голым, очень сетовали на крестьянина с его приусадебным наделом и чувством хозяина на земле, как и было в действительности. Все искали в нем ростки мелкобуржуазного типа и, изъев паспорта, сделали его рабом. Правда, рабом непокорным, непокоренным, исподлобья смотревшим на скрутившую его власть, получая по трудодню «галочки» в журнале и хрен на руки. Пьянство, как протест, было не внове на Руси, а тут бедность и самогон стали бедствием.

Отец держал казенную пропаганду, где рабочий класс – лидер, а крестьяне и интеллигенция – ведомые, вечно блуждающие, отклоняющиеся от основной линии.

Как-то мать с отцом договорились идти в кино. Венька, бабушка и дед сидели дома. Отец почему-то пришел рано и молчал. Отвечал отрывисто, «на отбой», поэтому с расспросами не лезли. Оказывается, он не нашел мать с билетами к сеансу, решил, что она с кем-то отправилась без него, по возвращению устроил мировой скандал. Кинулся с кулаками на мать, дед выскочил защищать, отец его пробовал ударить, Венька с бабушкой пытались помешать расправе. Отец кричал на деда «Кулак!», а дед, несмотря на возраст, кричал: «Я тебя еще в бараний рог согну». Мать кричала: «Да как ты мог подумать, что я с кем-то пойду, если взяли билеты идти вместе, так билет и остался неиспользованным!». Венька повис на руке отца и кричал: «Не надо!».

Серп и Молот «выпали в осадок» и не разговаривали; обстановка надолго оставалась тяжелой. Венька понял, что союз рабочих и крестьян – это не так просто, а при дедовой вере в Бога, старый деревенский уклад есенинского вида и заводской профиль отца как бы передового класса, их неуважительность была всерьез и надолго.

«Молот», когда его упрекали в частом употреблении водочки и привозе на телеге, кивал на деда, мол, вот он пьет, потому что дедов запой длится несколько дней. Эти разговоры делали зарубку в памяти Веньки – «Не пить! Водка - наркота, и когда ее вдоволь, человек становится скотиной».

* * *

Венька обратил внимание на тумбочку отца, в которой хранились боеприпасы: дробь, патроны, пистоны, пыжи, весы, мерки. Он решил посмотреть эти интересные вещи и даже отсыпал горстку пороха для улицы, показать приятелям. Особо интересного для Веньки ничего больше не было, и он отбыл во двор. Из горстки пороха сделали дорожку и подожгли, она эффектно и красиво вспыхнула, огонь побежал змейкой. Пацаны ликовали, но больше пороха Венька не брал, и этот эпизод стал уходить в забвение. Однажды отец жестким голосом позвал Веньку в комнату и спросил: «Ты в тумбочке моей шарил?». – «Я просто посмотрел».

«А кто порох просыпал? Ты что думаешь, это тебе просто так пройдет? Будет тебе порка!». Два дня подавленный Венька ждал расправы и уже подумал, что за давностью срока пронесет. Но днем отец нашел плетку, которую Венька спрятал, позвал в комнату и врезал пониже спины. Венька опрудился, полез под стол, отец, приговаривая злые слова, лупил его и там, но уже с меньшим эффектом.

Венька после того разговора понял, что был не прав, и готов был сквозь землю провалиться от стыда. Реклама грубой порки подвергла ревизии его нравственные барьеры: отец зверь, что ли? Он не верил, что отец так не по-русски назначил время порки и стал это осуществлять. Если б он поговорил, Венька бы поклялся искренне, что никогда не полезет в отцову тумбочку. Но порка. Очень чужой человек должен был делать это. И состоялось... Венька стал тоже чужим. Никогда больше доверия, только внимательность и аккуратность, почти математическая, в отношениях с отцом.

- Я на тебя работаю, кормлю, одеваю. Ты должен любить меня, понял?

Венька молчал. Он понял, что должен что-то, но уж точно не любовь. Должен – отдаст, и больше в долги не полезет. Он мечтал, что сам начнет тропить свою дорогу, независимо. Будет зверски трудиться и учиться, станет Великим Человеком и уйдет в свой поход как можно раньше. Эта мечта выросла в стратегию, и когда после школы открылась дорога в военное техническое училище, он не колебался. Вперед и выше!

Отношения с отцом потеряли доверительность, контакты расходились. Если б вместе с наказанием просочилась настоящая любовь, добрая забота или ласка, возможно Венька простил бы и оттаял. Но его мечтательной, высокой и поэтической натуры надругательство помогло самоутвердиться и изолироваться.

Дальше подвела собака. Отец велел водить ее на поводке и кобелей отгонять: течка. Венька отпустил ее погулять на поляне, где никого не было, и вдруг появился кобель, подбежал, лизнул, и они понеслись. Венька звал и орал, но они умчались. И порадовались. Когда Венька подбежал, они не могли расцепиться, и он стал бить своркой и кобеля, который верещал и пробовал огрызаться, и свою собаку. Дома ничего не рассказал. А в положенный срок, «утром в ржаном закуте, где златятся рогожи в ряд, семерых ошенила сука, рыжих семерых щенят». Это любимые отцовские стихи про собаку от Есенина. Скандал не назрел, так как кроме подозрений фактов не было, а Венька знал, что правосудие – это порка. Все. Хренушки. Не признаюсь!

* * *

Венька любил деда и рос уральским подсолнухом с молоком на губах, чубчиком из сметаны. Дед не чаял в нем души. Бабушка рассказывала, что когда Веньке было еще меньше года, если он начинал прудить, то дед, смеясь, поднимал его, поворачивал «фонтаном» к себе, и «фонтан» иногда попадал на дедову голову.

- Живи, внучек, плечи и дыши! – говорил дед.

Выпив при случае, дед «нес» по матушке власть, уклад и разорение.

Интересно, но в глубинке Урала в селах, деревнях и городах, набитых гражданами, жителями села, поют заметно по-разному в двух случаях: от счастья и горя. В первом случае – хорошая компания и градусы, и серьезное отношение к песне: «По диким степям Забайкалья», «Вот мчится тройка почтовая», «Когда я на почте служил ямщиком», «Славное море – Священный Байкал» и другие серьезные вещи. Люди входят в необычное возвышенное состояние и, чувствуя души в «соседних лодках», плывут вверх с трудом, яростью и отвагой, светлея и добирая себя песней до нутра души, как в парной – до изнеможения тела. И второй вариант, когда песня является щитом: выпивший после работы мужичок и тем самым уже провинившийся, застенчиво движется домой, выставляя вперед песню-щит: «Мурка», а в старину «Ты взойди-взойди солнце красное»; песня – клич перед скандалом или разборкой.

Дед бывал в обоих вариантах, второй вариант защищал душу: топил озлобление разоренной жизни и мстил за порушенную мечту. Проспавшись, ходил устыженный, виноватый, опять был доброжелателен и деловит.

Однажды у деда в конторе произошел скандал: пропала крупная сумма денег из сейфа, который был общий на двоих – бухгалтера и парторга. Дед положил деньги для выдачи рабочим, а утром их «уже не лежало». Так... Стали разбираться. Вспомнили, что дед у деда был по торговой части, наверное, контра. Дед, с его гордостью и щепетильностью, почувствовал себя на краю бездны, на пределе. Тучи сгущались. Позор и незащитность. И вдруг грянул гром, но уже на другой стороне: жена парторга наступала, что муж любит Жозефину, а та - деньги. Рассказала, что видела, как муж зачем-то снимал дверь. Стали трясти, нашли деньги. В двери, снизу, было продолблено отверстие, все тысячи изъяли. Дед был потрясен, но спасен. Случай и Бог, наверное. Разговор было, что чуть не оклеветали хорошего мужика. А партиец ,каков прохвост? И держался нагло, уверенно...

* * *

В последних классах школы родители купили Веньке аккордеон «Велтмейстер», четвертушку. Но денег на музыкальную школу предусмотрено не было. Самоучитель – занудство. Игра только на слух. Венька посмотрел у гармонистов игру на басах, левой рукой, а правой стал подбирать мелодии, и дело пошло. «Вальс о Дунае», «На сопках Манчжурии», песни.

Мясник в соседнем доме купил полный аккордеон, начинал играть о Дунае и всегда ошибался в одном и том же месте. Венька, когда он начинал, уже знал это место и при подходе к нему думал, чего облом делает? Закон природы.

Потом в училище, КВИРТУ, со Степой он разучит «Весенние голоса» Штрауса, так как Степа знал ноты, а скопировать учителя уже не проблема.

2. Под обаянием Дюка

**Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «К оружию!»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью.
(Н.Гумилев. Туркестанские генералы)**

Иногда вечером, когда расшумевшиеся, расходившиеся дочери не в силах заснуть (а через 20 лет и внуки) и унять их невозможно, в ход пускается последнее средство: «Если уляжетесь через минуту, я расскажу вам про Казахстан». При этом поется частушка: «Папа служит в ПВО. Попа – во! И морда – во!». Естественно, исполнение идет с танцами. Успех полный.

Из памяти вылетают «случаи», и благодарные слушатели улетают в другой мир как в сказках Шахерезады.

В конце 50-х в Киеве третий раз состоялся выпуск. Выпуски в школе или в институте – это всегда ярко и эмоционально, но в военных Вузах интригует еще элемент секретности. Перед выпуском начинают шастать купцы от закрытых исследовательских институтов, полигонов, серьезных организаций типа ГРУ, КГБ, штабов видов войск, заграничных служб и бездонной дыры – ПВО страны.

У кого квартира в Москве – в элитные фирмы (звания, оклады, перспективы, столичная жизнь), для других – какая-то станция П-25 в болотах Прибалтики или на Карпатах, или в Туркмении. Поедете служить туда на скромную должность, где тьма забот? Шли малые и большие сходки выпускников, оглашались жуткие слухи и тайны, и надо было как-то шагнуть в новую жизнь, иногда на десятилетия выбрав направление жизни.

Получив перед выпуском взыскание за свидания, Снеж имел поражение в правах и не рыпался влиять в круговерти назначений. Ему объявили, что он определен служить в Казахстан. Вместе с сотней молодцев со всех смежных курсов. Сары-Шаган! Как, как?

Учитесь выговаривать: Сары-Шаган. Где карта? Тау-сагыз, Уч-Кудук, Али-Баба и сорок разбойников! Понесло. Где это? Пустыня! Че делать? Змееловом будешь! Емое...

А как же английский, музыка, наука? Книги, девушки, каштаны, Днепр? Ласковая славянская столица, ты стала моим родным городом.

Начались кухонные варианты: сомнительные должности, подхалимные обязанности при Училище или где-то возле? Ну, думай, выбирай, брат!

Может, на Урал попроситься? В войсковое ПВО? Нет! Давай без кривул, вместе с сотней товарищей, а там посмотрим!

Пошли братания, вечера, свадьбы, расставания, с некоторыми навсегда:

«Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь на долгие года».

Тост». За дам, стоя, до дна!»

Золотые погоны, золотой пояс – Лейтенант. Государственный человек! Впервые! Влез Иванушкой-дурачком и через 4 года вылез инженером-лейтенантом. Знатно. Счастье и радость, глаза светятся добром, дружба и любовь разлита на этой территории. Прекрасно!

Грузинская подружка подарила двадцатикилограммовые гантели, и теперь вместе с поклажей они лежали в темном мешке, выданном в училище для шмоток. Сшиты кителя – обычный и парадный, сапоги, ботинки, рубашки, брюки – армия позаботилась, вперед служивые!

С Урала провожали родители. Игорь, с которым рос все детство, ворча и напрягаясь пер мешок с книгами, поклажей и гантелями. Подскочил носильщик: «Так, мешок и чемоданы? Счас все сделаем».

-А где тележка?

-А зачем она?

-Ну, бери мешок и к 8 вагону...

Мужик пробует поднять и удивляется: не двигается мешок. Напряг, еще напряг: «Мать честная, че везете-то?» Едва допер и никак не мог понять, что же столько весит.

Прощай, Россия! Едем в пустыню на Восток.

Осень. Урал сказочно красив, но через сутки уже Петропавловск и поворот на юг. Пропал лес. Пусто. Необычно пусто, грустновато. Станции, грязная кучка тополей, бедно одетые люди. Отдыхают, присев на корточки... Азия. Бет-Пак-Дала. Голодная степь... Караганда. И опять холмы до горизонта без деревьев. Какой-то мелкий кустарник. Собаки станционные замусоленные.

Мужички-выпускники хорохорятся, гонят пиво и алкоголь, но большинство осматриваются и серьезнеют. А вот и Сары-Шаган. Бараки, собаки, грунтовые дороги, страна казахов и военных.

Империя испытательного полигона. Георгий Жуков и Устинов поддержали суперновое направление: сбивать баллистические ракеты противоракетой. Неслыханно! Дерзко! Несбыточно! Может и не получится... Это, брат, не противосамолетная оборона, всего 20-30 км над землей. Ракета межконтинентальная летит на высоте 1,5 тысячи км по баллистической траектории, снижаясь только у точки удара. Пойди, поймай ее, да и скорость у нее космическая, не самолетная.

Одно понятно: это может сделать только Элита, интеллектуальная инженерная и научная элита, которая тоже здесь сидит на этом таинственном куске Азии. Где-то караванные тропы, южнее шли армии Тамерлана, и сколько завоевателей здесь пропылило, Интересно, однако...

Свежий диплом инженера по радиотехнике (радиолокации), а здесь развертываются самые новые локаторы в метровом и сантиметровом диапазонах. Локаторы для управления противоракетой при ее выводе на ракету. Поиск и захват на сопровождение большой ракеты. Но это все узнавалось позже, а пока смотри-ка: море! Да, это Балхаш. В центральном городке мест нет, и наш выпуск поместили до назначения на одной из площадок на берегу Балхаша. Почти 100 кроватей, и те же лица, с кем учился в Киеве. Юра Каляба с двустволкой на парадном ремне, Витя Трушин, Тихомир. Жаль, Гостенева и Мавруши здесь нет. Разбросали по разным местам.

Живем уже третий день, ждем комиссию по распределению. Вот и сегодня неясно, будет или нет с нами общаться. Ребята начинают беспокоиться за родных: уехали в пустыню и не слуху, не духу. «Венька, сходил бы отправил телеграммы, ты известный пробивала, уважь товарищей! А?». Выделили двух товарищей в помощь – писать бланки, все выдали свои депеши в тетрадках и на листках; 80 телеграмм плюс письма.

- А если комиссия?

- Мы тебя на лучшую площадку!
- А какая лучшая?
- А кто знает?

Ну, вперед! На почте народу набито, не протолкнешься. Одно маленькое окошко для телеграмм и черепаший темпы работы персонала. Полный облом. К тому же через 10 минут перерыв. Снеж «ищущий» – это прекрасно. Варианты, сюжеты, прожекты, комбинации и выбор приличного для практики варианта.

Дверь у почтовиков открыта, они поставили чайник, печенье, готовятся к обеду. Попытавшийся спросить о чем-либо будет предан земле по «формуле Поняковского». Это ясно.

- Мужички, где гитару покупали? О, семь струн! ...

И первый аккорд. Сочный. Дальше.

- «С одесского кичмана сбежали три уркана,
Сбежали темной ночью на восток.
Один был в полушубке, другой был в женской юбке,
А третий, извиняюсь, без порток».

Все! Великолепно: темп, ритм, озорство, голос звучит солнечно и мощно, доверительно и таинственно. Дальше пошел одесский репертуар ,«Красотка Зина», Блюз «Луна», цыганские «Ручеек», «Милая», «Начинаются дни золотые»...Почтовики остановили: сиди и пой, а мы с твоими друзьями оформляем телеграммы. Бери чай, прихлебывай. Кончим телеграммы – кончишь петь. Заметано. Снеж имел репертуар на 4-5 часов непрерывного общения. Через час телеграммы отправили. Еще через час добрались до своих казарм. Оказывается, работала комиссия, всех распределили. Веньку приятели записали на первую площадку: радиолокатор точного наведения. Не станция на колесах, а могучее здание с десятками комнат, набитых невиданной транзисторной и прочей техникой. Одна антенна приблизительно 15 метров в диаметре, которая следит за баллистической целью, и малая, приблизительно 6 метров, следит за противоракетной.

Я – локационщик, отказываться - аморально. Спросил для порядка про баню. Член комиссии сказал: «Не знаю. Съездишь, сам узнаешь». Тогда вперед, на первую площадь!

- Кто на первую площадь – выходи строиться!

Десять бензовозов, повидавших местные дороги, урчали моторами; в степи снег глубиной приблизительно 30 сантиметров, где больше, где меньше, и на Солнце метет снег. Снеж с чемоданом и баулом ткнулся в третью машину, поздоровался с водителем, крепким парнем в расстегнутом бушлате и шапке набекрень. Спросил, был ли он на первой, ответил, что был на других. До первой около 150 км. Это дальняя площадь, хотя вторая еще дальше. Поместив в машину скарб, тронулись. Кругом бело, степь. «В той степи глухой замерзал ямщик...» – это уже многократно описано. Морозец небольшой, градусов 15 днем, и начались холмы. Машины, как лошади, натужено тянут, с трудом забираясь на вершину, а там новые холмы. Ехали долго. Остановились перед холмом, более похожим на гору. Первые две машины, новые и хорошо подготовленные, «бьют» колею, По пробитой колее хлюпают остальные. Водители собрались и договорились ехать по одному, не загораживая отступление назад: следующий едет тогда, когда предыдущий водитель махнет с вершины.

- Первый лез долго, маневрировал, затем пошел второй, тоже, кряхтя, забрался. Лейтенанты, сидя рядом в кабинах, соучаствовали в подъеме, но в управление не вмешивались. Когда полез третий, тревога и напряжение несколько спали, и на очередной рулеж смотрели буднично. Снеж по звуку мотора понял, что силы не равные. То ли движок поизносился, то ли водитель- середняк, но последняя четверть горы шла туго, и наступил момент, когда движение вперед прекратилось. «Лейтенант, открывай дверь, прыгай» – крикнул Венькин водила и, притормаживая, поехал задом вниз. Публика, стоявшая внизу, быстро оценила, что будет, если полный бензовоз врежется в другой и устроит вселенский пожар. Заметались как тараканы, а катящийся задом бензовоз набрал приличную скорость. Венька про себя решил, что будет с водилой до конца. Открыл дверь и высунулся на подножку. Пронеслись со свистом мимо других машин и где-то внизу остановились: выдохлись в снегу. «Ну, с почином, лейтенант, началась служба!».

Почти последним, по накатанной дороге, забрался Венькин бензовоз. Уже в темноте, устремившись без дороги напрямки, заметили в темноте огни: это была первая площадка. Господи, пустыня! На сколько сюда? Ссылка без срока? Азия, однако...

* * *

Но вот 10 лет спустя. Москва... Что уже прошло столько лет?

Венька Снежко жил полноценной жизнью, ему никогда не бывало скучно. Он научил душу трудиться и радовался свободной минуте даже в тесноте вагона метро, когда люди слишком близко располагаются друг перед другом. Венька шел и вспоминал:

«Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...»

Эти строки, бывало, вдохновенно пел его друг Качин Володя, которого звали Ачей или Чачей. Вовка вообще любил и хорошо чувствовал музыку, особенно истинно русские величественные и сокровенные романсы.

Венька шел по Кировской, и рефлекс увлек его в маленькое уютное кафе «Русский чай». Забившись в угол, подливая маленькими порциями чай, он вспоминал свою недавнюю юность и Вовку, шагнувшего в его судьбу случайно, но стоившего в ней так много, как может стоять любимая девушка или, если сбросить пылкость и придать глубину, любимая женщина. И Венька, и Ача были офицерами из послевоенного поколения молодежи. Вениамин Снежко приехал на службу к южной границе, окончив КВИРТУ в Киеве, Ача - из Ленинграда, прямо с Невского, окончив ВКАС, с ароматом аристократических замашек и манер. Он привез немислимые разящие клетчатые брюки, столь несуразные в пустыне, бескрайней и пыльной, а также сумочку в клеточку с набором инструмента для ногтей, щеточкой для волос, флаконом «Свежести» и редкими миниатюрными значками, меняющимися как флаги на лацкане костюма. Он щурил близорукие глаза, добываясь от хрусталика хотя бы мгновенной остроты зрения.

Они встретились в декабре, в клоповой холодной гостинице, почти не выделив друг друга среди трех десятков других офицеров, осваивающих эти места. Степь дышала морозом, необузданными ветрами и первозданной дикостью. Венька присмат-

ривался к людям, делил их по жизненной цене, старался понять и взять себе от них все самое сильное, жизнеспособное и красивое. Качин показался ему вначале служакой, боящимся опоздать на службу, слишком пунктуальным и старательным.

В деревянной гостинице было около 14 комнат слева от входа и столько же справа. Снежин и Качин жили в комнате на 8 кроватей, железных, холодных, с грубыми черными волосяными одеялами и паршивыми тонкими матрацами. Спали, не раздеваясь в шинелях и тулупах, в валенках и сапогах. Офицер Сташко ложился спать, опустив уши офицерской шапки.

Центром, магическим центром, были две девичьи комнатки с военторговскими и промышленными бывалыми девчонками. Генка, прозванный Заманакусом, в первый же вечер атаковал Тамару. Устроили «вечерок», выпили. С горящими глазами, в порыве чувств, он сорвал с гвоздя тулуп и полный планов рванулся в декабрьскую ночную темноту, увлекая хмельную Тамару. Но вернулись они быстро: Тамара не приняла скорость, с которой Заманакус гнул ее биографию и, оказавшись в бурне поваленной на захваченный тулуп, легко и весело отшвырнула Заманакуса двумя ногами от себя. Рассмеялась и убежала. Он жаловался потом, что сильно повредился и долго искал тулуп. Приплелся в беснующуюся в степи гостиницу понурый и, выдав: «деревня...», прошел в свой пенал выпить.

В первый вечер пила вся гостиница, кругом струился дым папирос, гудели пластинки, и четыре девушки нарасхват танцевали в вестибюле с новыми гусарами, водворившимися в гостинице на долгие годы. Но тогда они не задумывались над этим, они «горели» в ночи, как стройные смоляные поленья, и огонь прыгал радостно и ярко в каждом молодом сердце, распаляя восторг и ярость.

Потом, как часто бывает в таких первобытных по сдержанности компаниях, началась драка. Снежин смотрел с огромным любопытством на столь стремительно разворачивающиеся события: знакомство, застолье, хмель от девчонок, соперничество и разрядка-бойня. Дрались отчаянно, со свистом и удалью. Мелькали кулаки, слышались удары. Линия фронта была всюду, пока худой и длинный Женька – командир роты, здешний старожил – не сдернул со столба пенный огнетушитель и не стал поливать «горячие точки». Публика попятилась и побежала. Через минуту дикая брань неслась из комнаты, но в коридор никто не совался. Снежин лежал с открытыми глазами и думал, что будет завтра: дуэль? Или, может, кого-то накажут командиры? Как встретятся вчерашние враги? А девчонки, ведь это их не хватило на всех и с них все началось... Спит ли Тамара или думает о Заманакусе, если думает, то что? А другие девчонки, особенно, та, с черными глазами и курчавой симпатичной головкой?

Утро, однако, было прозаическим: в комнатах было ниже нуля (вода в графинах замерзла), и никто не торопился вылезать из постелей. В 9 часов все потянулись завтракать в столовую, ели колбасу с вермишелью и пили горячий чай. В столовой былолюдно, вчерашнее не вспоминалось и никто не говорил о нем.

Туалет стоял за гостиницей, дверь и стены были из камыша, входных букв не было. Снежин постоял и юркнул в левый отсек, когда он выходил, навстречу ему входили женщины, с удивлением глядевшие на него. Он молча выскользнул и смущался сам по себе до вечера.

Прошло несколько дней. Люди в комнате Снежина перестали меняться местами. Все спали на своих местах по одному. Лишь Юра Сташко спал на кровати начфина-

Степана один до его приезда. Обычно же, они, два здоровенных мужика, спали вместе, строго на боку, чем-то напоминая двух камбал.

Раньше всех вставал Ача. В голубой грубой рубаше с ленинградскими подтяжками он выходил в морозный умывальник и пытался вычистить зубы. Потом медленно одевался, причесывал не расческой, а щеточкой шевелюру в 1,5-2 см гладких светлых густых волос, натягивал валенки, полушубок, офицерскую шапку и уходил в буран, темный и злой, ничем не обнаруживающий скорого рассвета. Брови у Ачи были светлые, с несколькими толстыми волосками, словно крепкими сорняками, топорщащимися в разные стороны. Глаза Ачи один приятель называл свинцовыми по цвету одноименных туч. Глаза говорили много, были выразительны и кричали о себе, хотя и не громко.

Все жили в этой морозной преисподней, приглядываясь друг к другу. Снежин, в силу природной любознательности, смотрел на все с радостью, все принимая, стараясь сделать какие-то существенные выводы, после которых жизнь будет понятной и простой. Но эти выводы и правила сложились не через год и не два, а гораздо позже, но и их жизнь не раз «сшибала с ног» и валяла в пыли, над которой они с таким сомнением возвышались.

Сначала Снежин думал, что наверное трудно с кем-либо из этих парней сойтись, и держал упреждающий нейтралитет. Однако через три ночи, в которые над его головой стучали кулаки разыгравшихся картежников и висел такой дым ночного клуба, что на метр не было видно собственных ног, Снежин мутно взревел. Забыв о нейтралитете, он ночью поднялся в кровати злой, с мощным корпусом, крепкими мышцами рук, и сказал, чтобы все уматывали. Злыдни с матерщиной и угрозами стали закружаться. Утром с ним не разговаривало человек 5 из гостиницы – «членов ночного клуба», и надо было занимать четкую позицию. Снеж уперся, сказал, что днем тоже курить не будут. Сташко было загудел, но Снеж был непреклонен, и его злой, безукоризненно артистический мат, как рев тигра перед схваткой, был достаточно убедителен, что дело движется к драке, и Сташко, огрызнувшись, отвязался.

Неожиданно Снежа поддержал Ача. Он сказал тихим голосом, что правильно: комната не конюшня, окурки на столе и дым всех унижают. У Снежа появился первый теплый огонек в душе от Ачиной поддержки.

На следующий день Ача достал плотную коробку из-под консервных банок и принес в ней зайца, названного Соусом. Соуса кормили прямо в коробке, днем он боялся выходить. Ночью же начинал скрестись, шуршать и прыгать. На столе стоял граненный кувшин – символ и атрибут задрипанных гостиниц и обычно без пробки. В одну из ночей кто-то уехал с машинами на центральную базу за грузами, а на его койке разместился лысый командировочный капитан с маленьким, оставшимся впереди пучком волос. Ночью он натянул одеяло на голову, разместившись головой к столу. Ветер выл за окном и снег лизал стекло. Во сне одеяло немного сползло, и Соус, бодрствующий по ночам и обнюхивающий метр за метром, обнаружил нечто для себя интересное. Отыскивая, что можно поесть, Соус стал выщипывать редкие волосинки приезжего, тот стал «уходить» под одеяло, а Соус по врожденному инстинкту стал барабанить, «взрыхляя почву», а потом, выкусывая, чтобы добыть корм. Сонный офицер горько завыл, замахал руками, а заяц отпрыгнул и толкнул графин. Холодная вода полилась офицеру на голову, он заорал, тоскливо и безнадежно, а озверевший от перепуга заяц, какая горохом, носился между спящими телами, вызывая панику и

страх ночного бедствия. Мокрый и покусанный приезжий матерился и угрожал убить Соуса, которого Ача заботливо упрятал в картонный ящик.

* * *

Подбирается год, как ты ушел, Ача. Я нашел последний след твой на Земле – простую русскую могилу. В прошлый раз я плакал над ней горько и долго, нынче я отер дождь с твоей керамической фотографии, мой добрый друг, родной человек. Ты уходишь все дальше и дальше по тонкой золотой оси времени, и стирается четкость очертаний, деталей, пропадают незаметные, но важные мелочи. Пишу редко, хотя есть что писать. Жду «толчка», а время уходит, как вода с весенних полей, и, если упустить время посева, то станет сухо и ничего не взойдет.

Если бы твоя память, твой интеллект, вся душа твоя стояла «на приколе» на том другом неведомом свете и к ней тихо доносилась бы мирская суэта от знакомых людей, то по мере рождения строк шли бы письма в неведомый мир о событиях почти двадцатилетней давности. Я называю их письмами за черту бытия. Они тебе, дружисще...

* * *

Неожиданно заставил говорить о себе Сташко. При распределении, которое длилось несколько дней в центральном штабе, Сташко решил обойти всех и помчался в периферийную часть, называемую первой площадкой, занимать должность. Техника была интересной, новейшей для конца 50-х. В то время испытывать образцы самых новых радиоэлектронных систем было для молодых военных инженеров колоссальным профессиональным делом! Новые мощные станции, впервые широко оснащенные специализированными ЦВМ, будили энтузиазм, огромную радость познания и тревогу: «смогу ли?»

Сташко влетел на площадку и устроился на «передатчик». Все потом долго обсуждали, почему достаточно «тупой» и неинтересный как аппаратура передатчик, к тому же с излучением, способным, по разговорам, «ослабить» мужчину, был «намертво» занят Сташко. Обсудили и оценили: он балда, погнался за площадью (передатчик – огромное помещение).

Второй номер, который Сташко дал публике без передышки, - его жена. Она приехала через месяц после общего приезда, большая, крупная, с четкими бровями и ироническим выражением губ. Она была вполне заметно беременна, а гостиницы были дико холодными, и им дали угол в казарме, где жило 200 солдат. Сташко, красивый мужчина, на вопросы о бытоустройстве как-то запрограммировано хихикал, порождая чувство несурзности происходящего. С женщинами на площадке было туго, а женщин, которые приехали бы сюда, окончив ВУЗ, играли бы на фортепиано, спокойно и широко мыслили, а не кривлялись бы и жеманились, не было вовсе. Жена Сташко окончила экономический ВУЗ, была развитой и красивой женщиной, поэтому за ней наблюдали все. Как она причесалась, как шла, как умывалась, как вела себя ночью в закутке, когда в тишине любой шорох от нее обрастал воображением, и картины, граничащие с безумством, сенсационно приписывались ее супружескому ложу.

Они жили так, словно кто-то перепутал дозировку брожения и влил им вместо одной две порции дрожжей. Реакция развивалась стремительно, их половая жизнь была почти общественным делом, беременность становилась все заметней, условия жизни были чудовищны..

После зимы по весне ожила степь.

Сашко взял ружье и жену и отправился к весенней озеренке, на которую по пути перелета садились утки. Сашко сели с женой в кустах и молча ждали, может быть, час. Юра поставил деревянных подсадных уток. Вдруг по ним саданула дробь: это свежий охотник стрелял в подсадных уток. Сашко истошно заорал, а дикие утки, уже направляющиеся к озеренке, испуганно шарахнулись и исчезли за лбами сопки. Жена со страху чуть не родила. В обед в столовой только и говорили об этом.

Все молодые инженеры в определенном плане соперничали в знаниях, в технической подготовке, в имидже и кидались от одной толстой книги к другой, пугаясь или диких формул, или уводом «на глубину», где начиналась «кессонная» болезнь. Хотелось «схватить» все новинки и в теории, и в прикладной части, которую можно тут же использовать на практике. Читали то алгебру за 9-й класс и математику для техникумов, то теорию относительности, то тонкие места физики полупроводников. Окончив в училище курс по ламповой аппаратуре, на работе столкнулись со схемами на полупроводниках и, стараясь понять, метались от книг к разговорам с разработчиками аппаратуры.

Сашко убил всех, заявив, что без математики все равно передохнем, а потому он берется выучить справочник по математике для инженеров. Хотя за ним никто не последовал, но смута образовалась, и все ждали результатов этого оригинального приема. Сашко был упрям, и целый месяц его заставляли со справочником в руках на его дурацком передатчике. Потом сидел уже без справочника. Думал. А месяц спустя сознался: не усваивается. Поскольку заявка была сделана им звонко, попытку назвали блажью.

Однажды летом Сашко еще раз странно пошутил. Он проследовал мимо кинобудки на улице, где люди ожидали наступления темноты и показа кино, в лаптах и маске, с полотенцем через плечо в душ. Все разинули рты и молчали. Лишь легкомысленный техник по прозвищу «червяк» с блудливой дурацкой ухмылкой потянулся за ним посмотреть, зачем лапты. Оказалось, что Сашко пришел в душ и начал глубоко дышать, имитируя плавание. Хохотали до самого киносеанса, и интерес к оригинальничанию Сашко пропал навсегда. Это родило повсеместную жалость к его жене, которая подарила ему сына, и первое дитя начало расти в этой неудобной, заброшенной богом и людьми, пустыне. Сашко был все-таки «раскушен» быстро, и если что и добавлял к своей биографии, то новую «чачу», как называли здесь любую муть, в прежнем направлении. Итак, Сашко стал понятен.

Остальные были гораздо сложнее, и Снежин с удовольствием плыл с этими людьми по жизни, отмечая особенности их устройства по фактическим случаям и примерам.

В ту первую зиму мороз стоял в фанерной гостинице страшный. На тепло и освещение работали дизели, которые при увеличении обогрева постановкой «козлов» (спирали на асбестовых трубах с ножками), начинали захлебываться.

Офицеры, приехавшие на площадку из одного колледжа, но с разных потоков, знали друг друга лишь внешне. Больше других из этой компании Снежину импониро-

вал спокойный и деловой Стас, с которым начинало складываться приятельство. Ача же вызывал самый живой неподдельный интерес. Как уже говорилось, приехал он из Ленинграда с разными европейскими штучками: по вечерам доставал пеструю спортивную сумку, теплый спортивный костюм с легкомысленной добавкой в виде яркой шапочки, надевал валенки почти до пояса, Выходил в пургу на вечерний моцион. Вернувшись, доставал красивый клетчатый набор, где в блестящих металлических коробочках размещался бритвенный прибор, и начинал, не спеша бриться. Это действовало успокаивающе, располагало и расслабляло. Над его кроватью выразительно висела одностволка, что вселяло какое-то ощущение защищенности этого жилья.

Однажды вечером истошно заорали во дворе. Снежин выскочил в коридор и услышал: «лиса!» В два прыжка он влетел обратно, с полусогласия бреющего Ачи схватил ружье и два патрона и прямо с крыльца саданул по пушистой рыжей красавице, легко летящей по насту сугробов. На ходу перезаряжая, Снежин в восторге орал и летел за лисой в искрящемся под редкими фонарями снеге. Наконец, перезарядил, но стрелять замешкался, так как ему показалось, что в лисе что-то изменилось. Но разбираться не было времени, и звук выстрела прогремел вместе с воем человека: - ... твою мать, не стреляй, сволочь. Это я, Пищаев».

И, действительно, в маленьком тулупе поднялся маленький человек – лейтенант Пищаев, от которого лиса метнулась в сторону. Снежин, перезаряжая, отвлекся и принял за лису этот тулуп. Пока Пищаев матерился, грозился и радовался, что ствол один, подскочил намыленный с одной стороны Ача, схватил ружье и кинулся в темноту. Он был возбужден, и азарт охоты унес его минут на 10 в самую метель, потом он вернулся добриться. Снежин в лицах и жестах рассказывал, будто Пищаев сделал хвост и проползал по караулам проверить, заметят его или нет. Поэтому и был принят за лису. Вся гостиница ржала. Пищаев сердито сопел и щерился.

Самые шустрые стали каждый вечер доставать вино, остальные только охали. У тех, кто обладал вином, сидели и девушки – было чем угостить. Возникло неравенство. Доступ к транспорту был минимальным, и преимущество тех было очевидным.

Тогда у обиженных возникла идея взять с объекта магнитофоны Маг-8м, мощные, крепкие и горластые, которые числились за Стасом. На другой вечер в комнате неожиданно заиграл магнитофон. Девушки потянулись на музыку. Кроме них просочились Джери Пархомчик и Заманакус Гена. На самом деле Заманакус был Ипполитовым, но дело в том, что в колледже при выполнении диплома рекомендовалось иметь ссылки на проработанные иностранные источники. Было не до них, поэтому выдумывали источники сами или списывали с прошлогодних дипломов и даже «дарили» друг другу. Один пробивной тип нашел статью, где было три автора: Кьюбит, Уотсон и Заманакус (младший). Снежин разделил авторов на трех нуждающихся. Кроме того, эти фамилии, броские, как штампы, привез в степь и распределил их между Ачей, собой и Ипполитовым. Представляя на очередной «вечере», он раскланивался с ними и чокался, провозглашая с ироническим почтением «доктор Кьюбит!», «доктор Заманакус!» – все ржали от этой церемонии. Из кличек утвердилась только одна – Заманакус, да так прочно, что даже на строевом собрании командир вызывал: «Заманакус», пытаясь вспомнить, как же его настоящая фамилия. Заманакус залиvisto смеялся и был очень доволен, что вышел из одноликого ряда братьев, Вел себя импульсивно с претензией на настоящую «выпуклость», подражая выдуманному доктору.

Джери Пархомчик был «человек на грани». Любитель яркого, экстравагантного, сочного, он жил на пределе дозволенного, имея необозримую сеть приятельства, обставленного ритуальными обниманиями и горячими фразами, но без обязательств друг перед другом.

Джери мог взволноваться от громких слов, мог быстро войти в гнев и оскорбленность. Песня вышибала у него слезу, и он всегда пел, имея девиацию по отношению к мотиву и строю песни. Колледж он закончил с отличием и, если бы не «отличия» в поведении, то протирал бы штаны на стуле в столичном НИИ.

После первых тостов все порозовели, задвигались плечи, руки, увеличилось внимание к четырем девушкам: работницам военторга Сане и Тамаре и к Гале и Любе, работающим на подстанции. Сане нравился поджарый Витька Трушин, который, почувствовав ее внимание, стал пижониться и изгаляться. Тамара, блондинка, воспитывавшая Заманакуса, чудесно смеялась, закинув золотую копну и потряхивая ею. Галя и Люба приехали сюда после «электрического» техникума по распределению, возможно прослышав, что женихов здесь сколько хочешь, и сейчас словно опускались в холодную воду, поеживаясь от живых двусмысленных шуток, анекдотов, и поминутно краснея.

Ача господствовал у бутылок, вовремя наливал всем, приговаривая хорошие бытовые рецепты и уговоры. Стас крутил магнитофон, и лишь Снежин сидел, накапливая дикую энергию. Внутри его все бурлило и играло, его мысль предлагала ему такие хохмы и остроты, которые, если произнести вслух, всех перемутят. И он внутренне подрагивал и потел, дожидаясь момента.

Его коронкой была гитара. Он любил ее, знал ее волшебную силу, перед которой благоговел сам, и приносила она ему немислимый порыв, рискованное пение, все новое, свое, и разрядку вплоть до полного опустошения.

Есенинские мотивы, городские романсы, цыганский и козинский репертуары, песни военные, эмигрантские лещенковские и блатные с одесским ритмом, национальные со всего мира. Песни, особенно коронные, процентов на 70 принадлежали ему, он их делал своими. Все исполнения были какими-то страшно необычными психологическими экспериментами, и сила воздействия в лучшие моменты была равна эмоциональной атомной бомбе. Люди балдели от интонаций, от неслыханных музыкальных противоречий, словно водопад в реке звуков, нестандартно устроенных, от подтекстов и побочных образов в столько раз слышанной ранее песне. Они бледнели от есенинских слов, которые приобретали глубину; обнажалась то жестокость, то нежность, то интим, возникающий разве только в разговоре с невестой в брачную ночь.

Голос Снежа в минуты вдохновенья то гудел шаляпинскими низами, то сочился цыганским плачем или надрывом, то силой страсти и чистоты русского романса, то рационально и скупно излагал современную вещь. Снеж мог петь все: какие-то оперные арии, негромоздкую классику, куски оперетт, эстраду, цыганщину, яркие блатные куплеты, русские честные песни, запомненные им в родных местах на Урале, неаполитанский репертуар Александровича, восточные мелодии, песни нашего Кавказа и мелодии Индии, а на десерт – башкирскую, киргизскую или другую сугубо национальную мелодию. Пел он от 15 минут до 6 часов за вечер или за ночь, как будет угодно обществу.

После первых вечеров слава песен проломилась все комнаты, и было величайшим шиком, если на вечере «работала» гитара. Джери Пархомчик плакал или рукоплескал через каждую песню. Тем, кто шевелился или как-нибудь мог помешать песне, он грозил бутылкой так искренне, что не оставлял сомнений, что обязательно искалечит в следующий же миг. Скоро слава о песнях проникла на другие площадки, и по огромной военной империи, по территории больше среднего европейского государства прошел благодатный слух: один лейтенант поет как Сличенко.

Снеж любил и благоговел перед Сличенко, мог почти точно воспроизвести его исполнение, но считал это нечестным. Он сделал исключение только для «Милой», потому что считал, что лучше ее исполнить нельзя. Остальные же вещи они переделывал по душе, но интонации Сличенко оставлял. Для себя он мотивировал это так: Ньютон оттолкнулся от плечей Декарта, шансонье Франции (Азнавур, Монтан и другие) были детьми искусства, а мать их – Эдит Пиаф. Все молодые писатели испытывали в начале влияние литературных кумиров. А я, Снеж, честно люблю Сличенко и готов всегда снять перед ним шляпу. Но нужно работать и, начав с этого, дальше идти своей дорогой. И каждая его песня была эксперимент, риск творчества. Любовь к песне, честность и чистота, сила и страсть поиска, дикая интуиция и находчивость рождали золотую новизну, по которой снежинскую песню не спутать ни с какой.

Песни и вечера сдружили всех, но особенно потянулись друг к другу Ача и Снеж. Так, как говорил про песни Ача, никто не говорил. Нет, он не плакал, не орал, отбивая руки, хотя иногда и делал это, но чаще всего тихим голосом говорил о сокровенном и необычном, что рождалось у него в душе от песни. Про «Соколовский хор» он говорил, что это аромат купеческой Москвы. «Пару гнедых» слушал, закрыв глаза, и только раз, наливая Снежу после песни, сказал: «Я вижу Петербург...» Он смеялся в песне «Товарищ Сталин, вы большой ученый...», подпевал Бригантину и постукивал на песнях Кима.

Несколько раз Снежа записывали на Маг. Сначала его это интересовало, как увековечивание или память. Оказывается, это одно из сильнейших эмоций личности – стремление остаться после себя: спетой песней, стихами, фигурой в камне, в живописи, звуке, памяти людей.

* * *

Ача и Снежин втягивались в дружбу. Им было приятно вместе. Снеж «генерил» анекдоты, от которых Ача заходил до колик. В отличие от тухлой пошлятины Снежин еще с училища отобрал штук 50 (из 5000) лучшего из того, что слышал. Он оставлял только то, что было изысканно и без натяжек смешно. Такой анекдот проверялся от профессора до дворника - все и всегда смеялись.

Он рассказывал смешные истории про себя и, улыбаясь вместе с ним, люди, чувствуя подтекст и иронию, не запоминали его ущербным, наоборот, он заметил, что он им и они ему становились ближе.

Вечером в гостинице на чай собирались все. Глаза горели, речи полыхали, их направление напоминало горящий фейерверк со случайным поворотом: от Сталина, войны, морали до денег, женщин, философии и «кривого» снабжения. Судьба, личность, труд...

Самая приятная хроника была про дни в училище. Скоро Ача знал уже бывших, никогда не виденных им слушателей, по кличкам: Хан, ГэДэ, Аветик, Косор, Шляпов и другие словно бы жили с нами.

Наступал вечер. Сначала про жизнь, потом гитара.

- Снежин, гуди про бурсу.
- Так, я уже излагал.
- Изначально, сызнова, вдругорядь.
- Ну, тогда к вопросу о Хане.

Хан – это Алик Аникушин, родился в Киеве, вырос на его улицах. Всех знает, на все может ответить и сделать. По учебе – между 2 и 3. Снежин принес фото, с него открыто, несколько эстрадно, светило симпатичное породистое создание: самоуверенность, проходимость и респектабельность - это все у него есть.

- Внушительная вывеска!

- Да-с, ничего фрукт!

- Ну так вот – начал Снежин – если снять бабочку и взятый напрокат фрак, то под ними оттопырятся кости, покрытые по выбору, кое-где, тонким слоем нервических мышц.

Его коронный психологический прием – бурный наскок, с сочными одесскими выраженьицами- ругательствами. Подавить собеседника, сбить с панталыку и продиктовать программу взаимодействия, в дальнейшем ее подкреплять.

Итак, в Горьком, куда мы приехали на практику, нас поселили в казармы среднего училища. Была зима, а Хан, любивший тепло, куда-то периодически исчезал, но «не по девушкам». Куда?

Однажды, когда люди уже засыпали, раздался истошный вопль:

- Всех построю и обнюхаю сквозь живот, пусть сознается, кто съел мамину колбасу и шпик?

Это орал Хан.

Все с интересом приподнялись, а его ближайший приятель ГэДэ спросил: «Хан, почему ты уже не спишь?» «ГэДэ, - подражая драматическому герою, завыл Хан – какая-то жаба скушала, что мне завернула в дорожку моя единственная мама из Киева».

Разобрались. Хан спрятал толстый батон колбасы и шмат сала в тряпке, в снег и ходил по вечерам «толстеть». Ел без товарищей. Собаки учуяли, разгребли и съели. Хан думал, что его выследили. Когда ему показали собачьи следы, он неподдельно завыл и заругался: «Истреблю!».

Что есть Хан в учебе? Чистый ноль, даже два, как вывеска на туалете, - говорит его приятель Дик. Его кредо: «спать ложись и не тревожься, образованным проснешься». Дику он говорил: «Дик, не учи много: кто меньше знает, тот меньше забывает».

Перед самым экзаменом Хан ходит синий, руки трясутся, глаза дикие, на выкате. Экзамен – это драма, это – Чехов, это – «чайка». Идет экзамен.

- Аникушин, чем отличается этот двигатель постоянного тока от того?
- Тот зеленый.
- Ответ оценивается меньше 3.
- Спросите еще, товарищ преподаватель, я много учил...
- Хорошо. Задайте себе любой вопрос и вслух ответьте на него.

Думает. Минута, вторая.

- Нет, на вопросы не по билету я отвечать не хочу.

Дальше. Курсовой проект. Радиопередающие устройства.

- Аникушин, это Ваша схема?

- Это моя схема, если ее правильно повесили.

- ??? Что?!!!!

- Это моя блок-схема передатчика.

- А, где у Вас блок модулятора?

- Модулятора?

-Модулятора!

- Но товарищ преподаватель, это же фас. А тот блок находится точно за блоком задающего генератора...

Преподаватель тужится, стараясь справиться с давлением. Все весело ржут, но хотят, чтобы Хан выплыл.

Хан страшно боится зачетов и экзаменов, относится к ним как к наказанию божьему. Из 5 дней подготовки к экзамену в конце каждого подходит к Дику:

- Ну, как, ботаешь?

- Аникушин, не интеллигентствуйте. Это для вас трудное слово.

Ложась спать, Хан обязательно клал книгу под подушку и вслух говорил: «спать ложись и не тревожься, образованным проснешься».

Утром в огромной казарме, где в два яруса ряды коек, а воздух от портянок, намотанных снаружи сапог, и двухсот глоток становится, как говорят, «спернутый», раздается гулкое распоряжение: «Дневальный, ко мне!». Неведающий подвоха человек подбегает к Аникуше: «Ты чего?»

- Успокой меня, а то одеяло приподнялось, видишь шалаш? – и показывает на свой орган, выступающий под одеялом.

Хохот кругом невообразимый, а дневальный, матерно ругаясь, бредет обратно к тумбочке.

Зачет Хан сдает долго: первым заходит, последним уходит. Основной его принцип: глумлением и самобичеванием выбить зачет. При этом, не ответив ни на один из 100 вопросов, говорит эстрадно-томно преподавателю:

- Ну, я знаю, что знаю еще не все.

- !??

- Но спросите у меня еще что-нибудь еще. Я очень волнуюсь. Смотрите, как у меня дрожат руки.

Все, кто сидит на зачете, даже самые занятые, смеются в кулаки. Хан пошел на обострение, значит, скоро ужин. Руки у него действительно трясутся и двигаются по всем степеням свободы, на лбу взбухли вены, красивые выпуклые карие глаза налиты кровью и слезой. Дик сидит в такой же «яме», но он не артист и просить не умеет. Тогда Хан решает преподнести себя как бессребреника:

- Хорошо, товарищ преподаватель, Аникушин – дрянь, но ведь выше двойки?

- Но ниже тройки.

- Тогда пусть эти 0,9... будут отданы Диковичу, а то ему никогда не сдать...

- !!!...Вон, Аникушин!

- Я не хочу есть. Все мои товарищи полегли здесь, и я выпью чашу до дна...

- Но Вы мне мешаете!

- Я буду тихо выводить формулу резонанса и, если вдруг выведу, прошу сказать курсовому, что я сделал это сам.

Все сдавшие отправляются в буфет и только и обсуждают фрагменты речи Хана с первого по седьмой час сдачи. Наиболее яркие места напоминают ему.

- Вы все дураки, потому что ,выучив, хоть кто сдаст, а кто попробует сдать, не выучив? Дик, быстрее купи мне кефиру за немедленную сдачу зачета.

Хан-богач, Ротшильд, если он чего-нибудь сдаст, то велит вывешивать флаги в городе, а девушкам мыться: он кого-нибудь возьмет к себе. Женщин он понимает и читает нам на самоподготовке лекции на тему «Шаги к грехопадению».

Часть 1. Как шагать быстро...

Он рассказывал, что рекорд по затратам времени на совращение одной леди составлял всего 40 минут! Когда Снежин брал Хана в охапку и сжимал, он орал: «Хам, скотина, ответишь за членовредительство! Секретарь ВЛКСМ, позови все бюро, душат вашего члена!».

В бане, куда поток слушателей вели строем и перед помывкой раздавали по кусочку простого мыла, Хан быстро наворовывал огромный, слепленный из многих , кусок. Потом они с ГэДэ ходили по бане, Хан делал из мыла конус и подставлял его к очередной попе с намыленными глазами. В это время ГэДэ хлопком загонял конус в зад. Слышалось большое изумление клиента и дикий визг. Хан и ГэДэ быстро сматывались.

Озорной Хан обязательно подходил к молодой служащей за добавкой. Мыло у нее брали в кальсонах, поэтому вначале этикет соблюдался. В середине помывки Хан делал Сцену. Приложив рыжую мочалку на «орган», он, жестикулируя руками перед изумленной служащей, «пугал» ее бандитами, ворующими у честного солдата мыло. Просто голых мужиков она насмотрелась, а вот психа, да еще фокусника, не видела. Сдаваясь, выдавала ему мыло, и Хан под аплодисменты шел к воде.

Рядом работала «бригада» из вредно-веселого Коськи и огромного сибиряка Валеньки. Их прием был банален и рискован. Коська подходил к моющемуся сзади и намыленными руками тер ему глаза. Тот поворачивался, тер глаза, не в силах взглянуть, а Валенька, забрав в пятерню все его «хозяйство», сжимал и заставлял, пока объект не забывал про глаза, честно петь куплет гимна СССР.

Бывало, что в баню шли пешком, а из бани везли на трамвае, естественно, без билета. Эдик Исакян пристраивался рядом с девушкой и, восторженно и покорно глядя на нее, приближал руку к ее руке, потом отгибал мизинец и почти незаметно гладил ее. Никто не выдерживал: ни девушка, сверкавшая на него молнии, ни мы, до поры делавшие вид, что не видим проделок Исакяна.

Исакян, внешне флегматичный, был весьма способен к математике и всегда отвечал «впопад» . Кушал только в буфете, имея большие карманные деньги. Если хотел кого-то пересилить в споре, то распялял себя и обещал зарезать.

В нем было что-то свежее, вроде травы, но растущей в страшно непотребном месте. Его разум был направлен на создание мерзкого комфорта, и его поступки не были веселыми и озорными, а просто расчетливыми, точными, но заплесневелыми.

Снежин внезапно умолк, потом поднял в тишине глаза на Ачу и спросил:

- А не подадут ли радиоэлектронного чаю?

- Сейчас же велю заварить – отвечал Ача, обращаясь к лейтенанту, доброму, но неразвитому малому:

- Червяк, чай в гостиную!

Тот вытянулся в коричневых носках поверх галифе: «Так точно, только как его сделать электронным?». Ача взглянул на Снежа, тот бросил: «Эта процедура делается перед разливом».

Снеж продолжил воспоминания. Наша кафедра иностранного вся состояла из женщин, молодых и пожилых, красивых и обычных, но всегда очень опрятных и культурных дам. И вот среди зимы все элитное иноязычье было собрано на конфиденциальную беседу. Зав.кафедры: «Девушки, мне сделали замечание, от которого я сгораю. У нас на кафедре появился запах привокзальных туалетов. Я огорчена и призываю вас всех к аккуратности».

Если «перевести на наши деньги», это было все равно, что плюнуть в коктейль. Многие преподавательницы перестали ходить в служебный туалет, остальные – с большими предосторожностями.

А запах усиливался, и вот уже бурса стала злословить и демонстративно нюхать воздух перед получением двойки на зачете. Настроение коллектива упало, начались взаимные укоры, догадки, подозрения и слезы... Неряхи, ай-ай. Это – моральная смерть.

Однажды, после начала зарядки майор Фенрик заметил, что «некто» уклонился от курса и вбежал в «закрытый» подъезд, выходящий в торец кафедры. Фенрик поднялся за нарушителем в холодный подъезд и на лестничной площадке третьего этажа лишился дара речи. Слушатель Эзраэлян, как его назвал Фенрик, делал «сраэлян». Будучи шахматистом, он за долгое время использования этой площадки под индивидуальный клозет, ложил кучи ходом коня, и вся эта Гоморра имела отпечаток упорядоченности и системности. Поскольку подъезд был «заколочен», он давно не проверялся, и вонь через закрытую дверь проникала на иностранную кафедру и «губила» ее. Вот как один засранец мог причинить моральный ущерб неприступным аристократам.

Все засмеялись. Снеж взялся разливать чай из алюминиевого ковшика, и в последнюю чашку Червячка упала лампа 6Н2П.

- Это же лампа!

- Правильно. Чай-то электронный!

* * *

Весь выпуск столичного военного колледжа раскидали по площадкам, и теперь вместо второго потока факультета Грибкина говорили: «Я с первой площадки», «Я со второй», «Я с 40-ой».

Осень после выпуска плавно вкатилась в зиму, первую зиму службы. Венька без грусти, но с сарказмом рассказывал, почему он есть на первой площадке:

- В азиатскую империю я попал из-за своей радости: любил девушку и задерживался ночью, а кого-то это волновало. Иду к себе, а дежурный по части с вопросом:

- Где были?

- Кто?

- Я спрашиваю Вас: «Где Вы были?»

- В туалете.

- Но Вы туда не заходили.

- Но ведь я только оттуда.
- А где ваши ремень и пилотка?

Кажется, влипаю: в туалет ночью ходят без того и другого, поэтому пилотка оттопыривает карман, а ремень одет под рубаху.

- А в туалет можно без них!

- А что у Вас в кармане? Доставайте пилотку. Поднимите гимнастерку. Так. Оденьте ремень сверху. Вот, теперь все на месте и понятно, что в таком виде в туалет не ходят! Вы – самовольщик!

Жалостно:

- Но Вы же в туалет ходите в ремне и в фуражке?!
- Хватит! Фамилия и документы!

Этот случай был зафиксирован в карточке и при распределении мест об этом вспомнили: «У Вас тяга нарушать границы, а в Азии - простор. Там Вам будет свободно»

«Империя» полигона раскинулась могуче, и всюду были нужны энергичные и знающие технику люди, на все площадки, раскиданные на сотни верст. Всех поселили у большого полусоленого озера, с высокими каменистыми берегами и шуршащей на волнах холодной галькой.

Второй этап распределения прошел опереточно просто. Снежин ушел давать собранные телеграммы на забитую до отказа почту. После перерыва еще час почту не открывали. Сделали дело и вернулись в родные пенаты, но «О, ужас!» распределение состоялось:

- А мы записали тебя к себе на первую, веселее все-таки!
- А кто просил? Почему не на 318-ую?
- Там простынешь!

* * *

Давно это было. Даже это было давно. А то, что было до этого? Ну, например, желтый пояс офицера и первые звездочки, выданные Государством. Офицер Русской Армии – романтично, служба вековая. Офицер Советской Армии – жуковской армии – мощно и ответственно.

Белобрысый пацан с уральских земель без блата пробуравил все препоны и надевает после пропотевшей солдатской гимнастерки офицерскую рубашку и китель с желтым поясом и белым академическим ромбом – знаком военного Вуза. В казарме несколько сотен таких, но даже в этой среде приятно взглянуть на вчерашнего рядового, а теперь лейтенанта – богача (получка будет!), с мешком выданных шмоток и дипломом. Это тебе не хухры-мухры. Надо показаться. Девушки уже ждут своих офицеров у ворот. Некоторые устраивают свадьбы, помолвки, прощания, скандалы. Хохма. Такое узкое русло жизни, пробив в горах ствол, вышло на простор жизни большим как море.

Снежко одевался тщательно; хотя за окном темнело, готовил сценарий для Алки. Например, ждать у дома на огромном такси, когда выйдет – шаркнуть дверцей: «Прощу!» Ну, конечно, ахи-охи, чуть не обморок, восторги. Здорово! Нет, это слабо... Встать за дверь в подъезде и когда пойдет, шагнуть из темноты: «Пропуск!». Опять обморок, объятия, восторги... Нет, слабо. С тортом в квартиру - все выпадают из

шкафов, стихийная демонстрация на кухне, вопли о забытом молоке. Нет, слабо. Нет интима.

Алка шла по улице, когда он обнял ее сзади. Она тихо ойкнула и замерла. Кайф. Узнала. Плавится стеарином. Обернулась, обняла: «Я тебя боюсь! Какой-то строгий».

- А хочешь, сяду на панель, и ты меня узнаешь?

- Теперь вижу, ты.

Смеется.

Три дня столица была отдана воинству на разграбление. Неистовствовали, пили, лихачили, орали, любили. Меняли декорации: квартиры, компании. День и ночь.

Вспоминали, как перевернулась машина со слушателями и накрыла их. Как с двух других кинулись товарищи и, пока слышались стоны и мат, сумели приподнять машину. Снеж задышался, Дик и Штер выскочили с ушибами. Мавруша вылез с синяком. Позднее Дик и Штер сказались больными и ушли из училища на последние курсы институтов, смотались на гражданку. Может, и к лучшему. Правда, жаль: чьи-то места занимали.

Снеж запомнил: первый раз жизнь повернулась задом, машина давила, душила его безжалостно, край света приблизился и распахнулись ворота. Звали... Но кто-то велел закрыть ворота. Обошлось.

А теперь вот степь: ни деревца, ни избы, ни реки – ничего. Снег и снег.

Гостиница – наша душевная пристань, после работы – сбор. Обмен информацией, служебной, политической, личной, всякой. Чай, философия, песни, спорт, Если есть спиртное – уже таинство, привилегии, праздник. А с утра – дикий труд, с яростью и вдохновением, до вечера. Станция должна обнаруживать баллистические ракеты и надежно сопровождать, выдавая координаты.

3.1. Жизнь на площадке

Зайдя первый раз на станцию точного наведения сантиметрового диапазона, Снежко был удивлен дерзостью создателей. Голодная степь – бяка, а это ее глубинка, где зеленого естественного кустика или травки трудно сыскать. Пыль, каменная крошка, песок, растет нечто колючее, серое, бедное, без листьев. Правда, дней 10 по весне, взбухали тюльпаны, и было столько цвета, букета, нежности, что можно завалить цветами большой город. Но проходил срок, и на веточке тюльпана, как скелет, до осени стоял стебель с жесткими раскрывами, как космические антенны, являя как бы свою противоположность. И в глубине Бет-Пак-Далы высыпали для работы люди, в основном двух категорий.

Первая – строители, как правило, люди со сложной судьбой, были и бывшие эки, искатели приключений, нарушители конвенций и принятых правил. Работали они люто: рыли землю, прокладывая кабели, строя бетонные сооружения, пилоны, антенны – какая-то фантастическая, извините, фантазмагория. Аппаратура последнего слова техники, дальности и точности лоцирования небольших, против самолетов, космических головных частей. Строители с бородами, спиртом, но с холодильниками в гостиницах. Снеж как-то забежал в жару попить холодной воды, полупьяный знакомый строитель махнул рукой на холодильник. Открыв дверцу, он увидел большую алюминиевую кружку и, быстро глотнув, понял: неразбавленный спирт. В глазах слезы. Он тряхнул знакомого, тот снова показал на холодильник. Снеж пошарил и увидел алюминиевый бидон с начищенной и нарезанной ломтиками картошкой. Наклонил бидон, глотнул, опять ректификат! Хотелось умереть. Выскочил, маялся, пока не нашел теплой невкусной мутной воды. Охламоны! Жрали сайгачье мясо со спиртом, накушались до бесчувствия.

Вторая категория – инженерно-техническая и научная элита московского КБ Кисунько и подобных смежных закрытых ящиков с призраками вроде шофера Берии (отца или возможно сына) и секретарши в службе Сталина (девушка, которая могла станцевать на столе). Сюда бросили военную элиту – выпускников: инженеров академий и высших училищ, а также средних училищ с молодыми женами и без оных.

Снежа определили на устройство контроля, в отдельной большой комнате – несколько шкафов аппаратуры, самописцев, аппаратура на лампах. Разговорчивый гражданский инженер лет 40 сказал, что их начальник отдела – полкан (т.е. полковник) получает и по должности, и за звание как в армии. А они только по должности. Структура с начальниками-военными в ящике введена для четкости, исполнительности, дисциплины и ответственности. Станция укомплектовывалась аппаратурой, кадрами испытателей, монтажники устанавливали шкафы, распаивая входы-выходы. Сколько же лет придется пробыть у такого шкафа? Ну-ка, давай, посмотрим, что еще тут есть! Комната управления, сидят начальники-пижоны, говорят сильные фразы, все время бубнит громкая связь, аппаратура принятия решений, не очень сложная. Кнопки и связь с системой, канализация ствола информации РТИ. Нет, не то. Дальше комната из полупроводниковой аппаратуры. Дальномер и имитатор работы всей станции, проверка и контроль работоспособности (РСФ-60). Шкафы дальномера РС-40 «захватил» Олег Тихомир – приятный, умный, выпускник КВИРТУ. Несколько шкафов и должность ведущего инженера (аж, подполковника для выпускника лейте-

нанта). Олежка говорит Снежу: «Бери РСФ-60, сложная спецмашина, очень интересная, связанная со всеми системами. Есть куда развиваться. Должность на ней капитанская, инженера, но будешь старшим по системе». Надо прикинуть! Еще приводы антенны, почти напротив в комнате, потом приемники, но там волноводы, излучения, приемники СВЕРХВЫСОКОЙ ЧАСТОТЫ (СВЧ), и передатчики – бездарно громадная комната, где уже сидит лейтенант Сташко. Там свищут нешуточные мощности при плохом согласовании волноводов – вплоть до искрения, и волноводы идут до чашки антенны. Не очень интересно, не по профилю. Правда, в ПВОшных станциях представлены все системы и всему учили, но компактная ЭВМ с развитой структурой, со связями со всей станцией, пожалуй, трудно, неслыханно, но интересно. Вперед!

Пока шел кадровый подгон, Снежа легко перевели на РСФ-60, так как никто им не восхищался, кроме Снежа и Тихона, а слух о его диких неисправностях и наработке на отказ, около 5 минут, отпугивали от него многих.

Джери Пархомчик сел с Борей Орлом на управление, это - по его натуре. Замакус – на контрольную аппаратуру вместе с Пищиком. Ача работал на системе передачи данных (СПД) на 119 объекте, самом близком к станции.. На 117 – следующем объекте работал Алик Куликов, и еще много пунктов на пути к Центру, где мозг системы - электронная машина (ЭВМ М-40), контур управления системой, связанный с такими же радиолокаторами точного наведения (РТН-2, 3). Площадка с противоракетами, площадка с огромной станцией дальнего обнаружения.

На РСФ-60 крутились московские разработчики аппаратуры: Боря Зудин – лет 40, выглядывавший в окно на антенну, и когда она поворачивалась к нам, закрывал большим тазом одно место от излучений. Все ржали, а он, усмехаясь, говорил: «Вы – молодые, а мне еще пару мальцов застругать надо. А СВЧ (сверх высокая частота) хоть кого инвалидом делает».

Наше ржанье кончилось, когда начали измерять уровень мощности СВЧ на станции. Приехал Боб Минкин и Вадим. Записали протокол о более чем десятикратном превышении предельно допустимых мощностей. Тогда мы тоже стали уходить за шкаф, когда Сташко жарил нас своим передатчиком с высоты 40-50 метров. Потом сделали решетки на окна, промерили, помогало плохо.

Потом на приемниках и передатчиках у офицеров потекла носом кровь, нашлись исследователи в госпитале, в НИИ Дубны и, кажется, Пушкино. После этих штучек облик Генерального конструктора стал неоднозначным: не хотелось в 21 год быть инвалидом от недоработки защиты людей от вредных и опасных излучений. Кроме Бори Зудина, в плеяде разработчиков был Витя Буйков, Володя Богдан, Марсель с дальногомера. В первую встречу они расселись, отложив приборы, и стали экзаменовать Снежа на предмет: какие курсы преподаны, каков уровень знания радиотехники, электротехники, электронных устройств, физики, математики, специальных дисциплин. Остались довольны. Узнав, что полупроводники нам преподали объемом в несколько часов, засмеялись: в шкафу ламп нет; через месяц все выучишь! Действительно, работая с восторгом и большим желанием при ведении Мастер-класса этими блестящими специалистами, Снеж гармонично и естественно изучил шкаф со всеми его схемами, приборами, блоками, функциональным назначением и практическими особенностями. Неисправности сыпались, как вода из душа, но для становления специалиста лучшей среды не придумать. Через три месяца москвичи уже хлопали Снежа по плечу: так ты

тут давай, а нам нужна следующая разработка, мы поехали. В Москву звони , если что. Присылали смену второго уровня квалификации ,с включением техников.

Однажды на пороге их комнаты появился длинный рыжий мужичок из почтового ящика. Молодой, вежливый, застенчивый – Серж. Подчиненные Снежа –военные техники Юра и Иван – были один в отпуске, другой в наряде, а «рыжик» включился в работу и неожиданно решил протереть все предохранители в каждом блоке. В смене все время шла работа по поиску и устранению неисправностей. Главный инженер в этот день вызвал всех старших по системам и сказал, что приехал маршал Бирюзов посмотреть на работу. На подготовку дают час и через 10-15 минут пойдет проверка функционирование системы. Не подведите! Когда Снеж вернулся к системе, он похолодел: шкаф был разобран, до середины комнаты рядками и группами лежали детали, предохранители, блоки не мигали, а статично застыли. В шкафу ничего трогать нельзя, даже обдув старались выключать, чтобы не трясти схемы – обязательно контакт «отстрелит». Снеж побледнел и хотел убить «рыжего», но сдержался. Преобразился и как артист высшей категории хлопнул в ладоши и произнес: «Вот это, да!» Тихон, зашедший к своему дальномеру, оценил размер бедствия и засмеялся не зло, но до коликов: такой разборки никакой враг даже придумать не мог бы.

Снеж обнял «рыжего» и спросил: «Ты, Сережа, обратно можешь поставить, как было?»

- Конечно, могу, у меня система.

- Вот и хорошо. Поставь, а потом я тебя прикончу!

«Рыжик» улыбнулся: шутка, и по какой-то одному ему ведомой схеме начал собирать шкаф обратно. Снеж зашел за шкаф и осмотрел часто барахлившее реле. Реле должно было после входного сигнала сделать «подхват» нового состояния, но магнит не срабатывал, и начиналась «пляска Витта». В случае появления этой жути, бывало, помогала рука, принудительно прижимающая магнит, или спичка, фиксирующая временно положение.

За 10 минут до работы, когда все предохранители были восстановлены, попробовали включить шкаф, он, естественно, закапризничал. Снеж попросил Рыжика докрутить фиксаторы предохранителей. Наконец, что-то похожее на работу после похмелья появилось: РСФ-60 зафыркал. Замигали маленькие разноцветные лампочки, говорящие о здоровье шкафа. Но, как и опасался Снеж, затарахтело сзади реле, по громкой связи главный оператор заорал: «Загубите работу, РСФ!» Снеж кинулся и двумя руками взял на контакт оба опасных реле и поддерживал «закрытые челюсти» во всё время работы. Тихон ржал, как на Райкине. Но после работы сказал добрые слова похвалы, что от него услышать было редкостью.

Уставшие, но ободренные выполненной работой, господа офицеры, инженер-лейтенанты, потянулись к жилью умыться в душе и поесть, расслабиться и сменить обстановку.

Снеж пришел, не спеша, снял амуницию, но вдруг кто-то постучал в дверь. Вестовой сообщил, что начальник смены вызывает его на станцию. Должность начальника смены была нештатной, так как имелись начальник станции и главный инженер – целый подполковник.

Начальником смены был старший лейтенант Алик, верзила закорючистая, выпускник из Харьковской Академии, который старался набрать баллы не на знании техники, а на организационной работе. В училищной среде это эквивалентно ефрейтору,

которого иногда использовали как старшего для построения и отправки строя из одного здания в другое, когда сержант хотел смыться на время или куда-нибудь заскочить.

Снеж снова засупонился и явился. Верзила поманил его пальцем за шкаф к висевшему на стене щитку. Поскольку шла отладка, настройка и доводка аппаратуры, общие воздухопроводы в комнате поддували пыльцу, то этого добра было много. Боевую аппаратуру защищали стеклянными или железными дверями, а то и вовсе не трогали, чтобы не нарушить контакты. Пошевелишь, покачаешь, потрогаешь без причины пальчиками, потом будешь кружить ножками в поисках неисправности и ее устранения. Все это быстро сообразили и приспособились: без дела, куда попадая не лезть. Щиток был для пользования осветительными лампами и к аппаратуре отношение имел в формате пятого колеса в телеге. Алик хихикал и, показывая на щиток, начертил пальцем отметку «2».

- Что? – спросил Снеж.

- Почему система в грязи?

- Это к системе не относится!

- Вы мне бросьте эти деления на систему и не систему. Должно быть все в чистоте!

В другое время осторожность и подобие субординации подсказали бы Снежу гибкую линию, но здесь и сейчас это не сработало. У Алика не было своей системы, он, присматривал как бы за всем, ни за что конкретно не отвечая. Не пахарь, без авторитета.

В комнате управления сидели: мощный специалист, гражданский инженер-конструктор, инженеры-системщики и начальник станции. Так что Алик весь день волюнился без дела, а к вечеру выпал из шкафа, что называется, придумал себе солдафонское развлечение. Снеж спросил, знает ли Алик, сколько длилась смена (около 10 часов) и что неисправности возникали, искали и устранялись каждые полчаса. Что они выжаты, как лимоны, и что щиток, вроде сухого дерьма, интереса не представляет.

- А я Вам приказываю вытереть!

- Вы оставайтесь, товарищ старший лейтенант, а я пошел на хер.

Снеж изложил тонко и смачно, сказано все и ничего, вроде не оскорбление, но полная насмешка. И ушел.

Был скандал. Снежа вызвал командир части Наполеонов. Гражданские инженеры, которых Снеж предупредил о стычке, потянулись к начальнику с упреждением: о незаменимости Снежа как военного инженера, о возможном срыве графика работы, о необходимости позвонить ответственному по испытаниям, а дальше Генеральному конструктору Кисунько, который требует повысить наработку на отказ, и т.д. и т.п. Наполеонов посмотрел на Снежа и сказал:

- Ты все правильно сделал: стал незаменимым и натравил на меня гражданских. Я им пообещал, что работа на системе будет обеспечена тобой. Но я не могу подрывать дисциплину. Выбирай: или арест (гауптвахта за 120 км), или отработаешь нештатным командиром взвода операторов. Хоть Алик и чиновник, но его назначили, и отменить его претензии я не могу.

- А что такое нештатный командир взвода?

- Будешь каждый день 3 месяца ходить в роту, проверять и командовать людьми взвода, смотреть за ними. Устав знаешь?

- Знаю.

- Давай договоримся миром: через 3 месяца взвод сдашь другому. Да и по делу, рота разболталась, и поддержать ротного очень нужно.

- Это Ваше слово, что хомут на квартал?

- Да. И еще. Не дави через гражданских. На системе ты работаешь прилично, давай без забастовок!

Проходил первый год на площадке, все вставало на свои места, Неурядицы и суматохи стали понятны, почти прогнозируемы. Осень 59 года пришла с заморозков. Снеж привез молодую жену, жизнь была ключом.

Бернес пел: «Есть любовь у меня. Жизнь, ты знаешь, что это такое».

Неожиданно Снеж как-то странно заболел. Он чувствовал ослабление, энергетика садилась. Внешне раздувалась шея. Он сидел неделю дома, а площадный медик Валя Смагл иногда справлялся, не помер ли? Это была жизнеутверждающая шутка.

Снеж выходил к окну перед домом, садился на табурет в накинутой шинели и полевой фуражке – просто Хлудов из фильма «Бег», и долго, часами, смотрел в степь. Было чисто, тихо и холодно...

Он спрашивал себя, а что здесь было много времени тому назад? Какие звери, люди, растения, птицы? Какие армии здесь проходили, может быть, разведчики великих завоевателей ночевали под этими звездами? А какие караваны здесь прошли? Верблюды вызывали симпатию и интерес. Звучали музыкальные кусочки то из Хачатуряна, то из «Каравана» Дюка, то из увертюры Глинки. Вот и ты, русский офицер, тянущий службу в тмутаракани вроде лермонтовского Печорина, гаснешь как он когда-то в зачуханной Тамани, и никому нет дела до тебя. Снеж ощущал, что шея увеличилась в диаметре чуть ли не вдвое! Должна же быть этому причина? Утром дорогой на объект уходил мимо Ача, а вечером шел назад в столовую к ужину и приветливо кивал и удивленно качал головой. Шутил тревожно: «Ты чего придумал?»

Снеж передумал обо всем за декаду больше, чем за все семестры: о жизни и смерти, о силе и немощи, о знании и незнании.(вспомнил об агностицизме), о долге службы и ее нелепости, когда никто не поможет. Алка ходила бледной: Снеж причитаний терпеть не мог. Зашел медик, ухмыляясь. Снеж спросил: «Что со мной?».

- А ты как думаешь? Может, на станции чего-нибудь, может, еще что?

Зная познания этого эскулапа, Снеж жил без иллюзий. Он смотрел в степь и вдруг зазвучали слова и вырвалась мелодия:

«Человек идет по степи, нет конца у дороги.

Ветер мешает идти, до жилья дотянуть немного...».

Первые строки стихов пришли с музыкой из степи. Вспомнилось, зимой колонна машин, наш «Караван», встал в 10 км от площадки в буран и начал замерзать. Мороз под 30 градусов, и снеговерть, не видно ни зги. Пешком пришла, найдя дорогу, женщина-товаровед, обморозив лицо, а офицер, главный по комсомолу, приполз за ней с обмороженными руками.

У головной машины, глотнув спирту, пополз искать дорогу водитель Князев и замерз. Привезли на площадь уже почерневшего – умер.

А что же с тобой, Снеж? Неужели облучило? Но почему шея? И кружится голова, силы уходят, трудно выходить на улицу... Алка втихаря плачет. Неужели уже все, в 22 года? Не припомню аналогов... На дуэли, другое дело...

Приперся эскулап, зовет в медпункт, комиссия его проверяет. Качаясь, дошел до барака медпункта. Синеглазый худошавый капитан, действующий хирург, осмотрел и спросил Смагла: «Ты почему его в госпиталь не увез?» «Так у него же просто шея росла». Капитан взорвался: «Не боишься отвечать за офицера?!» Тут, Смаг забежал, заговорил, глаза испуганные, руками машет.

- Быстро чистую простынь на стол, прокипятить хирургический инструмент, местный наркоз! - отрывисто и четко говорил капитан.

Снежа завалили на стол, и капитан разрезал шею. Был там нарывающий шарик – флегмона. Вырезал и выбросил в ведро. Сказал, что если бы еще пару дней протянуть, за жизнь Снежа не поручился бы.

Комиссия уехала. Снеж пришел, шатаясь, домой. Алка кормила его обедом, грелся чайник.

Через день пришел на перевязку Смагл, посадил на табуретку, распаковал бинт и дернул за тампон. Снеж упал со стула, поднимаясь, спросил: «А хошь, я тебе в морду дам, Смагл? Мне на операции так больно не было. Ты что, гад, делаешь на перевязке?! Чего дергаешь-то, профессионал?» Потекли гной и кровь, но стало легче. Через неделю Снеж понял: будет жить, силы начали возвращаться!

Он все еще грелся на степном, едва теплом, Солнце и писал свою «Песнь о Человеке». Песня начинала складываться.

Под зиму на площадь приехала агитбригада. В ее составе был квартет КВИРТУ (сакс, гитара, аккордеон, контрабас). Они выступили официально, концерт прошел на «бис» и на «ура», а вечером собрались неофициально у Снежа. Работала гитара Снежа, и впервые он спел для них «Человек идет по степи»... Ребята были в восторге и сказали, что обязательно сделают эту вещь вместе с ним. Вечер прошел чудесно, было человек 15-20, каждый притащил запасы провианта и посуду. Блестящий вечер, чудесно на душе. Снова живем!

Снеж держался двух, выработанных в дискуссиях с самим с собой, направлений. Первое – статья через труд и познание незаменимым специалистом-профессионалом. Работа на станции, бывало, длилась по 16 часов, иногда 20 минут удавалось покемарить на ящиках из-под ЗИПа (запасных частей).. Никто не заставлял, но делать для Родины «щит и меч» – святое дело. Кадровая политика московских конструкторских бюро (КБ-1) – брать лучших – принесла свои плоды. Кадры гражданских командировочных, работавших вахтовым методом, и местных военных, выпускников приличных военных заведений, делали из привезенного теста – груды железа, сырых, слепленных наспех шкафов – приличный пирог, который можно и к столу подать.

Второе – работать на перспективу в человеческом плане (учиться широко – образование, английский, музыка). Нарботка на отказ пошла на увеличение (5, 15, 30, 60 минут за сутки).

Сначала работали только на устранение неисправностей, где-то полгода - год. После этой чумовой полосы отказов, нескольких замеров осциллографом хватало, чтобы сообразить, где место неисправности, причем достаточно быстро. Учителя – разработчики шкафа – были прекрасными ребятами, многое знали, умели, а что особенно ценно, творчески созревали на глазах. Когда просто отбиваться от неисправно-

стей надоело, придумали: надо самим наскакать на неприятности. Что вскоре откажет? То, что пока скрыто, но уже нездорово и подлежит отказу. Заметили: 5-10% ухода напряжения питания от номинала ведет к усилению потока неисправностей. Так, нападём сами: будем изменять напряжение от номинала плавно и вылавливать слабые места. Как повалили «глисты» из нашего спецвычислителя – жуть. Команда Снежа – товарищи по службе: старший техник Юра Перш и техник Иван, очень работоспособные и честные ребята, вылизывали шкаф от зари до зари. Иногда включали вентиляцию внутри шкафа, и сколько-то слабо-контактных узлов схем удавалось определить. Температура также могла влиять на работу полупроводников.

Начали созреть до рационализаторских предложений, технических усовершенствований и изобретений. Кисунько, поставивший колоссальную задачу попасть пулей в пулю, т.е. ракетой в ракету, имел, пожалуй, не меньше сторонников, чем врагов, завистников и традиционных вонючек из бюрократического начальствующего болота. Нам, всем работающим, хотелось попасть ракетой в ракету. Принципиально, для точности попадания при методе триангуляции, была важна точность дальномеров 1, 2, 3-РТН. Стало ясно, что при всех проблемах дальнего обнаружения и выдачи целеуказания точным радиолокаторам, преодоление некачественного управления Противоракетой В-1000 и др., вопросы точности наведения превалируют над всеми, и выделение в полете головной части становится важнейшей задачей.

Тихомир занервничал, усмотрев в реальных пусках возможность перехвата дальномером сигнала корпуса, как более мощного. Потом, иногда, корпус летел первым или в полете обгонял при некоторых ракурсах головную часть, появлялся космический мусор. Словом, головная часть и ее выделение вызывали головную боль у самого верха.

Имитационный шкаф РСФ-60 имел стандартное штатное движение «головы» впереди «корпуса», и никаких вариаций. Тихомир начал похаживать к Снежу и уговаривать его сделать видоизменяющую картину полета головной части, маршевого двигателя, мелких деталей и корпуса, сделать различные скорости разбега и сближения, обгона одной части другой, некоторые сценарии для разных РТН: на одном видно так, а на другом иначе.

Снеж уселся за стол, притащил книжки с училища, разобрался в траекториях движения баллистических ракет, описанных соответствующими полиномами. Затем пересчитал, как видится это движение в системе координат каждой станции, и как это реализовать на базе схемы примитивного учебного примера, заложенного при проектировании РСФ. Получилась интересная разработка. Снеж начал бешено экспериментировать и, когда сумел показать Тихону маневрирование головной части и маршевого двигателя на входе дальномера и его реакцию с перехватом, Тихон очень обрадовался. Можно обучать оператора, меняя входную ситуацию. Но внедрять-то нужно комплексно, не для одной станции, а для всех трех РТН!

Сообщили по начальству, что местный «Кулибин» сделал это для системы. Промышленность забеспокоилась, заревновала. Но разработать другой вариант быстро и качественно не удавалось. Время не ждет. И вот зам. главного конструктора Остапов уже приказывает немедленно внедрить разработку, а гражданского конкурента, пытающегося сделать свой вариант, заставил позвонить и попросить передать ему схему точного варианта Снежко. Говорили о деньгах, которые положены за изобретение. Но после внедрения все привыкли к новшеству, все успокоились и выдали свидетельство

на техническое усовершенствование от самой войсковой части. «Надо было держать за горло и не отдавать сразу», - советовали со стороны, но Снеж читал им Маяковского: «...сочтемся славою, пускай, нам общим памятником будет построенный в боях социализм».

3.2 Будни взводного...

Верзила добился: Снеж – взводный. Радиотехнический взвод, обслуживающий станцию, теперь его люди – 23 человека.

- Становись. Ровняйся. Смирно. Товарищ лейтенант, взвод по Вашему приказанию построен. Помкомвзвода сержант Иовенко.

- Вольно. С этого дня я Ваш командир взвода.

План приема: проверка расположения – кровати, тумбочки, вешалки для шинелей.

Оружие: наличие, комплектность, содержание, смазка.

Внешний вид, обмундирование, обувь.

Вопросы, просьбы, заявления – по быту, службе, здоровью, довольствию, отдыху.

- Разойдись, всем встать у кроватей.

Снежа предупреждали, что пропадают наволочки, простыни, одеяла, матрасы. Проверил, вроде все на местах, включая полотенца.

Теперь оружие. К осмотру. У всех карабины.

Вытащить пеналы, показать выколотку и прочее содержимое. Все есть.

Шинели, шапки, хлястики, сапоги, носки, портянки.

Сели поговорить. Большинство ребят на станции работают в смене у моих товарищей, я их всех знаю. Особенности подскажут друзья. Вперед, взводный!

Теперь хожу в роту, занимаюсь уставами, смотрю политику и физо, присматриваюсь к характерам. Сюда людей отбирали: психов и раздолбаев нет. Контакты налаживаются. Ача со своими на станции СПД живет душа в душу. Они там сами готовят пищу, поздней осенью заготавливают сайгачье мясо. У него – сибиряки-охотники. Его сибиряк Юрок: «Тов. Лейтенант, засада нужна из трех человек, с карабинами, ветер должен дуть от стада на нас, все в маскхалатах. Стрелять по моей команде, я выбираю вожака, тогда стадо начнет шархаться, и десяток на зиму мы возьмем».

На станции на рабочих местах частичная или полная взаимозаменяемость, за некоторым исключением. Регламенты, настройка и отладка блоков, запасные блоки, поиск неисправностей – все организовано. Внешний вид – на 4 балла. Спрашиваю Ачу об основах их отношений :это дружелюбие и совесть. Границы очерчены, основные законы службы чтятся и понимаются, комендантского отдания чести и топанья – не требуется. Честь по чести, по-людски, а потому понятно. Попытка разложения пресекается внизу, Ачу любят и уважают. Он их тоже. Они, в Сибири, все умеют, Разбил мотоцикл вдрызг – через 10 дней полностью восстановили.

- Попробуй котлеты из сайгака, что в твоём «Узбекистане» в Москве!

Точно, котлеты – люкс, чесночек с гречневой кашей. Учусь и многое от Ачи тащу к себе. В знак дружелюбия ребята из взвода моего пригласили постричься, трое молодцев владеют механической машинкой. Все прекрасно. Работаю, как сказали бы в КВИРТУ, с живым солдатом, его нуждами. Это, пожалуй, важный опыт, без пижонства. А ну-ка, проверю оружие, просил вчера почистить.

- Взвод, становись! Разобрать оружие к осмотру!

Проверяю.

Карабины все, а оснастка только на 30%. Что за хрен? У Снежа глаза на лоб полезли. Вот – те и друзья. Переписал, у кого чего нет. 70% оснастки отсутствует. Ну, что ж, подаю рапорт на расследование, оружие – это не шутка.

- Тов. лейтенант, разрешите доложить лично! – помкомвзвода.

- Взвод, разойдись, грязные стволы немедленно вычистить! Слушаю Вас, Иовенко.

- Тов. лейтенант, то, что Вас удивило, касается всей роты. Когда Вы принимали взвод, мы взяли со всей роты оснастку и полностью укомплектовались. За 1,5 года мелочи растеряли, но оружие боеготово. Будете сдавать – будет полный комплект.

- Я подумаю, но номер, конечно, «на бис».

Ушел. Когда через несколько месяцев сдавал взвод, оружие было укомплектовано полностью. А где же твоя принципиальность? Принципиальность – не придурковатость, по жизни приходится думать. Пользуйся принципами и головой.

- Тов. лейтенант! Вы рассказали бы, трудно поступить и учиться в КВИРТУ? – это те из ребят, которые хотели бы примерить офицерскую судьбу, но могут надеяться только на себя.

Поступал при конкурсе 5 человек на место. Был у меня приятель Игорь с Урала. Подружились, когда готовились и сдавали вступительные экзамены. Игорь в школе был местной знаменитостью: на выпускных экзаменах написал сочинение по «Поднятой целине» в стихах, сделал только одну ошибку и получил «отлично». А здесь, на вступительных в КВИРТУ, сочинение написал на 4, и одного балла ему не хватило. Снеж прошел по баллам, хотя и без запаса. Когда прощались, Снеж подарил Игорю свою выходную белую рубашку, свою гордость потаенную. Игорь расплакался.

Что касается учебы, если пахать – сдюжить можно, просто сачковать при простых родителях не получится, выгонят за неуспеваемость. Ленишься – всегда будешь на грани вышиба. Правда, бывают и преподаватели не подарок, Однажды пришел громадный красный полковник – преподавал на старших курсах что-то вроде «обучение личного состава политграмоте». Снеж имел по гуманитарным дисциплинам всегда 5, философию любил, был рад поспорить и за словом в карман не лез, мыслил не квадратно. Однако красный полковник костерил слушателей, обзывая чистюлями, говорил, что живой солдат – штука сложная, и вы все – неучи в этой части. Возможно, так оно и было, но для тех, кто сдал курс математики, физики, теоретических основ радиотехники, электротехники и другие мудреные курсы, обучение политической грамоте не казалось трудным, а злая, пренебрежительная манера разговора красного полковника делала его занятия неприятными.

Зачет перед Новым Годом Снеж не сдал, полковник его высмеял и, не дав нормально ответить, выпроводил. Снеж вышел и, почесав в затылке, пошел к философу Векуа, маленькому мудрому преподавателю, который мог принять по совместительству и такой зачет. Векуа начал Снежа спрашивать, и дело двинулось к положительному варианту, если бы не жуткая невезуха. Неожиданно дверь открылась, и красная харя, выпучив глаза, заорал с порога: «А, ты еще думаешь обыграть меня «ходом коня»? Обойти меня не удастся и, схватив увесистый полноформатный справочник, запустил его в Снежа. Снеж обладал хорошей реакцией, и справочник пролетел между лысой головой удивленного подполковника Векуа и отклоненной головой Снежа. Полковник решил поймать подлеца и дать под зад (во – политик!). Снеж мгновенно

сообразил и стал маневрировать между столами, а красная харя, как Карабас, хватал очередной справочник и обстреливал слушателя на ходу. Векуа сидел, открыв рот, просто не понимая и не принимая манеры старшего офицера по отношению к рядовому. Когда Снеж прорвался к двери, то красная харя появилась слишком поздно и кидать следующий справочник не стал.

Снеж рассказал все Вовке и Мавруше. Те ржали, как кони. Нет, Вы представляете, ведь он наверняка рукоприкладствовал в армии, если в Высшем Училище не боится так себя держать. Скандал был первостатейный. Векуа, видимо, кое-кому доложил о новом воспитателе, а тот вошел в ступор. Курсовой офицер при попытке посредничества по телефону долго крутил головой, стряхивая яркие фразы самодура... Придумали хитрость – звонить ему домой 31 декабря с утра. Эффект был отменный: когда полкан услышал, что этот нахал намерен придти к нему домой (!), он приказал оставить зачетку на кафедре и заткнуться.

К вечеру Снеж вертел зачеткой, где подпись преподавателя сияла, как медный таз. Ура! О подобных случаях, о дисциплине «Теоретические основы радиотехники» и др. рассказывал Снеж взводным ребятам. Они слушали с интересом, им нравилось, что их лейтенанту тоже драли жопу, причем ни за что, ни про что.

Банька на площадке.

Баня – это кусочек рая, час или полтора райской жизни. Мысли и воспоминания о бане часто возникали за вечерним чаем. Говорили, что официантка Вера, маленькая черненькая, просила солдата-истопника делать ей баню в котле для борща, и тот делал. После этих разговоров Витя Трушин прекратил есть первое.

Пронесся анонс: в субботу – открытие бани, маленькой деревянной, сделанной из досок бани. Объект опробовал начальствующий состав: командир части Наполеонов, замполит – огромный хохол Дуду, начальник ВЛКСМ, начфин, начальник штаба. Несколько лиц «близких к императору»: медик Смагл, зам. по тылу и др. Снеж оценил обстановку, опросив обслугу: горячей воды – одна большая бочка, холодную привезет водовоз, много. Тазики мало, мест хороших мало, пар – только в начале помывки. При всем этом от свежих досок на голову каплет раскаленная смола, а на полу – лед, надо быть в тапочках.

Сообразив, что к чему, Снеж попер пораньше, разделся, голову обдало жаром, а под ногами в предбаннике – лед. Е-мое!.. Взяв добротную оцинкованную шайку, шмыгнул в «мраморный» помывочный зал, чтоб запастись кипятком. Пока, ополоснув шайку, лил в нее кипяток, оглянулся: в одной шестой площади бани была вырыта в земле сточная яма с обмылками, вехотками, порванным вафельным полотенцем. В баню уже ломились офицеры, в предбаннике стоял гул и мат. Снеж закрутил кипяток и направился было к лавке, но тут в стене что-то зашуршало, и показалась гофрированная кишка, нацеленная на медленно движущегося с кипятком Снежа. И вдруг, с мощью, превосходящей несколько атмосфер, кишка выстрелила ключевой водой. Удар из этой пушки снес Снежа с ног, в сточную яму, при этом успело плеснуть на тело кипятком из шайки, а затем струей ключевого водопада. Пока все были в предбаннике, Снеж попытался вылезти из ямы, но ее глубина была в его рост, а стены земляные и скользкие. Солдат, который запустил холодную воду, еще не пришел,

чтобы взглянуть на результат своей деятельности. Офицеры, вошедшие первыми, сразу не врубались, так как холодный столб воды хлестал по бане туда-сюда, в яме сидел человек и что-то страшным голосом орал, а до горячей воды не добраться. «Цирк» работал. Кто-то сострил, что особо хитрые заняли сточную яму и никого больше не пускают туда... Стояли гвалт, хохот, неразбериха, пока две дружеских руки не выкинули Снежа из ямы, и он быстро вычислил похитителя своей шайки по написанному с внешней стороны на дне слову из трех букв. Захватчик, вняв таким веским аргументам, шайку вернул, и помывка началась. Парилка в этой первой бане была вместимостью на одного человека. И этот один был, конечно, замполит Дуду, имевший в пустыне настоящие березовые веники - это равноценно бриллиантовому колье в колхозе, где не платят трудодни. Он долго смотрел на распаренный веник и ритмично рыкал, на седьмой счет начинал бить себя веником, затем снова смотрел и рыкал. Нет, ну, в Москве Райкин, конечно, смешит, но такого натурального ржачного материала, называемого «русский бардак», не придумать, не сгенерировать.

Вечерний час в гостинице...

Разговор о Прекрасных Дамах. Из Москвы, на одну из систем, приехала Лялечка, красивая девушка, рост 180 и стандарт 90-60-90. Рассмотреть ее стан и динамику мешали производственные отношения. Однажды, по теплу и весне, Лялечка с подругой, обе неприступные, как артистка Самойлова, двинулись в степь индивидуально, никому ничего не сказав. А там – сопка, за которой появились тюльпаны, и девичьи сердца таяли от цветов и согревались весенним солнцем. Они нагибались, срывая цветы, составляли букеты и не сразу заметили, что человек 8 маленьких черненьких азиатов, солдат из стройбата, начали их окружать с известными намерениями. Смотреть на девушек в платьях сзади, когда они, нагибаясь, рвут цветы – это зрелище по сильнее стриптиза. Лялечка подняла голову, мгновенно оценила обстановку и крикнула: «Наташка, за мной!». И началась гонка. Ипподром. Первая фаза: выскочить из горла затягивающегося окружения. Девушки летели в спортивной обуви, за ними - солдаты в кирзе. Расклад был ясен, если поймают- все «пройдут», и еще могут побояться оставить в живых. Они летели с визгом, как лошади от волков, и сумели выскочить из горла окружения! Дальше за ними бежали только двое-трое. Лялечка выкидывала модельные ножки, личико ее пылало, за ней в страхе и в восторге летела Наташка, побросав букеты и держась курсом на площадку. Когда они подлетели к гостинице и рассказали о преследователях, дежурный по части поехал в тот район на газике, но след «батыров» уже простыл. С той поры стали цениться местные гусары, и красавицы без их сопровождения больше не ходили на прогулки в степь. Кстати, Прекрасные Дамы тоже смогли организовать «нападение», но своим красивым почерком.

Московские девушки, выпускницы ведущих ВУЗов, средний персонал, оказались за тысячи верст от родителей в каком-то Лос-Аламосе, спрятанном в Бет-Пак-Дале, рядом с блестящими амбициозными офицерами, сплошь холостыми, физически хорошо развитыми, самостоятельными, с высшим и военным образованием. Началась интрига: девушки решали вопрос, крутить ли и с кем? Они жили компактно, всех знали, все были на учете и под наблюдением. Одна из красавиц, Варя, с бойким и дерзким язычком, однажды предложила остальным: «А хотите, составим объективный

техпаспорт на этих мотыльков?». «Как это?», - взволновались остальные. – «Под легенду о тесте на хозяйственные навыки»...

Вечером она достала в столовой дюжину куриных яиц и пылко объявила лейтенантской дружине: «Сегодня девушки будут решать, хороши ли Вы лично по хозяйству. Все восемь человек будете иметь одно и то же задание: с помощью пружинной сбивалки должны сбить яйцо в гоголь-моголь». Девчонки тайно принесли магнитофон МАГ-8М и, спрятав его, вывели микрофон под бумажную салфетку.

Варя картинно представила: «За дело принимается Куликов Эдуард». Эд взял мутовку и в железной кружке с присущим ему темпераментом, в полной тишине, стал орудовать сбивалкой по яйцу то часто, без ритма, то толчками, то ритмично, то медленно. Следующие испытуемые взбивали, кто, как желал: с остановками и без, в рваном режиме или ритмично, молча или бормоча «врежем ярче» строчил, как из пулемета. Собрав все восемь записей, Варя пригласила подруг и объявила: «Вот звуковая дорожка, где Ваши кавалеры как бы занимаются любовью с Вами, каждый демонстрирует индивидуальность в мужском деле. Прослушайте и решайте, кого каждой выбрать!» Девушки нервно заерзали, засмутились, кто-то захихикал, но ушки все навестили. И когда пленка закрутилась, то режиссер «сексуальной» записи сама покраснела, не ожидая такого впечатляющего результата. Действительно, что-то от натуры и склада каждого молодца было поймано, а предложение выбирать из альбома темпераментов зацепило каждую девушку. Ребятам они сказали, что почти все справились с заданием, но чемпиона определить не удалось – мнения разошлись. Девушки слушали запись почти месяц и только позднее, на какой-то вечеринке, проболтались лейтенантам. Те ржали, как кони, и долго восхваляли темпераменты Трушина и Орловского, которые молотили без передыха. Они смущались, встречая восхищенные глаза самых прекрасных из этой стайки. Объективность – превыше всего!

В гостинице вспоминали Альма-Матер – КВИРТУ, и воспоминания шли, как новости на телетайпной ленте. Снеж забавлял своими байками.

Сейчас расскажу про майора Фендера. Человек этот был начищен, надраен, выбрит и напомажен, золотые фиксы победно сверкали... Шла глубокая строевая подготовка к параду. Днем, на жаре. Отделение из 7 слушателей ходили в мундирах, фуражках и сапогах под деревом, поднимая ногу и вытягивая носок. Затем: «Кругом марш!» - дружно поворачивались на 180 градусов и снова мимо дерева. Занятие препаскудное, но очень воспитывает характер... Косор шел четвертым в ту сторону. Фендер наблюдал за занятиями. Ворона на нижнем суку удачно прицелилась и залпом белой жидкости врезала Косору по фуражке. Строй от смеха распался: налицо формула полного счастья: не только хорошо тебе, но соседу плохо. Юра Кос, выбирая выражения, листьями счищал приобретенное. Когда он с кислой харей встал в строй, и отделение тронулось обратно, ворона опять удачно стрельнула в него. Может быть, самец или самка беспокоились за гнездо. Но попало опять в фуражку Коса, в самую середину! Люди попадали и поползли по траве со смеха. Глаза у Коса стали круглыми, черные зрачки яростно горели. В третий марш долго не могли собраться и сосредоточиться, все шестеро, кроме Коса, ржали до рвоты, искренне и безысходно. Фендер дал цитату: «Придется, как сказал начальник училища, расформировать курс, ибо сегодняшним действием, я думаю, между вас есть не иначе, как бандит». Еще минута слез, наконец, команда: «Смирно! Отделение, шагом марш!» Третий раз, проходя под деревом, Кос получил горсть жидкого дерьма на затертую листьями фураж-

ку. Отделение повалилось, Хан орал: «Не верю в теорию вероятностей! Сдавать не буду! Ложь!» «Отставить смех!» - Фендерь уставился в глаза Коса. «Вы почему срываете строевые занятия?» Тут все завывали от смеха, ничего уже не боясь, не таясь, стараясь только не разрушить свой организм.

- Аничкин, вы не того, вы святой Гиорген, я вас заржу!.. Диванов, что ты как это самое... Крючков, вы у меня попрыгаете!..

* * *

После месяца строевой, на ночных проходах по Крещатику, после коробки строевиков шел майор Змаев и косил на брусчатку, пока не замечал рожок от автомата Калашникова. Он ястребом кидался и, подобострастно глядя на стоящее начальство, правой рукой отдавал честь в белой перчатке, а левой – прижимал к бедру найденный рожок от автомата. Удалившись на 150 метров от трибун, он опять ястребом кидался к рядовому Штыку и рычал: «Потеря оружия во время учений – 5 лет тюрьмы. Покажи рожок». Штык в ответ, как рак, вращал глазами. Так было при каждом проходе, и, если бы не личное присутствие, Снеж подумал бы, что идет спектакль. Но, увидев лица Змаева и Штыка, он не мог крикнуть, как Станиславский: «Не верю!» Все было голой правдой, хотя и необъяснимой.

* * *

Фендерь, благодаря своим невольным попутным комментариям, становился классиком. Его речи записывали и вели альманах майора, что позволяло расслабиться в свободные минуты.

Утром, войдя в умывальную комнату, Фендерь видит у зеркала неубранные следы бритья:

«Кто это набрился? Я бы тому на голову вылил, а вы стоите и молчите, Ни один не говорит, кто это сделал. Я бы тому человеку благодарность сделал и по уху так дал, (хохот), которому набрился».

«Что вы укаете? Ууу... как медведь...гималайский... с дерева вон!»

Шли 50 годы. Майор Фендерь ставил нам зарубки, как не надо говорить:

«Я с тобой расправлюсь, как волк с черепахой, не хочешь выполнять, поворачиваешься, как медведь, - получай наказание. Это не моя прихоть, не генерала Метелева и не Овчаренкина, а вышестоящего главнокомандующего, Жукова приказ. Прежде, чем довести до вас, они обсуждаются все приказанья Советом Министром, Партией и Правительством, а также ЦК. А вы не хотите – пишете рапорт, тогда соответствующей проверкой займутся соответствующие люди. Они узнают, кто вы и каково твое прошлое...»

«Что ты стоишь, как корова перед пистолетом?!»...

«Почему до сих пор не поднялись? Быстро-быстро, чтоб у меня одна нога была!»...

«Чернов, я вас положу руки на задницу!»...

«Участники спорта, строиться отдельно.»

«Я тебе ухо прочищу строевой! Всю неделю будешь ходить!»

После лекций по философии подполковника Чикина, блестящего интеллектуала, свободно владеющего материалом, не заглядывающего в бумаги и легко формулирующего законы, категории, историю и границы любви к мудрости, афоризмы Фен-

деря были другим полюсом жизни, мышления, какого-то набекрененного жизненного опыта. Учинить генерацию по Фендерю, не так просто. Говорить, как он, даже голове больно.

«На вашем мундире моя кровь! Если вы в мирное время от любимого командира чемоданом идете и прикрываетесь, что же будет во время войны? Смотрите, Аничкин, я тебе покажу!» (Пояснение: в строю все тетради и учебники несли в чемоданах, этим чемоданом Хан закрывался от начальства в строю).

«Это что за смешно?» ...

«Я половину подам на отчисление, а на другой половине подумаю»...

«Все, что внизу лохматится, немедленно обрезать». (О шинели).

Диалог слушателя с Фендерем:

Слушатель:

«Пуля летит по кривой» (рисует параболу)

Фендерь:

«Нет, неправильно, кривая - это вот...», (рисует синусоиду).

«Сапоги надо чистить с вечера, чтобы утром одевать на свежую голову»...

«За стояние в строю одной рукой в кармане, а другой в носу – месяц неувольнения»...

«Вы мене в казарме не устраиваете цыганские шатро! А то разложили здесь Химо!»

«Муха, что ногу опустил, команда «смирно» была».

«А я говорю тебе: вы в строю стоять не умеете. Вы много мните из себя, считаете, что вокруг вас ничто и никто, а я вам припомню еще другое. Тогда вызову в соответствующее место и поговорим, как вы разлагаете окружающих вас»...

«Вы. Лактионов, низкая мораль, и я подумаю, стоит ли скармливать вами государственный хлеб»...

Яркие примеры, как нельзя говорить по-русски, «преподавали» не только курсовые офицеры, воспитывающие нас дядьки, но и маленькие начальники, которые сами учились с курсом. Заметной фигурой в этом был гвардии младший лейтенант Перемышлев.

Киевляне были в привилегии, так как в увольнение шли в дом родной. Пытаясь это сформулировать, Перемышлев говорил:

«Мы не должны допускать, чтобы у нас были одиночки и прочие киевляне».

На вечерней прогулке, оценивая пение строем, Перемышль итожил:

«За такое пение – всем неувольнение»...

«Почему зад не поет?»...

«У кого в зад у флажок? 2-ой взвод в увольнение не пойдет: всю дорогу в строю ля-ля травит»...

«Ударим со всей строгостью по карману, чтобы знал, как стулья ломать»...

Однако в Бет-Пак-Дале уже ночь. Пора, пожалуй, спать. Допивали чай и, посмеиваясь, рассеивались по комнатам, запоминая диковинные афоризмы Фендеря и Перемышля. Завтра с утра вкалывать.

* * *

Снежко вернулся на площадку из центра, с полуострова, и рассказывал в гостинице свежие новости. Все слушали...

Их однокашник Гешка Венюков подвозил своих ребят в столовую на служебном газоне. Обычно на газонах ездят Большие шишки, а тут вылезли 9 лейтенантов, как сельди из бочки. Восторга было выше крыши, а Гешке на объект надо ехать чуть ли не за пару сотен верст, но пока – хвост пистолетом. Однако. Утром в гостиницу, где проживал Венюков, влетел его перекошенный солдат-шофер и доложил, что на общей стоянке для машин у их газона выпилили радиатор. Сволочи!

В КВИРТУ, бывало, прятали хлястики с шинелей. Один хлястик пропадет, и пошла домино-эпидемия: следующий человек берет первый попавший с вешалки, следующий ограбленный снимает с любой штатной шинели. Шквал и шмон идут со скоростью сигнала «Грабют!» И принцип домино работает. Все ходят в хлястиках, но на обед и на ночь отстегивают и прячут в чемодан, который всегда с тобой. Но радиатор, чай, не хлястик?! Гешка был крут: водитель, у тебя пропал радиатор? Вот тебе 600 р. и чтоб восстановить деталь!

Газонов приезжих много, в мороз ночью на них никто не смотрит, Холодно. Новый радиатор был снят, восстановлен на Гешкином газоне, и дальше рывок на свою площадку. На полуострове вой и паника: грабют и перепаивают радиаторы, в степи на тридцатиградусном морозе. Эхе-хе!

Гешка скоро вышел на «подиум» снова. Его супруга принесла двойню. Гешка идет к главному замполиту, человеку, мимо которого проносится весь дневной «мусор», который ко всему привык и ничему уже не удивляется. Гешка стучит в стол перстнем (неслыханно!). «А чем мне кормить двойню, если нет молочной кухни? Где молоко, где каши, где соки? Как пеленки в мороз стирать? Где сушить?» Замполит после его вопросов начал созревать, но по инерции упираясь, боясь создать прецедент на причину уезда из голодной степи, послал на площадку к Гешке комиссию. Гешка ее принял, разместил в одной комнате и запретил кормить за счет подчиненных. Те пробовали разговаривать на повышенных тонах, он поставил часового у себя перед комнатой, а личному составу запретил с ними общаться. На второй день комиссия, голодная и злая, пустилась наутек. Гешке объявили взыскание. Через месяц вышел приказ о переводе Венюкова обратно в Россию. Вот что значит жена, стреляющая дуплетом. Ищите женщин, рожаящих близнецов!

Бет-Пак-Дала

Вот, уже как год Снеж прожил в Голодной Степи. Стал профессиональным инженером, выполняя трудную интересную работу. Коллективная задача – сбить ракету ракетой, и тогда угрозы стране сильно ослабнут, т.к. с самолетами бороться можно и самолетами – истребителями, и зенитными батареями, и кое-чем еще. А каков прогноз? Вот мы сделаем это и можно будет уехать в Россию, к березам? К людям, к жилью, к речке, друзьям? Законов на переход и перевод отсюда нет, разговоры на эту тему не приветствуются... Ну, 5 лет, ладно, потянем, а 10? Уже проблематично. Как учиться супруге, детям, как самому расти? Кем станешь, Робинзоном? Режим самоотдачи бешеный, бежим в марш-броске, в большом походе, надо сделать технику и сбить ракету. И все. Остальное – потом...

У радиолокатора (РТН) два канала: канал цели, который начинается большим параболюидом- антенной под радио прозрачным колпаком, и канал противоракеты, то же самое, но с меньшим параболюидом-антенной, следящей за противоракетой. Год отлаживали вместе с площадкой №6 старта противоракеты (ПР) программное управление противоракетой. Сначала работа строилась от бортового программника, а в начале 1960 г. - от ЭВМ «М-40», находившейся от старта в 100 с лишним километрах. Отлаживали режим по условной цели, по заданной траектории противоракеты и в конце второго года (осень 1960 г.) подошли к реализации основного режима работы системы - перехвату и поражению головной части баллистической ракеты. Контур собирался из головного объекта(№40.), радиолокаторов точного наведения (№№ 1,2,3), противоракеты-(объекта №6), станции дальнего обнаружения. В штатной схеме осуществлялось управление Системой в текущем времени. На ту пору это было фантастикой!

Это был большой поход войска, это шел караван в степи, каждый человек тоже составлял свой караван. И нужно попасть ракетой в ракету, тогда, мы полагали, вздохнут спокойно города и села, их можно будет защитить! И не будем плакать, как в 1941 году, нас не застанут врасплох. Жуков Георгий Константинович начал это дело и торопил, и убеждал поспешить. И мы, следующее поколение, спешили, мы верили тем, кто добыл Победу и уберег нас от беды.

Неожиданно на площадку, под снег, приехал Кюша, наш сокурсник, приехал, как, нескромно заметим, Пущин к Пушкину. Радость бала соизмеримая. Да еще жену оставил на 40 площадке. Радости Снежа не было границ. Кюша побывал на станции, увидел квартирских декабристов за работой на мощной супертехнике в глуши Бет-Пак-Далы, где сотни километров не встретишь селений, где жесткий климат с холодом зимой и яичницей на сковородке летом.

Кюша поахал, покрутил носом. Растроганный. Снеж подарил ему конвертор - добавку к серийному приемнику, позволяющую слушать 11, 13, 16, 19 и 22 метровые диапазоны на средних волнах. Это делало любое «барахло», т.е. приемник 3 класса, имеющий средневолновый диапазон, суперприемником, на котором джаз всего мира слушался в любое время суток. Кюша крутил головой и был очень доволен столь необычным подарком, сделанным на фирменной плате на транзисторах, с переключателем коротковолновых диапазонов. Он любил халяву, а такую! С выпуска не виделись около года, а все парни работают на мудреной аппаратуре, много узнали, продвинулись профессионально, а для себя делают прекрасные радиотехнические поделки. У Снежа в голове был уже план приподнимания мебели в комнате и электромеханическая уборка помещения, а также открытия и закрытия штор на окнах по кнопке сигнала с пульта управления на стене и включения утром «Фестиваля» - добротного приемника - с музыкой. Снеж пригласил Кюшу домой и за ужином из яичницы, сделанной Алкой, и бутылкой сухого красного рассказывал ему про общих знакомых, где и что делают... Так, на 6-ой площадке потрясли округу Володя Глив и Саня Дубец. Когда Снеж приезжал к ним на площадь, то в небольшой комнате на кровати у Сани находилась система питания: под кроватью стояла бутылка разведенного спирта, а по поручням кровати была проложена хлорвиниловая трубка, продуманно размещенная на уровне рта, когда Саня лежал. К стене был прибит внешний кожух – каркас, в который вставлялась открытая банка с печенью трески и маленькая вилка. Саня пригибал белую трубку, делал два глотка, брал вилку и насаживал кусок печени. Кайф! Ко-

нечно, это были пижонство и реклама с элементами эгоизма и извращенного понятия сервиса Смотрелось весело, по принципу: вот, где нужна воспитательная работа. Кругом по комнате были размещены приборы, выпрямители, детали, паяльники, генераторы, тестеры, настольные лампы. Саня слыл сердцеедом и озорником. Не имея запасных резинок, при общении с женщинами, каждой из которых обещал жениться, он говорил, что продукция наших заводов очень грубая, а вот импортная гелевая добавка – 100% гарантия, и выдавливал «Поморин» - болгарскую зубную пасту. Говорят, за промахи бывал дерзко наказан, но продолжал озоровать, правда, подражателей не заимел, несмотря на шумную славу.

Володя Глив был скромн, интеллигентен и полной противоположностью авантюрному Саньку. Однако, яркая работоспособность и технический талант Глива часто ставились на службу Санькиным авантюрам. Случай на 6 площади переполошил всю округу. Имея магнитофон, музыкальные записи и генератор стандартных сигналов, эти умельцы смонтировали аудиозапись. Вначале шла музыка, потом объявлялось экстренное сообщение ТАСС через минуту и, наконец, сообщение ТАСС о том, что планету Земля сегодня покинули несколько человек с фамилиями начальствующего состава объекта, нейтральных фигур и собака с очень важным заданием на околоземной орбите. Дополнительные подробности полета и осуществления задания – в следующем выпуске. Генератор передавал эту информацию с сигналом, достаточным для улавливания в соседней гостинице. Эти технические шалуны запустили магнитофон на вход генератора в своей комнате, а генератор – в эфир. Закрыли комнату, погасили свет и пошли в соседнюю гостиницу. Там вечером слонялись без дела все знакомые сослуживцы и гражданские, искали чего-нибудь выпить, играли в шахматы, читали прессу. В углу стоял приемник, Саня подсел к нему и, зная свою частоту излучения, быстро настроил приемник на записанную музыку. Она звучала минут 10, а потом голосом Левитана: «Товарищи! Говорят все радиостанции Советского Союза. Через минуту будет передаваться экстренное сообщение ТАСС». Все задергались, навострили уши. Опять минуту звучала знакомая музыка, а потом пошло заявление по поводу полета. Сначала все выслушали без комментариев. Через час стали слушать известия уже на штатной волне, куда озорники благополучно перестроились. Никаких упоминаний о Космосе, но сообщение слышало человек 15-18. Пошло брожение: «Видимо, что-то не сложилось, замалчивают!!!» На второй день приехала комиссия, КГБ встало на уши. Кошмар!: на стартовой площадке противоракет – провокационные передачи. Агенты с передатчиками! Вспомнили, что были упомянуты начальник и собака, фамилия, имя и отчество их начальника и кличка собаки «Варенец», как у них на площадке.

Всех трясли, наконец, вышли на паутину радиоловителей, вычислили Глива и Санька. Прикладывали их крепко, хотели судить, но ограничились истерикой и гауптвахтой и отсутствием перспектив в службе. На всех площадках ржали, а КГБ смотрело на местных радиоловителей с подозрением: «А среди наших засранцев нет ли мечтателей?»

Кюша очень хохотал, слушая рассказ Снежа. Потом рассказывал о своей технической базе где-то под Тверью, а на утро на попутной машине помчался за сотню километров в Центр, а оттуда – в Россию. И дальше нет его десятилетия.

Скучно без берез, без травы, без рек... Русская душа помнит. Ну, да ладно, давай на «рудник». Надо научиться сбивать ракету. Гигантская сверхзадача, и ее надо решить каждому на своем месте!

* * *

По заказу Центра начали появляться кинодокументалисты. Вот и теперь, когда выпал снег и контраст объектов среди белой пустыни возрос, прилетел вертолет, открылась дверь, и кинооператор занял позицию для съемки. Естественно, от начальства нормальное предупреждение и инструктаж в часть не поступили. Караул предупрежден не был, и часовой в тулупе, родом из средней Азии, открыл беглый огонь из карабина на поражение. На верху быстро оценили степень опасности, захлопнули дверцу и дали обратный ход. Караульный сплюнул и подытожил: «Наверное, машина бронированная, а то бы отпуск получил...» Как никого не задел, до сих пор удивительно!

Снеж заступил дежурным по части, снял пробу на обеде. На второе была каша и 10 кусков мяса, по куску на каждого. Главное у ребят – одолеть мясо, но один солдат глотнул, а кусок застрял. Он замахал руками, стал задыхаться. Его быстро снарядили в медчасть. Смагл сидел, не зная чем заняться, и вдруг - рядовой без лица, без дыхания, в шоке. Смагл сдвинул черные лохматые брови и прорычал: «Открывай рот!» Схватил палочку с ватой на конце, зачем-то макнул в йод и стал работать, как с засором в водопроводе. Кусок провалился в желудок. Солдат заспешил обратно на кашу и компот. На следующий день сценарий повторился. Смагл дал солдату палку и командовал: «Прошибай!» Мужичок неумело тыкал куда попало. Смагл прицелил его руку и закричал: «Толкай!» Мясо опять провалилось «Больше не ходи сюда, бери палку и проталкивай. Понял?» А дежурному объяснил: «патологически узкое горло, а аппетит зверский!»

После этого Смагл решил развеяться. Сначала на технике. Выпросил трактор «Кировец» и поехал к аэродрому, двигаясь вдоль летной полосы. В это время из Центра пришел на посадку «Ли-2», его пилотировал прекрасный летчик Михей, человек с боевыми наградами и алюминиевой кружкой, куда излишне часто капал чистый спирт. Его перевели на спокойные перевозки по дальним площадям. Михей пролетел над полосой, все свободно, можно садиться. Правда, на обочине зачем-то возится трактор... Михей ушел за горку для посадки и, когда пошел над полосой, выпустив шасси, увидел посередине трактор. Катастрофа...? Он был классный пилот, сумел приподняться и перескочить, почти чиркнув по крыше трактора, и сел. Затем выбежал с монтировкой и бегом кинулся к трактористу, объяснить гаду правила жизни и бреда. Смагл быстро сообразил размер бедствия и расплаты, выпрыгнул из кабины, обеспечив движение трактора за собой. И вот картина: лейб-медик в фуражке и кителе чешет первым, за ним трактор, а сзади с монтировкой в руке запыхающийся Михей, исторгающий угрозы, проклятия и ругательства.

Вечером обсуждали дело Смагла. Оказывается, этот пакостник ходил на станцию и собирал бракованные полупроводниковые триоды: дефицит и диковина. Они были в фаворе на Харьковской барахолке. Он узнал от шутников, что новый триод стоит 60 р. (три ножки), если две ножки, то 40 р., а одна – 20 р. Он собрал несколько десятков одно- и двуногих триодов. На харьковском рынке при попытке реализовать

«товар» его осмеяли за глупость, скрутили и пообещали сообщить на работу. Кстати вспомнили, что этот козел, пытаясь обмануть товарищей в морозы, нарушал количество намотки константановой проволоки на асбестовой трубе, принятое, как закон, чтобы не посадить дизель. Он делал меньше витков и раскалял асбестовую трубу. Ему было теплее, чем другим, а дизеля захлебывались. К нему шли ругаться офицеры из соседних комнат, где обогреватели не грели, а он посылал их на три буквы.

Зимой в стужу и ветер бежать до туалета в степь очень не хотелось. Поэтому вечером бежали в торец гостиницы и оправлялись по малой нужде. Мужики, что жили в торцевой комнате, не могли днем открыть окно: солнце пригревало, и искусственная горка из наледи мочи излучала туалетное амбре. Взывание к совести и угрозы ни на кого не действовали. Тогда, поняв, что все лето они будут жить в вонище общественного туалета, мужички уперли инженерные головы в стены. Магнето, эврика! Они вморозили плиту в то место, куда все брызгали, а вторую - под ноги. Когда нуждающийся вставал на обычное место, мужички за занавеской начинали крутить магнето, и при возникновении струи цепь замыкалась. Первый же зассанец после удара тока по органу заорал диким голосом, а мужиков чуть не убили за членовредительство. Орган у несчастного опух, боль была адская, но прудить за гостиницей прекратили: опасность была слишком велика и осязаема.

Теплело. Снег почернел, пошла вода, ручьи, степь стала непролазной. В стороне, на метр от насыпи, машины проваливались колесами в «кашу» и ехать дальше не могли. Земля была коричневым студнем. Потом подсохло, и вдруг весь окрест вспыхнул огнем азиатских тюльпанов. Это были Нидерланды – море «голландских» красных тюльпанов! Бесплатно. Буйно. Сочно. Но... не долго: две недели и все. Цветы стояли в комнатах, в столовой, адели в руках женщин, не понимавших, а что делать с остальными миллионами.

Снежко, Стас Дальский и Ача загорелись купить в военторге мотоциклы ИЖ-56, их продавали с коляской и без. Венька и Стас скинулись, и в обед у гостиницы появился мотоцикл с коляской, а чуть позже Ача, один, купил такой же, но без коляски.

Собралось человек 20 и, сбегав за бензином и маслом, попробовали завести. Отнюдь, ни-ни! И тут все 20 начали советовать и диагностировать причину неисправности. Стас и Венька попытались разобраться и ухватиться на наиболее стоящее предположение, но отличить стоящее от нестоящего было невозможно. Все орало, как на футболе, все были профессорами, и если бы приняли все их советы, мотоцикл вряд ли подлежал бы починке. Снеж очухался первым, шепнул Стасу: «Главное – не дать сломать», и они повезли мотоцикл в холл гостиницы, где и оставили, накрыв одеялом до вечера. Подошел автомеханик и нашел отпаянный провод у конденсатора. Подпаяли, и двигатель взревел... Степь просыхала, и можно мчаться по степи на десяток километров за 10 минут, видеть стада сайгаков, взлетающих дроф, каких-то незнакомых видов орлов, груды камней, похожих на могилы древних воинов, и обалденная тишина, если выключить двигатель. Вселенная! Чудо! Неслыханно: ты и Мир. А ночью – дивные звезды! Снеж впервые понял, сколько звезд наверху, задрал голову и тихо глядя в небо. Сиксилионы!

Командир Наполеонов вместе с капитаном-финансистом и офицерами, приближенными к начальству, настроились на сайгачью охоту. Юра Сташко с передатчика пришел к Снежу и доложил, что у него есть двустволка и картечь в патронах. Добыча пополам. Снеж, договорившись со Стасом, отцепил коляску и заправил ижака к охо-

те. Попросил Юру не прострелить ему голову с заднего седла, тот пообещал. лейтенант Алька Аккуратный, работавший на оптике, наблюдавшей обычно за сближением ракет, теперь смотрел в степь объективом по земле и докладывал, где какие стада и сколько, куда движутся: 50 голов в 5 км на северо-западе, идут на Север. Выбрав направление, где скопилось от 2 до 3 движущихся стад, Снеж взревел мотором и понесся по адресу. Он въехал почти в стадо, и Сташко стрельнул чуть ли не дуплетом. «Стой, есть!» Снеж тормознул, но трофеем оказался военторговский ящик, брошенный и сгнивший на земле. «Ой, давай в погоню!» Снеж крутнул газ, и ижак понесся к следующему стаду. Слыша рев мотора, стадо рвануло за вожаком, пересекло дорогу и ушло в степь. Ехать по степи быстро не получается: колючие кусты, холмики суслицьих теремов, камни. Копыта мчатся быстрее. Юра на удачу грохнул еще, опять мимо, а тут отлетел еще глушитель, и ижак завыл, запел, как авиалайнер. Все стада кинулись спасаться на предельных скоростях (50-80 км/час). Внезапно из-за бугра вылетел газон с начальником Наполеоновым, который материл мотоциклистов и обещал гауптвахту за несанкционированную охоту. Оказывается, они готовились к охоте на «газоне» и смотрели в полевой бинокль на сайгаков, не включая мотор, те шли на них с подветренной стороны. У охотников текли слюни от предвкушения добычи, как вдруг «ваш ишак» зафыркал, и стадо ударилось в бега, а когда оторвался глушитель, сайга уже не была видна даже в полевой бинокль. Мат стоял зверский, Снежа со Сташко костерили и утюжили. Потом они умчались искать счастья в степи с фарами. Вдруг Снеж вспомнил об отвалившемся глушителе. Надвигались сумерки. Глушитель удалось найти, а то бы Стас расстроился. В гостинице собирались уже жарить мясо, так как слышали выстрелы, а узнав итог, побежали в столовую за котлетами: не пропадать же напиткам.

Вечером, за чаем в гостинице, рассказывали, что в военторге ругались дамы, так как мадам Чайка, супруга старшего офицера штаба, захватила без справедливого розыгрыша стиральную машину, сказав солдату-водителю, что приказано отдать ей. Когда жены офицеров стали ей пенять и стыдить ее, она спросила: «А кто будет стирать штаны майора Чайки?» - «А как мы стираем штаны своим мужьям?» Она помолчала и, как настоящее начальство, заявила: «И прекратите препирательства!» Вслед за ней Хромовая, жена штабного капитана, тем же приемом захватила холодильник и закрылась в доме. Когда пришли муж и замполит и сказали, что Хромовой получит взыскание и его будут обсуждать на партсобрании, она ответствовала, что это ее не волнует совершенно, если получит выговор, пусть выговор. После этого, ночью, им забили входную дверь, и Хромовой опоздал на работу, выдирая поутру огромные гвоздищи. Потом стали кидать камнями в их кота, пушистого рыжего. В маленьком огороде, где сидел горох, общипали все стручки. Долбеж нарушителей конвенции закончился только тогда, когда бездетная Хромовая взяла на воспитание маленького ребенка. Вскоре семья Хромовых сменила местообитания.

Как-то в городке сыграли учебную тревогу, офицеры прибежали и построились в шеренгу, последней – с противогазом, грудным ребенком на руках и двумя кусками хозяйственного мыла – встала в строй вместо пьяного мужа Рая Аккуратная, от чего руководитель построения долго фыркал и ахал, восторгаясь героическими русскими женщинами.

На последней читке приказов было сообщено, что офицер дальней измерительной площадки бродил окрест и нашел могилу царского узника, революционера, кото-

рый отбывал здесь каторгу, скончался, похоронен, и на камне были выбиты золотой краской инициалы и годы его жизни. Лейтенант на камне добил свою фамилию, имя, отчество, выбил годы ссылки и накарябал «за что меня?»

Наступило тепло, шел второй год работы на суперлокаторе в глубине Бет-Пак-Далы. Снеж понимал, как делаются секретные достижения, причем секреты защищались. Как-то Ача был вызван из гостиницы кагэбэшником, который слово в слово передал ему разговор, подслушанный под окном 20 минут назад. «Если я сейчас составлю рапорт, изложу, о чем вы болтаете на весь мир, меньше пяти лет вам не дадут». После этого, перед чаем, всегда проверяли окна и говорили иносказательно. На самой станции периодически объявляли задержки по режиму, что означало: на алмаатинском поезде №62 мимо едет отслеживаемый чей-то разведчик с аппаратурой, и излучать, то есть включаться, нельзя. Такая глушь, и такая извращенная близкая связь с другим, враждебным, миром...

Среди работ и забот самым предпочтительным оказывался вечерний чай в гостинице. Ача выучил уже всех героев КВИРТУ, знает их по кличкам, словно родных. Сегодня снова чайхана. Иногда Ача читает шекспировские сонеты на английском. Шик! Снежа просят что-нибудь «вспомнить», и, немного покочевряжившись, он излагает...

А был у нас комендант в училище, худющий майор, в красной форме, с лисьими повадками, высматривающий и подслушивающий все вокруг.

Однажды он преследовал кряжистого слушателя Миколу, с огромными ручищами, утомленного алкоголем и поэтому бегающего не быстро. Слушатель бежал к выломленной доске в заборе, по пятам за ним – майор. Пахло отчислением из училища в случае поимки. Когда курсант ускачил за забор, то азарт преследования возрос, а осторожность коменданта ослабла. Слушатель Микола отставил руку, и когда доска отодвинулась и просунулась морда коменданта, он дал по ней огромной кувалдой кулака, после чего комендант навсегда исчез. Назавтра, при проходе через ворота, все колонны перестраивались в шеренгу по одному, и какой-то перевязанный бинтом майор рассматривал сквозь узкую прорезь бинтов каждого проходящего мимо него. Не нашел. Фиаско! Коменданте, коменданте, Вы перебдели!

Как говорят, если недооценил первый удар, то приходит второй.

Снеж отхлебнул чайку и продолжал. Комендант только стал приходить в себя, как случилось следующее. На КПП пришла девушка с грудным ребенком и попросила отыскать мерзавца, который сделал ей ребенка и скрывается среди других военных. Вредитель! Беглый алиментщик! Контролер позвонил коменданту и доложил о ситуации, тот отмахнулся, как от надоедливой мухи. Контролер отмахнулся от мамыши. Немного погодя, выйдя на крыльцо, он с ужасом увидел орущего грудного ребенка, оставленного смывшейся мамашей. Дело неожиданно принимало уголовный характер. Еще звонок. Комендант прилетел через 30 секунд после звонка. Женщина нашлась неподалеку, но ребенка забрать не захотела. Комендант останавливал проходившие на учебу колонны, девушка разглядывала проходящих мужиков по одному, и строй заново строился. Все были взбудоражены, ребенок – это серьезно! После ураганной осады папаша обнаружился и обещал вечером прибыть в семью для разбора. Комендант его проинструктировал, что у него одна дорога – жениться и привести жену, которая скажет замполиту, что у них крепкая, советская, счастливая семья. Иначе

кранты: Полярный круг окажется значительно южнее его нового места службы, а звания не дадут никогда...

Посмеялись, потом кто-то еще травил, пили чай электронный (с лампой 6Н2П) вместе с заваркой. Снеж вспомнил, как его приятель Гена Дашка сдавал лабораторный макет мультивибратора, который он сделал на 3 диапазона вместо 4, и должен был сдать зачет старшине, а тот был глуховат. Генка включил первый диапазон, раздался низкий звук, он включил следующий – частота выше, следующий – еще выше. А последний что-то не задался, и Генка, щелкнув переключателем, засвистел сам. Чисто – соловей-разбойник.

Старшина уже хотел ставить зачет. Генка ждал, когда он выключит прибор, и продолжал свистеть, следуя системе Станиславского. Старшина взглянул на Генку и увидел его красное лицо, из последних сил выдающего нужный звук. «Вон! Халтурщик! Сделаешь новый экземпляр и сдашь снова!»

Какой вкусный чай в товарищеском кругу, идет добрая беседа, травля.

Жорж Пархомчик вспомнил, как полковник Серебрянко в КВИРТУ соревновался с «профессионалами» по добыче информации о билетах на экзамен и их краплевании. Его секретаршу уже сделали агентом №1, благодаря горящим глазам Хана: ключи от всех комнат и сейфов были в полном наборе. Дальше, как в шахматах – только игра ума. Серебрянко открыл чистую до музейного блеска плевательницу на высокой ножке, спрятал туда билеты, закрыл крышку и небрежно сплюнул на ее блестящую поверхность. Уловка сработала: интеллигентская брезгливость разведчиков проиграла военной хитрости. Перед самым началом экзамена, когда Серебрянко зашел в кабинет со старшиной курса, представителем сдающих, поднял оплеванную крышку и вынул из плевательницы билеты в непромокаемой обертке, старшина обмяк. При его рассказе те, кому нужно было идти только на назначенный билет, почти плакали. Переиграл Серебрянкий, переиграл демократ, хлюст. Вспомнили, как он как-то забежал на самоподготовку к слушателям и, торопясь, попросил: «Мальчишки, быстро бумажку!» Женька Мирош смял быстро лист и подал ему. Тот покрутил головой и, оставаясь на уровне игры, спросил: «Зачем же мять?» - «Иначе Вы попросили бы лист бумаги, а бумажка – это мятый». Потом вспоминали о рекордах: когда-то Кюша на спор съел 1100 грамм рулета и маленький его кусочек торчал изо рта. Кюше было так худо, что врачи подходили и трогали его за нос и уши и спрашивали: «Ну, что? Слабо проглотить хвостик?» Лактион тоже съел 1100 грамм, но с питьем, и выиграл. Это был сэр «Железный живот», с ним спор всегда приводил к проигрышу. Так, он спокойно съел в одноразовом поединке 1 кг сметаны, а в другом – 1 банку варенья из лепестков роз. Шли воспоминания...

* * *

Было тепло. Бет-Пак-Дала превратилась в сковороду. Аппаратура на станции должна была работать при 18 градусах по Цельсию, в комнатах было теплее, но сносно. На улице же было «очень тепло» - жара.

Выдалась поездка к озеру Балхаш, за 100 км, к местечку Мын-Арал. Где-то поблизости нужно было взять песок. Старший, капитан, был демократом и любителем полакомиться алкоголем. В пустом кузове все подбросы на горках парировались руками и ногами. Синий Балхаш с барашками волн, безлюдьем и простором удивлял и

радовал. Таинство, какая-то безмолвная глубокая истина, лежащая почти на поверхности, а мы скользим взглядом, буднично мыслим и промахиваемся. Не схватываем мировую тайну.

Насыпали песок почти вровень с бортами, в кузове – 5 человек. При подбросе вверх кузов уходит вперед, и, высоко подлетев, опуститься можно мимо кузова. Очень удручающая перспектива. В Мын-Арале тормознули у магазина, почти все купили бутылки портвейна, а демократ в кабине угостил шофера, и напряженка возросла. Машина подлетала на буграх, а люди – над машиной. Уже были удары о борт, но пока, прилюдно, все храбрились. Водитель красный, под хмельком, топил педаль газа в пол, и фигурки в кузове летали, как куклы у Образцова, нелепо размахивая руками и ногами. Старший хихикал, самоутверждался.

Снеж сообразил, что еще несколько подскоков, и кто-нибудь вылетит. Он не жрал портвейн и был трезвый и злой. Он постучал в кабину. Водитель не обращал внимания, а демократ подскакивал в кресле и лыбился. Наконец, тормознули. Снеж подошел и предложил старшему занять место в кузове.

- Зачем?

-А чтобы рисковать, как все! А то в кабине мимо кресла не сядешь. Тебе увечья и ЧП нужны? Нет? Тогда езжай тихо и прекрати поить водителя!

-Я здесь старший, и ты мне не указывай, понял?

-Понял. Но по приезде у командира будет рапорт об условиях поездки и пьянстве на маршруте!

Лай начал утихать, угрозы стали действовать, поехали степеннее. Доехали. Противно, однако.

Снеж вспомнил, как он впервые был назначен старшим машины, с предписанием привезти бочку мазута. Две другие машины ехали за продуктовыми грузами. Снеж проинструктировал водителей, с какой скоростью и дистанцией им ехать. Водители считали себя дедами и как только тронулись, началась головная боль для старшего. Задние машины помчались обгонять головную машину параллельными курсами. Образовалась пылевая завеса, которая не оседала. Несколько минут шоферы мчались в этом хаосе, не думая о возможности столкновения. Наконец, приказав нажимать на клаксоны непрерывно, удалось остановить все три машины. Водители снисходительно улыбались в кабинах. Снеж понял, что ЧП рядом, приказал им выйти из машин. Построил в степи в колонну по одному и приказал: «Шагом марш». Покинув машины, на жаре, не имея власти, они сразу поскучнели. То, что этот молокосос их построил и повел в степь, ничего не объясняя, испортило им настроение полностью. Начнем строевую? Началась промывка мозгов. Снеж предупредил их, что в случае нарушения дисциплины подгонит машины на стоянку, а их определит на гауптвахту - она как раз была в центре, и там с утра до вечера шагистика, уставы, уборка. Они прикинули, что от этого балбеса-лейтенанта можно ожидать все, что угодно, и начали управляться. Его же водитель Вася, одногодок лейтенанта, озлобился и продолжал провокации. По приезде на склад оказалось, что у бочки нет металлической пробки, и не взята пара досок, чтобы закатывать бочку в кузов по наклонной плоскости.

- Вы – командир, у Вас и должно все быть!

- Отставить разговоры. Даю 10 минут, чтобы найти и пробку, и доски.

Снеж засек время и сел у машины. Васек поворчал и пошел на поиски. Через 7 минут появилось и то, и другое. После противоборства, в котором лейтенант держал

линию на справедливую службу, управление на обратном пути не нарушалось. Дома, на площадке, он спросил Васю: «Что будем делать?»

- А что делать?

- Писать рапорт с перечислением твоих подвигов или договоримся о взаимодействии без твоего выпендривания?

Договорились о взаимодействии.

После обеда назначили стрельбы. Снеж прилично стрелял из оружия: из СКС (карабин Симонова) отлично, из пистолетов предпочитал тяжелый ТТ – тоже отлично, из Макара не любил, считая коротышкой. При стрельбе очередями из автомата оружие задиралось, и Снеж пожег тренировочных патронов, прежде чем норма по Калашникову стала приличной. Взяв у старшего, после штатных зачетных стрельб, патроны, Снеж и Витя Блин били с 20 метров по бутылкам на коньяк. Снеж выиграл. Когда все стали расходиться, к тире подошла Алка и попросила дать ей стрельнуть. Снеж зарядил ей три патрона, встал справа от нее, и она выстрелила в мишень. После выстрела, в некотором стрессе, она повернула ствол на Снежа, держа палец на курке, и стала о чем-то спрашивать. Стараясь быть спокойным, он сказал ей: «Пистолет на мишень!» Она опять стала что-то говорить, и бабахнул выстрел. «Пистолет на мишень!» Наконец, поняла. Он подошел, объяснил, что дергать курок и ожидать выстрела не надо. Прорезь и мушка все время в точку прицеливания, плавно выбрать мертвую зону и, не дергая, плавно пальнуть. Попробовала последний патрон и вернула ТТ. «Пока хватит». Он не стал ее допекать, хотя пуля-то просвистела над ухом...

Жизнь на площади устаканивалась, офицеры занялись спортом. Ача – штангой, Снеж – штангой и бегом на длинные дистанции. Читали специальную литературу, каждый выбирал свой путь. Еще обнаружилась тяга к английскому. Ача выписал сонеты Шекспира и английскими кнопками пришил к кровати. Учил и декламировал вслух, наводя ужас на бездельников и картежников. «Дворянин петербургский». Снеж случайно узнал, что Люба, маленькая, как дюймовочка, жена офицера с дизелей, окончила в институте Мориса Тореза факультет английского языка. У нее пропал стаж, и она была готова организовать кружок по изучению языка, лишь бы шел стаж. Если замполит оформит приказом – все О'кей. Замполит Дуду одобрительно загудел: «Чем водку-то пить, пусть будет английский, правильно»... Так 4-5 человек стали собираться у Снежа в однокомнатной квартире и 1,5 часа пахали по-английски. Люба имела тоненький, но правильный голосок и пообещала позднее разучивать песни из кинофильмов, что шли на площадке. Снеж весьма обрадовался, надеясь пополнить свой репертуар английскими вещами.

Вечерами, когда зной немного спадал, Снеж надевал кепочку и китайскую обувь и бежал в степь. Он подглядел, что животные владеют бегом, как постоянным режимом, обычным и комфортным. Он бежал в среднем темпе и пробовал петь арии из «Мистера “Х”», «Евгения Онегина», «Паяцы», из оперетт и эстрады. Русские песни. Старался так организовать дыхание, чтобы исполнение было естественным, а бег – фоновым мероприятием. Через некоторое время, когда становилось трудновато, петь прекращал, потом пробовал снова в нижнем регистре, в верхнем регистре, без ритма, ритмично, полным голосом, с форсажем, фальцетом. Начав с 3 км, он стал пробегать 5-7 км, а затем сделал забег до Чуйского тракта, километров 15 в одну сторону. В 50 метрах от тракта сложил среди камней слово «Лада». Может, и сейчас еще лежит

этот знак молодости, любви и надежды. Съев два кусочка сахара, бежал обратно. Добежал, слегка отдохнул, потом – на гимнастику и штангу.

Ача устроил соревнования по штанге: рывок, толчок, жим. Надеялся показать Снежу «кузькину мать», поскольку тот не занимался в секции регулярно. Но события развернулись трагикомически. Снеж шутил, выгибался, делал перед штангой клоунскую разминку и 80 кг взял в рывке, 85 – в жиме и свыше 100 – в толчке. Секционеры поднимали от 70 до 85 кг в максимальном движении. Ача хохотал, когда Снеж сказал, что штангой заниматься очень вредно, так как человек теряет веселый нрав. Ача попенял ему: «Ты, гад, мне всю секцию развалил своими глупостями и шутками». На что Снеж сказал: «Ладно, я беру тебя в свою секцию, будешь скоро разрядником». Сильным коньком у Снежа оставались отжимы от земли и подтягивания. У Ачи он взял методу многократных попыток, то- есть, если отжался 35 раз, снова пробуй: пусть второй подход уже 20 раз, третий уже 10, четвертый – 3, трясутся руки – 0, можешь остановиться. Теперь, после отдыха, то же на подтягивании, на подкачке пресса. Занимались рано утром и поздно вечером: летом днем очень жарко, зимой – очень холодно. Степь полна контрастов и неожиданностей...

Лейтенант Валера Филич, хрупкий, небольшой, но оригинальный и непредсказуемый, удивил Снежа зимой, когда начал бегать вокруг гостиницы по пояс голый. Снеж пристроился за ним в шинели с пистолетом, будучи дежурным, и пробежал вокруг гостиницы, разговаривая с Филичем на ходу, проверяя его на вменяемость. Вроде в рассудке, а «выпал из шкафа»: начал внезапно закаляться и сразу жестко. Через неделю это закончилось, но в памяти народной осталось... Теперь, когда наступило тепло, Филич сказал Веньке, что в степи растет сирень, а это все равно, что магнолия за проволокой ограждения на Колыме. Пошли в степь. Остроносенький Валера быстро пошарил по земле и нашел веточку высотой 3-4 см, сорвал и протянул Снежу. Кошмар! Откровенный запах сирени! Венька чуть не затянул ее в нос. Потрясня! Сирень в Бет-Пак-Дале! Ай, да Валерка!

В субботу отправились в степь: Алка, Иришка, Стас, Снеж и Валерка. В 3 км от площадки видели желтых сайгаков с сайгачатами, смотрели их чудесный бег, изящный, грациозный. Даже туповатые их носы казались веселыми, очень приспособленными, если пыль и зной, снег и мороз.

Потом, долго разбегаясь, взлетела дрофа, большая птица. Пошли дальше. Сидит молодой орлан-подранок. Каждое крыло больше метра, но левое перебито, и взлететь он не может. Сидит, щелкает клювом и башкой угрожающе вертит. У Снежа была кремовая китайская рубашка. Алка набросила ее орлану на голову. Снеж подскочил, сложил птице крылья, обернул ее рубахой и понес домой. Дома посадил орлана у крыльца, вбил колышек и привязал к нему птицу веревкой за лапу. Орлан уселся на колышек, выглядел он внушительно. Ничего не зная об этих птицах, посоветовавшись, решили кормить его мясными консервами, рядом поставили миску с водой. Добровольно он не ел. Снеж разжал ему клюв и засунул кусок мяса. Орлан проглотил, еще кусок, снова проглотил. Чем же он питается на воле? Наверное, грызунами и воробьями. На второй день Орлан забастовал, консервов не надо! Снеж нашел мелкашку и стал охотиться на воробьев. Первого воробья положил к лапам Орлана. Тот взглянул, наступил лапой, дернул клювом – только перья полетели, глотнул, и с воробьем было покончено. Понятно. Одобряет. Завязалась система «человек-птица». Плечо Орлана поправлялось, он периодически расправлял свои огромные крылья: «И вымолвить хо-

чет: давай, улетим!»... Дом Снежа, на 6 или 8 квартир, стоял предпоследним. В последнем доме жили представители подольского завода – механики, жестянщики, специалисты по конструкциям. Часто перепадал казенный спирт, и мужички квасили по-черному, до чертиков. Снеж был дома, смотрел в окно на гордо сидящего Орлана. Слышал, как двое поддатых мужиков поспорили: один подойдет и угостит птицу папиросой. Снеж сразу выскакать не стал: решил понаблюдать, что будет. Нетвердой походкой «папиросник» двинулся к невозмутимо сидящему Орлану и в полутора метрах стал совать папиросу. Был мужичок сверху лыс и не осторожен. Орлан ловко вскочил ему на плечо и стал бить клювом по лысине; брызнула кровь, «папиросник» завыл и кинулся к своему дому. Орлан, ничуть не смущаясь, продолжал долбить его по башке методично и спокойно. Натянулась веревка на лапе и сбросила птицу с головы. Орлан взмахнул крылами и с достоинством заковылял к своему колышку. Вскочил на него, развернулся и стал смотреть в сторону обидчиков. Там уже появился йод, голову мазали и матерились. Но уважительно: «Ну, бандюга, ну, коготь, ну, гриф!» Ахали, ругались, но любителей-гладиаторов больше не находилось. Слава об Орлане приобрела всенародный характер. «Ни хрена себе, птица!»

Снеж с Орланом ладил. После трех-четырех недель, когда Орлан стал работать на подлетах, Снеж ушел с ним в степь и выпустил. Орлан пошел, покачивая крыльями, вперед и вперед. Свобода! Давай, брат, лети!

На площади клич: обустроить свой дом, как в Рио-де-Жанейро. А как в Рио? Пальмы, цветы, вечнозеленые растения... А у нас что? Съездите, поищите в расщелинах, у пересохших ручьев, в разломах скал, может, что-то растет... Выкапывайте и благоустраивайте. Дали ГАЗ-51, взяли лопаты, кирки, компас – а то уедешь, а обратно жилья не найдешь...

Сосед Валентин послал всех с мечтой о Рио куда подальше. Не поехал.

Залили полный бак, сели человек 6 офицеров, поехали – вперед! Мотались по степи часа 4, нашли несколько кустов неведомо чего, а также головешку карагача – ни корней, ни почек. Постановили: посадим под окном Валентина, пусть будет напоминанием о лентяйстве и халяве. Снеж поставил куст в ведро с водой. Ох, и жарится, шевелиться не хочется. А тут Юра Богдан – змей-искуситель: «Попробуем бражку, по-моему, подошла уже.» «Ладно, неси.» Принес две трехлитровых банки. Для друзей. Нашлись конфеты «Домино». «Ну, что ж, за сады в Бет-Пак-Дале!» Налили по стаканчику. Обалденно. Вкус подкупает, пророчит расслабление. Юра Трух и Ача чмокали после каждого глотка. В разговоре вспомнили, что Юра сам вызвался быть командиром роты. Разболтанная рота, которую, как потрепанную мадам, передавали из рук в руки, вдруг стала ходить строевым, отдавать честь, форма стала глаженной, все подстрижены и побриты, строевая песня на вечерней прогулке. Правда, Юра переселился от Розы и дочки в казарму. Велел поставить для себя кровать в центре и с утра до вечера жил жизнью этих ребят: воспитывал, благодарил и журил, дружил и ругался. Рота на глазах изменилась и стала боевым подразделением. Выпьем за Юру и его боевую роту!

Добрались до второй банки... Ача, Витя Трухан, Снеж, Юра – сидели атлеты и пили небывалый напиток «Бет-Пак-Дала» в охлажденном варианте. Когда все кончилось, Юру целовали, Розе передавали приветы, и мужики потянулись в гостиницу. И тут случилось невиданное: пошел дождь! Настоящий дождь, как явление солнца в полярную ночь. Снеж схватил кирку и лопату и давай лупить огромную яму. Земли

привезенной у завхоза выпросил и когда выгреб камни, щебень и глиноподобную бедную смесь, дождь заканчивался. Со Снежа лил пот, сверху - вода. Когда он посадил дерево, дивная свежесть разлилась по организму, хмель весь выскочил потом и напряжением да плюс душ холодный. Снеж переоделся и пошел навестить приятелей-сображников. Ача был мертвецки пьян, а Витюша лежал в канаве, не в силах подняться и дойти до гостиницы. Поставив всех в стойло, Снеж страшно удивился о последствиях. Свое приличное самочувствие после принятия браги он полностью отнес на счет проделанной им геракловой работы. Подвиг № 3.

Через неделю куст выпустил листья, а карагач, посаженный для лентяя Валентина в устыжение, выбросил зеленые ветки. Фурор! Валентин тоже расцвел: вместо грозящей неприятности получил такой презент.

Мотоциклы прижились, по степи уже моталось три ижака. Обследовали все окрестности. Часовой перерыв в жару давал преимущества: пообедав за 10 минут, 40 минут можно было поколесить по степи, посмотреть самку с двумя желтыми сайгачатами, похожими на янтарные фигурки. Волки, видимо, преподали им видовой урок: каждой особи надо обогнать преследователя и тогда уйдешь в степь. Снеж неся по дороге, справа, пригнув голову к земле, неслась самка. На спидометре в момент встречи было 40 км./час, затем 50, 60, 70, 80. Взглянув на ее морду, Снеж заметил пену на губах. Стал сбавлять скорость: 70, 60, 50, и она в энергичном рывке пересекла дорогу справа налево, почти коснувшись переднего колеса. Малыши бегут дисциплинированно за мотоциклом. Скорость сбавляется до 30 км/час, и сайгачата, как и мать, пересекают дорогу перед самым колесом и галопом уходят за матерью. Вот такой зоопарк с динамикой... Снеж развернулся и помчался на работу. ХБ на спине и подмышками побелело от пота. Все, пора на станцию, работать теперь до вечера.

Вечером было заявлено, что команда соседнего мотоцикла нашла в степи минеральную воду, лучше «Боржоми». Едем снимать пробу... Три мотоцикла до наступления сумерек запылили, словно лихая кавалерия. Вот и целебный источник. Первооткрыватели спустили в трубу на веревке кружку. Все смотрели на пьющего счастливец, он воскликнул: «Боржоми!» Но Снежу что-то не понравилось в его восторге, какая-то кривизна, голос звучал фальшиво. Вторую кружку по праву выпил его первооткрыватель-напарник. Выпив, передал кружку следующему. Тот заглянул в кружку и обнаружил перо. Перо насторожило. Следующая кружка, как сети у известного пушкинского старика, принесла добычу: дохлую птицу. Те, кто выпили «Боржоми», плевались и чертыхались. Остальные счастливо смеялись.

Вечером работа. Потянулись к своим космическим тарелкам, жужжавшим при автономных проверках. Сначала из-за неопытности антенна со всего маха сажалась на ограничители, так как срабатывала против человеческой глупости механическая защита. Посадить антенну на ограничители считалось мерзостью. У антенщиков - мат, повышенные тона и ненормативная лексика в адрес каких-то женщин...

Солдаты у входного поста ловят под фонарем жутких пауков: медведок, скорпионов, сороконожек и прочих многоножек. Все они летят в трехлитровую банку, и битва титанов идет не на шутку. Что тут Ваши тараканьи бега в Стамбуле? Вот бои в Бет-Пак-Дале! Самая страшная бяка – это каракурт. В мае самка злая, как змея, тащит на спине зародыши потомства и щедро разбрасывает их по степи.

Лева Ефимович с соседнего радиолокатора РТН-2 вышел после субботнего боудна позагорать на солдатском одеяле. Заползла на одеяло каракуртиха, Лева пере-

вернулся на спину и придавил ее, она его ужалила. Он не заметил. Через 20 минут еще раз перевернулся, снова контакт, снова укус. Скоро температура у него подскочила до 40 градусов. Лева стал что-то несвязно говорить. Подняли тревогу, стали искать и обнаружили придавленного каракурта. Паника, тревога: мужик умирает! Укус каракурта может привести к смертельному исходу. Быстро позвонили о ЧП в госпиталь, и за двести с лишним километров Леву на самолете привезли в центральную усадьбу. В госпиталь как раз поступила сыворотка против яда этих сокровищ. Выжил Лева, хотя помучился сильно. Ушел из жизни через 15 лет, уже живя в Москве. Ушел из-за опухоли в голове. Был ли первопричиной укус каракурта, кто знает?... А парень был веселый, очень добродушный, с большим чувством юмора, музыкант.

После этого случая все досматривали одеяла для загара. Перегонщиков и пастухов овец спасал от укусов запах овечьих шкур, который отпугивал этих тварей: овцы без последствий поедают их.

К мотоциклистам, поездившим ежедневно месяца 3, начали приходиться уверенность, мастерство и...нескромность.

На полосе полевого аэродрома истинные хозяева – суслики. Их пирамидки расположены друг от друга не далее 3-4 метров.

Гонялись на пределе возможностей мотоциклов со скоростью 120 км/час. Пробовали гонять с закрытыми глазами. Вернувшись из отпуска, Снеж сел за руль, Стас – в коляску. Снеж хотел мягко адаптироваться, восстановить рефлексы и навыки управления, но Стас стал подзуживать, чего тихо едем? Мчались по дороге, где высота межколесного пространства почти всюду пропускала сцепку мотоцикла с коляской. Но там, где высота межколесного пространства возрастала, происходил удар, и мотоцикл вел себя аварийно. Стас подогрел Снежа, он заставил гнать мотоцикл на пределе. Вдруг профиль середины дороги возрос, мотоцикл развернуло при 100 км/час, ударило его по сцепке, и Снеж почувствовал свободный от мотоцикла полет, а сзади него летел мотоцикл со Стасом. Приземляясь, Снеж ударился левым плечом и шеей о землю. Мелькнула мысль: «Что со Стасом. Не убил ли он его?» Но мотоцикл приземлился на заднее колесо и коляску, потом на переднее колесо, и встал. Стас отряхнулся и вылез, а Снеж не мог пошевелиться. Левая рука почти не действовала, спина гудела. Стас захлопотал, чувствуя, что перегнул палку, и результат совсем не такой, как он ожидал. До самой зимы Венька чинил тело, особенно медленно восстанавливался толчок левой рукой.

Вслед за этим случаем Ача попал в колею из-под МАЗа, который весной застрял и сдал назад, оставив непробиваемую стенку. Ача летел по воздуху впереди мотоцикла, перед ним летели очки, а сзади – лейтенант-«червяк» с двустволкой. «Червяк» был легок и чередовал удары то на ноги, то на двустволку. Наконец, остановился, отряхнулся и сказал: «Ну, ты и едешь, без правил». Ача грохнулся о землю и был в шоке и немоги, иначе задушил бы «червяка» за его легкомыслие. Вечером, когда детали мотоцикла отвезли в Ачину вотчину – на объект 119, и солдаты-сибиряки кричали, разглядывая остатки мотоцикла, перебинтованный Ача медленно пил чай и говорил про неубиенность «червей», которые выходят из катастрофы даже без царапины. Все сочувственно ржали и цокали языками. Через полмесяца рукастые сибиряки восстановили мотоцикл и прочитали правила техники безопасной езды своему старлею.

Джерри Пархомов рассказал о курье на станции. Конструктор резинового шара, прикрывавшего антенну от ветров, осадков и пыли, очень мучился вопросами

критических параметров давления, минимального и максимального. Отчасти его беспокойство можно было понять: если случится аварийный останов двигателя подкачки давления, сколько времени может простоять купол без подкачки, а стало быть, возможна ли боевая работа, и когда без подкачки резина провиснет на антенне, то с какими последствиями? Когда конструктор заявлял о необходимости проведения этого эксперимента, у командира Наполеонова багровело лицо, и он грозил выслать его под конвоем с объекта. Наконец, Наполеонов уехал в центр, и конструктор, потирая руки, начал спускать из шара воздух. Шар постоял, потом провис на выносные конструкции антенны, и ответственный по объекту категорически запретил движение антенны. Конструктор решил составить телеграмму об успешном эксперименте, подобном удачному пуску ракеты в ракету. Но только он начал составлять телеграмму: «Впервые в СССР произведен эксперимент по определению критических параметров системы поддува...», как появился Наполеонов. Поднялись крик, истерика, чуть ли не доставание «макара», попытка ареста и выдворение конструктора. Наполеонов кричал о диверсии, о нарушении боеспособности станции, которая 10 часов назад еще работала! Конструктор кричал о хамстве и идиотизме, об уникальных результатах эксперимента, о военных сапогах вместо мозгов. В конце концов, потихоньку подкачивая, удалось снять обвисшую резину с антенны, не порвав оболочки. В гостинице эти происшествия были как университеты: копились опыт и обстоятельства, анализировались ситуации, делались выводы. Все это в совокупности и создает опыт бывалого человека.

Интересна была музыкальная тяга. Офицеры КВИРТУ были знакомы с эстрадой; те, кто кончал музыкальные школы, знали классику, оперу, помнили балетные постановки, военную музыку и дворовую музыку под гитару. Заманакус любил польскую эстраду, джазовые интерпретации «Sometime», «Чарли», Гершвина, Дюка, Глена Миллера Амстронга и многих других

Вечерами шли ажурные разговоры с девицами, приглашенными на вино, привезенное из Москвы. Такое пиршество – редкость, только тогда, когда заезжает новая смена.

До этого была баня – женский день. Ходили мыться Катерина Матвеевна и Люда – электрики с подстанции.

Снеж после тоста начал издали:

- Ой, Матвеевна, с вами дочка Володи Рокотова ходила, Рита шести лет. Что она про Вас рассказала!

- Да какие подробности: от пяточек до макушечки...

Катерина стала пунцовая, да и Людмила свои казацкие брови вскинула, как актриса Быстрицкая. Народ уже ржет, а впереди целый тайм...

- Нет, нескромность нам не присуща, но Вы же Матвеевна в двух тазах себя обмываете. Это откуда же такие манеры? Потом Вы в дверях Риту чем-то прижали, так девочка даже мыться не могла! Чем же это Вас родители наградили? Некоторые места, наверное, не соответствуют 90-60-90?

Матвеевна заявила, что сейчас уйдет; народ ржал тихо и безвредно.

- Выпьем же за нестандартных прекрасных женщин, которые делят невзгоды с мужчинами в этом Богом забытом месте!

Девочки удовлетворенно хмыкнули, и вечер продолжался.

4. Серый, красный, небесно-золотой.

В этой книге три цвета.

Первая часть - серый цвет, почти серебристый, с зеленым низом и голубым верхом - это обычная жизнь с травой и небом.

Вторая часть - это цвет красной розы на зеленом фоне, или повесть о Прекрасных Дамах и общении с ними. В ней – о Красивом Замке, где живут сладко и горько, счастливо и обидно, где прекрасные пейзажи и гармония звуков сопровождают гармонию отношений до их низвержения, горестного распада. От дружбы и любви до забвения и горечи. Это темы Бахчисарайского Фонтана.

Третья часть - это небесно- золотой цвет. Это о возвышенном, тайном и великом. Это то, что над нами, это Космос, это Бог, это Вечность, прикосновение и приобщение - Великое время. Недоступность. Интуиция. Мечта и молитва, борьба Добра и Зла. Это о дороге, которую ищет Душа...

Все три цвета встречаются в жизни, и бывает так, что нет между ними четкой грани. Но все же, наступает момент явления Красной Розы

4.1. Прекрасные Дамы в темных аллеях.

Слушатель, товарищ Щука, собрав после самоподготовки отдыхающих, самозабвенно и снисходительно просвещал искусством обладания.

- Да тебе, Сева, если Дама даже предложится, но не поможет, ты весь вечер не войдешь, почернеешь и скиснешь. Свой праздник испортишь, потому как – неуч. Она тебе ногу до основания предоставит, а ты сознание потеряешь или, еще хуже, начнешь укрывать обратно.

Снеж постоял, послушал уверенные санитарные рецепты Щуки и пошел на свой ярус, побыть в тишине.

Вспомнил. Все начиналось с уральского, лесного поселка, где работали грудастые разбитные стройбатовки в нестрогой военной форме. Командовал ими Халид, бравый татарин с простреленной губой и начищенными орденами.

«Ты мне говорила, /Другого полюбила,/ Так зачем же шарики крутила?»

Такая магнетическая энергия шла от этих бесшабашных людей, что казалось – могли покорить любую страну без оружия. После войны дрожи любви вышли из кадки, где были замешаны, наполнили избу, потом улицу, потом всю землю. Голодные по встречам, с дикими страстями, с боязнью не найти зазнобе суженого, вдове – не узнать вновь женского счастья (столько мужиков побил, покалечило, разместило в лагерях), женщины и мужики кинулись на встречу друг другу. Женатых лихорадил спрос от обездоленных женщин. Мужик был в цене и спросе.

Глядя на эту чувственную бурю, молодежь поселка от девяти до четырнадцати лет, тоже чувствуя флюиды, сопутствующие размножению, затрепетала, напряглась, и человек семь ребят и столько же девчонок договорились встретиться в лесу для «решительных действий».

Венька, чувственный и светлый, переживал катастрофу. Во-первых, его определили к Фатиме, с которой он в бане мылся, и они видели друг друга: голые – цыплята табака. Во-вторых, он должен будет что-то сделать, неслыханное, потрясающее, из

рук вон выходящее над другим человеком! Как это? «На фига!» – орало внутри Веньки.

Лидеры мужского и женского клана договорились о лесной встрече на пятницу, на вечер. Возбуждение крайнее. Бежать от всего этого смешного и страшного?! Домой? Его брат, Игорь, с крупной девушкой хороводится. А как он будет действовать? Но струсить и заявить об уходе невысказанно, как невысказанно и катить дальше этот свальный грех.

Однако, все банально распалось из-за несогласия некоторых быть чьей-то или чьим-то. Кто-то психанул, и посыпалось: «Да, пошли, вы все, на ...». Распад сопровождался насмешками, кличками. Так закончился первый «эротический» призыв и почти армейское вовлечение в ряды соисполнителей, что больше всего и потрясло Веньку, обучило, оставило зарубку о групповщине. Нет, спасибо, не надо.

Прекрасные Дамы. Как бы хотелось, чтоб это так и было, чтобы на морской глади плескались «Алые паруса», чтобы рядом с тобой, в кошмаре, вдруг оказалась Ассоль или Фрези из «Бегущей по волнам». Блистательно, романтично! Мечты, мечты...

Яна – красивая рыбка.

В юности самым клеевым местом был каток. Стадион залитого сверкающего льда, музыка из репродукторов, пары влюбленных, катающихся, держась за руки, девчонки-подружки и пацаны в искрометных виражах.

Часа два–три на льду вечером – и день считался удачным. Кроме игр, на льду незаметно шли смотрины, и возле девушки, потянувшей магнитиком, пацан застревал под любым предлогом. Потом, возможно, провожание, знакомство и поддержание уровня общения.

Яна была ровесница Веньке и училась в женском классе соседней школы. Яна была почти женщина: красивая крепкая грудь, крутые бедра, спокойная уверенная походка, брови в разлет, насмешливая речь и темные глаза, взгляд которых изучал и сжигал. Ленька-художник сразу определил: «таз широкий, рожать будет легко». Не слабо. Рагозя сумнительно хихикал в перчатку. Венька пошел в атаку: проводил Яну с катка. Позже по утрам ходили вместе в школу – учились рядом. Веньке не верилось, что такая девушка захочет с ним дружить, не говоря уже о большем.

После поступления в училище, в первые же каникулы Снеж примчался на такси в 11 вечера к дому, где Яна снимала с подружкой комнату, но восторгов по поводу своего появления не встретил, шло топтание на месте и сюси-мюси.

Доктор Щука после каникул делал подшивку из случившихся «подвигов» и вздыхал: «лишь бы без детей обошлось», а тут даже до поцелуев не дошло. Правда, Яна прислала фото, и Снеж долго любовался «своей» девушкой и даже дал посмотреть Беляну.

– Что-то в ней не так – какая-то отчужденность.

– И что из этого следует?

– А я откуда знаю?

Поговорили... И Снеж опять и опять, как пограничник, всматривался в глаза на фото и спрашивал: «Ты – кто?» Нет ответа...

В летний отпуск Снеж с приятелем Сандро, который когда-то в школе победил в поединке, ударив его в пах и посадив на корточки, теперь шел в связке по Уралу. Теперь Снеж, проучившись 2 курса окреп и возмужал. Вряд ли теперь у Сандро были шансы на победу. Красоты Урала уже не раз описаны, а можно сказать, что их описание еще и не начато. Бесподобная, сказочная, серьезная Страна, красивая, таинственная, строгая. И люди здесь такие же – основательные, не дешевые...

Кто-то из родных Яны работал в доме отдыха. Снеж остановился на привал рядом с этой районной Швейцарией. При встрече Яна была дружелюбна, но осторожна. Снеж столько прошел к ней пешком, а в ответ – легкое внимание и «до свидания». Еще одна попытка сблизиться была на озере Балтым. Две девочки, Рита и Нина, художник и Рагозя, Венька и Яна заночевали у озера. Яна ходила недотрогой, ласку и внимание не излучала. Девчонки наперебой звали Веньку к себе, но он привез ее на раме велосипеда сюда, ее же увезет и обратно. В маленьком домике в саду Снеж зажегся, когда они были вместе, но ее строгие манеры все гасили: «Не надо крайностей!»

Это было в 19 лет, и скоро надо уезжать обратно в Киев, ласковый и добрый город. В нем живет девушка, которой он нравится. Она проявляет нежность, но просит – женись. Обманывать девушек нехорошо. Честный же подход – это серьезные обязанности, к которым, по сути, он совсем не готов. А главное, любовь еще не пришла, играют только увертюру. Плоть расходилась...

С Яной отношения пошли на убыль, но вдруг к концу Венькиной учебы она пишет: приезжай, покажу, как могу любить... Эх, Яна, а где же ты была, когда я прокладывал свои маршруты?

Как-то Яна зашла к деду, что само по себе случай небывалый, и попросила адрес Веньки. Но дед, как заправский разведчик, водил вокруг да около, но адреса не дал. Не слабо, деда! Понимая, что вариант уходит, она еще нажала на педали, но на лицо была расчетливость, и Снеж перестал носить ее фото. Его место в альбоме-музее, правда, не на первых страницах. «Образ твой растаял виновато./ Что же делать с думой обжитой? / Ты уходишь в прошлое куда-то / Вместе с пачкой писем и мечтой...» Немного больно, но не больше. Хорошо, что во-время разобрался. Через десять лет состоялась одна случайная встреча. Яна была с дочерью, черноглазой, с хорошей реакцией на ситуацию. Яна бросила спорт, погрузнела: телосложение и походка как у Екатерины Второй. Жаловалась на пьянство мужа, но потом, словно утешая, заключила: «Ничего, дочка, мы за папку возьмемся и еще заживем, как надо». Венька уже не волновался. Просто прошел знакомый корабль по встречному курсу и растаял в морских просторах.

Царица Тамара. Тамрико

«Прекрасна, как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла».

Нет, вторая строка – от другой Дамы, от другой природы и судьбы.

А что значит любить? Любовь – это что? Не смущайся, ведь это один из важных вопросов в жизни. Дожил, сподобился, докумекал. Это что, занял чужие окопы, лег сверху и победил? Глупость. Ну, хорошо, взял кроме тела в плен и душу, стал господином, это любовь? Снова нет. А что же тогда? Твои рассуждения – это просто чер-

теж пересечений, это геометрия контактов, не более того... А что должно быть? Конечно, не цирк или представление, где шкал эмоций и аплодисментов. Не покорение горных вершин. Это динамика, хотя в сюжете есть и цирк, и шквал, и покорение. Это совместная жизнь двух миров, двух сердец, двух душ, когда тебе хочется продолжать этот полет вдвоем. Ты меняешься, и она меняется, меняется все вокруг, но остается согласие, а может быть, даже гармония отношений, и Ваш союз живет. Это не два багажа, спокойно едущих рядом на полке, это не обязательно привычные стереотипы, хотя семейный очаг, его тепло и уют, придает узнаваемость, спокойствие и уверенность. Любовь – это дальний полет двух, согласованных в развитии сердец, душ, натур, у которых накапливается сигнал отторжения, но не достигает неприемлемого порога. Если перевалил порог, то дальше разлад, и полет каждого продолжается самостоятельно, а совместная жизнь помещается в музей памяти, и до самого конца жизни идет исследовательская работа: «Скажите, почему нас с Вами разлучили?»

Тамрико. Кавказ.

Единство и борьба противоположностей.

Уральский блондин, независимый, мечтательный, нежный, синеглазый. И копна черных волос, веселые и добрые карие глаза, красивые губы и полная доверчивость.

– Э, так нельзя. Я же тебя должен съесть, а ты не должна поддаваться. Твоя доверчивость ломает всю игру. Ты торопишься. Это убивает! Ты что, Тамрико, издеваешься?

Тамрико, высокая, статная красавица с Кавказа, естественная, как горный источник, предлагает: «Пей, у меня много...» Снеж зашкаливал, вся его натура, как натянутая тетива! У него появилась девушка, красивая, яркая, открытая. Ее мама немного подучивает дочь тактике и стратегии, в результате можно почти все, а кончится все должно официальным браком. Кто-то пошутил: «Брак?! Хорошее дело таким словом не назовешь!» Снеж еще ничего не решил, да и решать был не в состоянии. Прикосновение – и уже трясет от переполнения чувств, поцелуй – и она теряет сознание. Что делать? На мародерство не тянет....

Она ждет свидания, как праздника. Каждая встреча, как разговор инопланетян. Ее черные густые шелковистые волосы льются по плечам до пояса, полощутся на ветру, весело играют с хозяйкой. Венька и Тамрико быстро стали друзьями, их отношения искренни и чисты, и серьезность, и цена дружбы чрезвычайно высоки. Нельзя, пообещав, не прийти, высказать предложение – не выполнить. Венька пишет стихи, Тамрико их с радостью читает. Снеж поет свои песни и сводит девочку с ума. Куда несет их каждая встреча?!

По приходу в увольнение его угощают, потом, переодевшись в цивильное они мчатся к Днепру, бредут, целуясь по набережной, смеются, обсуждают космические и маленькие свои проблемы. Снеж рассказывает о службе, о жизни на Урале, часто бросает горсть рафинированных, изящных анекдотов. Тамрико смеется, часы летят, как секунды. Еще столько нужно сказать и обсудить, но уже время... Пора в казарму, емое... Тамрико сказала, что у нее есть братья по отцу на Кавказе. Они ее любят, и говорят, что если кто ее обидит, будет иметь дело с ними. Пожалуй, зря она это сказала.

Вместо варианта, что Венька будет ее защитником, ему вроде заочно, на всякий случай, угрожают... Отношения начали портиться.

Перед новым годом все подружки с Венькиными друзьями собрались встретиться у елки. Снеж не пошел. Тамрико храбрилась: не хочет – пусть не приходит, и без него не пропадем!

После праздника, вернувшись из увольнения, боб рассказал, что Тамрико начала налегать на вино, потеряла вид и дар речи, выступили слезы, началась истерика. Праздник расстроился. Сидеть было тягостно, и уйти некуда.

Веньке его победа стала в тягость, как Печорину капитуляция Мэри. Он не знал, что делать. Ну, победил девчонку, она ослабла – это хорошо? Теперь сделать ее своей наложницей, податливой и покорной? Лепить из этого воска любую фигуру, позицию, состояние? А потерять гордую и красивую подругу, с которой совсем еще не ясно, будет ли любовь? Но ведь много гардемаринов магнитят киевлянок, живут сочной плотской жизнью, радуясь красоте, здоровью, желанным отношениям между мужчинами и женщинами. Да еще сохраняют при этом независимость, свободу и возможность ухода в любое время.

Тоже мне охотник: убил, а есть не хочется.

Спустя пару недель они встретились. Она была предельно накалена, тихо заплакала. Снеж начал плавиться. Они были дома одни, он целовал ее, успокаивая. Она начала заваливаться. Глаза, красивые карие глаза как-то безумно блуждали, стан покорно ложился.

Ну что, солдат, что будем делать? Пленных не насируем, будем рыцарем и человеком. Он был с ней нежен, говорил ласковые слова, но к сладкому не притронулся. Помог ей почувствовать уважение и мир. Стал говорить весело и оптимистично. Речь – как музыка и лекарство. Тамрико умылась и причесалась, поглядывая из-под длинных ресниц. Начала улыбаться, несмело отвечать. Опять проступила дружба, достоинство было восстановлено.

И вперед, по Спирали – пошли встречи и нежность, и взросление. И шахматная партия получила развитие умное и содержательное.

Через год была встреча, где они поменялись ролями. В красивом теплом июле они лежали в траве, и Снеж был готов взять Тамрико. Теперь ее силы взяли верх: «Женишься – войдешь в мое царство, а до того – нет». Снеж засмеялся и поднял ее с земли. «Обойдемся», – подумал.

– Интересное предложение, надо сосредоточиться

– Подумай, подумай. А я буду готовить угощение...

Надо же, а ведь точно любит, но нашла волю – держит себя и тебя. Вот это женщина! Никому не рассказывал, только запомнил на всю жизнь.

Странно, позже, уже семейными людьми они встретились, и снова поменялись ролями. Она говорила ему откровенные речи, была красива, молода, великолепна. Приняла душ, вышла в халатике к нему. Бери...

Но Венька то ли из-за вредности, то ли ценя ее гордость, поцеловал ей руку и ушел под ее всхлипы и ругань уязвленной женщины, унося горечь расставания. Больше они не виделись. Но в памяти, читая Пушкина «На холмах Грузии...», слушая кавказские песни и мелодии, из тумана времени проступает силуэт прекрасной и стройной, гордой и человеческой Тамрико, чьи беды и победы высекались в красивую легенду. С возрастом детали расплывались, мощная эмоциональная быль уходила, и

только тепло чистой человеческой души и нерастроченной любви согревало теплыми невидимыми лучами.

4.1.1. Белогорская крепость в пустыне.

Жизнь на площади, несмотря на изолированность и оторванность от мира, шла своим чередом.

Приезжали новые люди из Москвы, приехал Леонид, бывший подводник. В первый же вечер, поселившись в гостинице, он встал из-за стола, где попивали привезенный коньяк, и выразился, что пора оглядеться. Борис, которого он должен был сменить, посоветовал: «Сиди, а то где-нибудь в колючую проволоку угодишь». «Да, ладно, проволокой пугать».

Каково же было его удивление, когда через полчаса вернулся назад с поцарапанным лицом и веселой гримасой: «Нет, вы только посмотрите, не прошел и триста метров, как налетел в темноте на проволоку. Вот змей-предсказатель!» Было весело. Мужички вспоминали все подряд, но чаще всего, как бывает в России, говорили о начальниках и женщинах.

В этот раз площадку облетела новость, что сержант Беспалов Иван взял с собой трех «дедов» и четыре автомата с полными рожками, и они поехали поохотиться. Прошло уже пять часов, как уехали.

Начальник, подполковник, – наш Наполеон, бегал, как бешеный зверь – чрезвычайное происшествие! Надо бы немедленно доложить по команде, но тогда обязательно схлопочешь себе выговор при любом исходе. Не доложить – в случае преступных действий группы – будут судить: четыре автоматчика могли спокойно взять власть в любом маленьком поселке. Но куда за ними посылать, в каком направлении?

Через пять часов они вернулись. Наполеон задыхался от ярости гнева. Велел построить роту и офицеров. «Эти подлецы с оружием в руках могли учинить любой разбой. Как вы посмели? Сержант Беспалов, выйти из строя! Ты не сержант, ты – преступник!» И стал сдирать его лычки с погон, потом у его подручного, ефрейтора. И хотя Наполеон действовал сверх полномочий, хотя бы по форме, акция произвела эффект публичной порки, при людях. Наполеон был преисполнен повышенным чувством личной ответственности, и это иногда принимало анекдотические направления.

Завелась в офицерском доме маленькая желто-коричневая собачонка дворовой масти. Когда она облаивала маленьких детей, многие смеялись – мини-зоопарк. Женщины подкармливали ее, она их слушалась. Наполеон вышел проветриться и встретился с собачонкой, как та барыня в «Муму» Ивана Сергеевича. Собачка Наполеона облаяла. «Пшла прочь!» На его окрики она залилась с еще большим усердием. Наполеон был оскорблен. Сбегал за пистолетом и начал прямо в городке бегать за собачонкой и палить по ней. Убить сразу не смог. Ранил. Она, скуля, уползала. Дети плакали. А он достреливал Муму. Этот случай запомнили.

Позже Наполеон потянулся к жене лейтенанта. В пылу страсти стал требовать отдаться немедленно и начал угрожать. Молодая леди была не из робких, дала ему по мордасам и выскочила на улицу. Он начал выкручиваться, что якобы она разговаривала невежливо, пытался выровнять ситуацию по уставу. Но позвали замполита Ду-

дова, большого, крупного хохла. Он начал Наполеона увещевать, но тот разошелся. Замполит написал рапорт и хотел ехать для доклада в центр, но Наполеон запретил выпускать любую машину, и Дудов уехать не смог. Скандал был первостатейным. Дуду позвонил в политотдел. Но то ли помогли связи, то ли его фанатическая преданность службе, то ли наличие еще столь недавно ценного в обиходе «сталинского стиля» держать всех в ежовых рукавицах, но Наполеона не уволили, дело замяли. Наполеон продолжал править. Потом, через лет двадцать, прошел слух, что на каком-то совещании он устроил обструкцию и вошел в клинч с очень крупным военачальником. Грохот и обвал сопровождали его службу, но что-то или кто-то держал его на плаву, а он держал народ «в кулаке».

Кэтрин

«На солнечном пляже в июне
В своих голубых пижамах....»

Площадь № прощай. Я, .Венька Снеж, отсидел три года в этом диком и безлюдном месте, куда ссылали известных противников власти и государства и во времена батюшки царя, и во время социальных экспериментов европейских умников над Россией. Сен-Симон, Фурье – красивые, сказочно гармоничные общества, равенство, братство, свобода. Еще одна человеческая попытка общего счастья – революция, перетряска – и опять неудача! Карла с бородой, Черномор мудреной. Учить историю, не зариться на быструю халяву. Все достойные, исторически приличные государства мира, исповедующие выверенные временем принципы достойной жизни, – это эволюционеры. Это сеятели и пахари, вечно поливающие землю потом и передающие свой надел, обычаи и духовный опыт детям, внукам, правнукам .И постепенно созревает Человек, восходящий к Истине, Свету и Гармонии.

Эти мысли взрослого, пожившего и подумавшего человека, желающего Добра своим потомкам, всем людям планеты Земля! Если это пафос – то искренний. Да здравствует Прекрасное Время!

Ну, а пока, ты честно пахал кайлом, рубил гранитную породу. Вперед на один шаг к центру, сначала в столицу военной империи – город Прио – так зовет молодежь Приозерск. А красиво – Прио. Почти Париж...

Снежко получил жилье на улице, крайней к Балхашу, и до наступления полудня – «часа жареной сковороды» - успевал окунуться и поплавать в море, как он называл Балхаш. Потом что-то проглотить и шлепать два километра пешком на работу.

С площадки приехал Ача, мой милый, добрый друг. Взяв ящик «Алб де Масае» мы, дождавшись вечера, медленно потягиваем из стаканов, купаясь в душевных разговорах, прожектах, разговорах обо всем и ни о чем, о женщинах, о судьбе... Нам хорошо, чувствуем себя частичками мироздания. Таинственного...

Снеж вписался в новый коллектив: элитные офицеры, отобранные из академий и высших инженерных училищ, великолепные индивидуалы, но близкие товарищи, родственные души.

Снеж ринулся в науку и технику по протоптанным ими дорожкам; учится всему и у всех, проходит «свои университеты». 80%, а со временем 60% времени занимает профессия, остальное – жизнь вне работы.

Ача любит Венькины музыкальные поиски и сокровенные песни. Гитарист Лебединский, часто аккомпанирующий Снежу, говорит, что двух одинаковых исполнений одной и той же вещи он у Снежа не слышал: всегда держит в напряжении, что-то ищет, пробует даже на уже сделанных «шедеврах». Эталоны у Снежа были приличные: А Вертинский, Ф. Шаляпин, М. Магомаев, Айвазян, «Ореро». Н. Щукин, – все, кто звучит сочно, самобытно, гипнотически. Содержание – от А. Пушкин и Фета до русских народных песен: «По диким степям Забайкалья», «Из-за острова на стрежень». Еще итальянские вещи, украинские и джаз: многоголосный, свингующий, удивительный – настоящая оранжерея мелодий и звуков. От такой закваски Снеж, начиная петь, сам созревал по ходу собственного настроения и привязанности, духовных и душевных ориентиров. Это было лучшее продолжение искренних и глубоких разговоров о людях, о жизни, о философии, еще о том, о чем хорошо бы не говорить, а дать музыкальный посыл от сердца к сердцу. Мог петь для одного друга или застолья из десяти человек. Еще на площадке Снеж тренировал себя тем, что пел во время пробежек, утром – до зноя, вечером – после спада жары. Пел арии из опер от «Паяцы» до «Евгения Онегина» и все другое, что накопила и держала память, как музыку высокой пробы.

Снеж познакомился с Филиппом, который позже работал в Центральном Доме Советской Армии в Москве, окончил аспирантуру. А в то время, на площадке, возглавлял офицерский клуб и сколачивал эстрадные ансамбли, горячо поддерживал их. Помогал во всем – от пошивки костюмов артистам до декораций к концертам. Отрывал от службы на репетиции талантливых солдат и офицеров, служащих женщин, проявивших себя на сцене, как любимцы публики.

Вот и сейчас местная элита собралась на добрый вечер. Яблоки и вино, яичница с жареной колбасой и помидорами, чай – все почти не нормировано.

Играет иногда саксофон, но чаще – гитара и «бас». По просьбе собравшихся Снеж поет, угощая лучшим, что звучит на всех диапазонах по радио и в записях. Радует слушателей дозировано, не закармливает, никогда не поет до пресыщения, часто – в режиме экстаза или душевной разрядки...

Потом танцы. Здесь «скол», «сдвиг»: набрав душевной мощи на Венькиных вещах, весь разряд выходит в танцах. Ача танцует в спортивной манере, забавно выполняя акробатические и гимнастические загибоны, выкладывая их своевременно и в позу, и в ритм. Это ни на что не похоже, разве что на сатирический балет – изящно, гармонично, необычно, весело. Сатира и дурашливость, спортивность и раскованность...

Затем внимание привлекает Кэтрин, которая маркирует приличное событие или действие словом «лафа». Она произносит звук «ф» необычно, как бы ставя ударение на согласную. Все с первого же вечера запоминают это и теперь после имени Кэтрин добавляют «Лафа», как позывной или бренд.

Кэтрин... Все офицеры, общавшиеся с ней, сходили с ума. Это было море обаяния и свежести. Почти все было генерировано ею самой. Стиль – высокий, изящный, европейский. Где же она все это сфотографировала? Фигура идеальная, красива и естественна. На голове – роскошная шапка блестящих волос цвета соломы. Вкус на одежду – отменный, вид то спортивный, то вечерний наряд под свечи и вино. Лицо

пылает, глаза блещут и смеются, в них столько огня и жизни, что неведомая энергетика притягивает к ней все взоры.

Она не получила высшего образования, но в курсе почти всех тем по жизни. Она очаровательно танцует и может вытащить на танец любого затаившегося увальня-офицера. Разучивает с ним «па» модных танцев, и партнер, преодолев смущение, с энтузиазмом танцует, прикасаясь к вечной тайне обольщения.

Бывает, что за ней, когда она в шортах возвращается с велосипедной прогулки, несколько велосипедистов подъезжают к подъезду. При виде Кэтрин глаза и рты широко раскрываются. А она, изящно прогнувшись, машет им рукой: «Good bay!» и уходит. Ее муж, нормальный русский офицер из глубинки, старается продолжить ее незаконченное образование. Уходя на работу, оставляет ей «Комсомолку» и отмечает места, которые надо прочитать.

За ее проделки он пробует говорить с ней как старший, увещевает, потом кричит, они дерутся. Отчаянная Кэтрин разбивает стеклянную банку из под томатного сока и острой розеткой режет себя и его. Ее безрассудство безмерно и бьет, как гейзер из земли Камчатской.

Кэтрин любит праздники у Снежа, любит музыку, песни, танцы. Яркий фейерверк праздника горит, как огни бразильского карнавала, превосходя его по энергии, всплеску эмоций и радости многократно.

Когда Кэтрин выходит на пляж, Снеж улыбается и приветствует ее строчкой из Вертинского:

«На солнечном пляже в июне,
В своих голубых пижама,
Девчонка, звезда и шалунья,
Она меня сводит с ума...»

Кэтрин нежно машет рукой, глаза сияют светом молодости и радости. Она прекрасно плавает, ей знаком весь пляж, ее шумно приветствуют молодые стройные офицеры, их чудесные подруги и юные жены.

Сказочный пляж Прию от июня до августа – здоровые загорелые тела, гвалт, игры, салаты и бутерброды, яхты и заплывы. Кто-то ныряет, кого-то шуточно мочат...

«Мой город-малыш с голубыми глазами прибоя.
Мой город-цветок, что с камней наклонился к воде...»

Эта песня звучит в душе Снежа, и Венька подбирает строки гимна Молодому Городу.

На службе всегда полная загрузка: планы пусков противоракет, отладка элементов системы противоракетной обороны. Все – как одна большая община. Одни занимаются техникой на радиолокаторах дальнего и точного наведения, каналом наблюдения межконтинентальных баллистических ракет, другие – подготовкой пуска и наведения на нее противоракеты, сначала по радиосигналам, позже в модификациях инфракрасной и радиолокационной головок самонаведения. Еще некоторые хлопчут у электронно-вычислительных машин, заставляя их быть надежной и быстрой системой управления. После каждого пуска проводится «разбор полетов»: анализ качества произведенной работы, анализ ошибок. Как увидели, как захватили и сопровождали стратегическую ракету. Кто внес какой-либо элемент нестабильности в совместной

проводке. Как летела противоракета навстречу баллистической ракет – вихляла и опаздывала или опережала дуэль, делала недопустимый промах или несвоевременный подрыв. Итогом произведения из многих скобок должно стать попадание в поле осколков противоракеты межконтинентальной ракеты, разрушение ее обшивки, взрыв шариков внутри нее и развал ее ядерного заряда.

Кружат начальники, бегают испуганные чиновники, ругают умников и инженеров, обещают все закрыть к едрёней фене, если и в следующий раз не попадут.

Гонят «зверя» офицеры-степняки, промахиваются. Отказывает техника, сбои, неисправности, срывы в работе. Но стая гонит зверя, впереди стаи – самые сильные, самые умные и хитрые. За ними огромная масса середняков делает нужные подготовительные дела. В хвосте вяло бегут «топтуны». Стая гонит зверя. И все-таки заваливает. Результаты аукаются в Москве. Потом охота повторяется, и снова загон, и снова натянуты нервы, и снова борьба и победа.

После десятка побед появляется ощущение способности сбивать баллистические ракеты! И это за 3-4 года работы. Фантастика!

А лидеры уже фантазируют, проектируют, планируют дальше. Они уже забыли, что еще вчера не верили в возможность решения таких задач, а сегодня уже говорят о сногшибательных вариантах, убедившись, что несбыточное, бывает, сбывается. Поприсутствовав при деяниях чудотворца, человек начинает из себя лепить чудотворца. Но здесь грань, предельный переход. Человек, имеющий чувство меры, здесь остановится.

Как только запахло пирогами, сбежалось много помощников. Интересно, что при операции «К» много «пеночников» смывалось с мест предполагаемых взрывов. Улетавший в Москву самолет брали штурмом, а наглый генерал пытался выкинуть солдата, отпущенного по семейным обстоятельствам к родным. Скандал был мировым, но зам. Главного Остапов был непреклонен, и генерала спустили, а солдата посадили в самолет. Маленькая победа добра над злом. Редкая, потому приятная и дорогая.

* * *

Но вот опять теплый вечер. Снеж отмечает четверть века. Человек тридцать веселых молодых и сильных мужчин и женщин.

– «Да здравствуют нежные девы и юные жены, любившие нас! Поднимем бокалы, содвинем их рядом. /Да здравствуют музы, да здравствуют разум!»

За художественную часть не надо петься: десятикратный запас. Вина – прилично, а вот водки? Подполковник Боровой, почитатель Венькиных песен, принес канистру спирта да водки несколько бутылок. Но гарантии нет, что достаточно: мужики необычайно стойки и живучи. Разлили на три сорта: убойное чистое – 75% спирта, 25% воды с клюквенной заправкой; заряд для подранков – 42 % спирта плюс остальное вода, и сладкое слабое – 20% спирта плюс соки.

Кто-то получил от Снежа инструктаж не допустить положения, когда «выпить уже нечего», и смешивать «коктейли» прямо за столом. Трухан, змей степной, налил убойного чистого спирта и заправил его какой-то настойкой. Снеж расчувствовался от добрых слов, взглядов и приязни, выпил эту гремучую смесь и поплыл. Ноги стали ватными, появились несвойственные ему ухмылки, интеллект ослаб, потянуло в сон. Но кто же тогда будет именинником, принцем Гамлетом? Его приятель, Носов,

уже принял до перекося глаз и, выйдя покурить, угодил в траншею, обратно вылезти не смог и шел почти километр, отыскивая выход. Лебединский, приятель и аккомпаниатор на шестиструнке, нагнулся под 45 градусов и, открыв подъезд, полетел к себе в гостиницу, быстро перебирая ногами. Мама Паши Абрамова пришла взглянуть, почему сын не идет домой, и едва успела отскочить в сторону: из подъезда вылетали, как из ракетницы, и пропадали в темноте.

Снеж при провожании очередной дамы стал настаивать на поцелуе, но трезвая приятельница отказала имениннику и даже обиделась, посчитав действия Снежа домогательством. Тоже мне падишах Бетпакдалинский.

Увиделись с приятелями только через сутки. Пересказывали отдельные сногшибательные эпизоды и сцены, когда Вахх и Эрос отдыхали, а стальная гвардия веселилась по собственным представлениям и текущим сценариям.

Когда наступил новый рабочий день, начальник программистов Захаров шел рядом с Венькой на работу и все спрашивал: «Ты долго еще из квартиры ресторан будешь делать? Ты знаешь, что саксофон с ударником и контрабасом до трех утра играли для танцующих так, что на пляже другая группа тоже организовали танцплощадку?»

«Да, как бы взбучки не было», – подумал Снеж. Но все, кто был приглашен, настолько были благодарны празднику, веселью, вину, казусам, женским капризам и удали гостей, музыке и песням, что никто не пострадал. Все смеялись и повторяли веселые сценки и эпизоды. Правда, трезвая мадам, не пожелавшая поцеловаться с именинником, нажаловалась мужу, и Веньке пришлось оправдываться. Он чертыхался: столько вокруг милых подруг, которые с радостью подыграют. А тут хотел осчастливить, быть галантным и напоролся. Пить столько... нельзя! «Если вино превращается в пойло, то человек – в скотину», – подумал Венька и пошел на заплыв к морю. Он мог плавать часами далеко-далеко и долго.

В один из выходных дней задумали поход на моторной лодке плюс вторая на веслах. Кэтрин в белом свитере была изящна и стройна. Фигура при любом движении играла. Какой же ты породы – тигровая кошка? От какой любви и каких людей ты родилась? Парни невольно любят ее, но внимание оказывается еще двум девушкам-подружкам, каждая хороша по-своему. Ребята загорелые, крепкие, рыцари и джентльмены.

Балхаш снова распустил свою короткую сильную волну, на которой уже не один катер нырнул с водяной горы на дно. На лодке грести устали, с моторки бросили им фал: тащили на одном моторе два судна. Мотор жалобно поскуливал, но вариантов не было. Через час - полтора звук мотора оборвался, и кавалькада встала. Теперь на веслах к берегу. Костер, ужин, смех, шутки, песни. Прекрасный добрый вечер. Плотских позывов нет, игра идет по правилам романтики, дружелюбия и легкого флирта. Кто-то копается в моторе, но успеха пока нет. А завтра – рабочий день. Высылаем ЧМО за технической помощью. Он в шинели, но босиком. Вид впечатляет. Пошел пешком за семь километров предупредить о задержке и найти средства буксировки лодок.

Кэтрин ведет игру. Она лидер. Кто же она? Авантюристка, тонкая косточка, местная Софии Лорен? Плоть ее чиста, свежа, гармонична и без пошлости. В ней как бы две ипостаси. Первая, как чистый спирт: глотнешь и сомлеешь. Это женское начало, чувственность. Как физический закон – кто не пробовал, обязательно пьянел, хотел еще, лез на рожон. Вторая ипостась – требование по отношению к себе джентльмен-

ского, рыцарского и благородного обращения. За ошибки – наказание: не можешь держаться графом – покинь общество. Немало забракованных, желавших легкой победы. Все обочины дорог в отвергнутых именах местных звезд, удальцов, крепких служивых. Все они обиженно скулят и обиженно злословят, глядя на фотографии Кэтрин. А она смеется белозубой улыбкой, непокорная солома на голове светится как нимб, тело двигается по-африкански пластично, энергично и естественно. Личная жизнь Кэтрин идет скрыто. Осенью она видимо забеременела, что-то не сработало в женской сфере, пошла на аборт. Врачи велели лечиться, и муж отправил ее в Казахстанский санаторий. Вернулась с ворохом информации, адресов, переписки. Атомный маленький реактор.

Все встречались на берегу Балхаша, приветствовали, «травили по-морскому», насыщались, продвигались к следующим знакомым.

Снеж любил после работы уйти к морю, как он называл это огромное озеро с полупресной водой, и посидеть послушать, о чем говорят волны. В этот раз Кэтрин неслышно подошла сзади, увидела знакомую фигуру, набрала в шапочку воды и брызнула. Снеж вскочил, увидел сияющую Кэт, бросился в бега вдоль берега в необитаемое место. Она энергично летела за ним. Снеж, спасаясь от преследования, прыгнул в незнакомый вход, там, среди валунов оказались плоские камни в 0,5 м от поверхности. Снеж встал, качаясь, с огромным лиловым бугром на лбу и хлещущей кровью. Кэт всплеснула руками, лицо стало грустным. Она ласкалась, стараясь сгладить свой не лучший вариант погони. Снеж с легким сотрясением и разочарованием брел вдоль кромки воды, желая, чтобы Кэт отстала и не сюсюкалась с ним. Она поняла и отстала.

Спустя некоторое время при встречах она гладила ссадины на лбу и смеялась: «Будешь меня помнить».

Снеж, перейдя в элитную группу автоматического управления всей системы, находился в отличном расположении духа и на работе, и дома. Строил амбициозные планы становления личности в науке и технике, в музыке, в творчестве, подобном бардовскому, в спорте, в друзьях и доброй личной жизни.

Ему хотелось сделать что-нибудь хорошее для окружающих людей, отплатить за дружелюбие и человеческое тепло. Ну, что можно сделать в пустыне для тысячи или несколько сотен человек? А то, на что не все способны: отличные концертные программы. Он уже попробовал петь свои вещи с близким по духу эстрадным квартетом – получалось неплохо. Теперь хотелось сделать концерт на полтора-два часа с оркестром, вокалом, конферансом, танцевальными номерами, даже с фокусами – со всем, что могло в этой пустыне дать душам духовного, душевного и просто развлечь от однообразия и гонки «давай-давай».

Эта мысль развивалась, находила сторонников и помощников, многие потянулись на доброе дело. Вокруг было много прекрасных Дам: юные жены доблестных офицеров со всех уголков большой страны: из столиц и глубинки, из степи и тайги, с Севера и Юга. Этот котел варился, клокотал. Дивные ароматы и пряности поражали воображение. Устроить бы праздник – конкурс красоты. Тупые и примитивные натуреры фыркали бы и озирались: «А это еще что такое?» Кэтрин на конкурсе красоты городка Прио была бы в первой десятке. Она была органична, пластична, находчива. В ней была изюминка. Но, как это ни парадоксально, она была застенчива и стыдлива. Откуда в русском подсолнухе столько невиданных качеств, оттенков, страстей, страха и воли, лисьего ума и изящества? Интуиция. Что она о себе думает? Что за алгорит-

мы ее действий и поступков, оболщения и отталкивания, царствования и унижения? Космический продукт, инопланетянка!

Подготавливая концерт, Снеж мечтал отойти от канонов, впендюрить что-то разрывное, поражающее воображение и душу, что-то изумительно приятное. Давай, Снежко, пробуй свою сверх задачу, дерзай! Только башку свою не сожги, остужай спокойным рассудком. Не просто...

Вот уж поистине «и больше века длится день». День вмещает в себя работу, технику, спорт, музыку, замыслы, музыкальные сочинения, безжалостную фильтрацию, отношения с людьми, разговоры, уговоры, подборы, радость и огорчения, и... Море.

Балхаш начинает нравиться не только красотой и контрастами, но и какой-то низкочастотной, медленной составляющей, сродни вечности. Вот ты уйдешь, совсем уйдешь, а он, Балхаш, будет тебя помнить без истерики и перемен – был у меня такой человек, был такой камушек!

Кэтрин звала Веньку по искаженной фамилии: Снег. А Снег парился: куда все это мчит? Этот космический труд, этот южный город, весь в труде, службе и любви. Эти люди, их отношения: измены, влюбленности, соблазны и тормоза, система сдержек и противовесов? Жить интересно, и натура, как парусник, летит вперед, а в море бывает по-разному...

Кэт дразнит. Она поняла, что просто Дон Жуана тебе не сыграть, а развала семьи и службы она, видимо, не замышляет. Может это такая форма дружбы мужчины и женщины? И чего ты мечтаешь? Подлых планов нет? Нет! Ну и живи себе, не скучай и не входи в экстаз. Экстаз – это тот же таз, только бывший в употреблении.

Перебравшись с дальней площадки в городок Прио, Венька не заметил, как круг знакомых значительно вырос. Во-первых, круг общения на работе в своем и смежных отделах. Во-вторых, клан промышленников из интеллигенции столичных НИИ и крупных городов. В третьих, – из около музыкальной публики от эстрадных групп, самодеятельной публики, играющей на разных инструментах и исполнителей шлягеров различной сложности.

Первый собственный концерт, с тобой работают человек пятьдесят.

К Снежу тянулись тонкий и умный Жорж Дроздец, любивший слушать у Снежа его интерпретацию Вертинского. Игорь Музыка и Юра Олеха – радиолюбители, создатели аппаратуры и звуковых колонок, имеющих первостепенное значение в концертах. Звук – это все!

По признаку землячества рядом возник Алик Скотин-Никитов, «Хрустальный гусь», подающий себя в превосходных степенях. Его мама – важный чиновник на Урале. Никитов говорил очень тихим голосом, но срывался, когда речь заходила о женщинах. Первое, чем он удивил Веньку и Ачу, была мутная связь с 55-ти летней женщиной из Театрального общества. Алику в то время было 25 лет. Скотин-Никитов в отпуске плескался у моря и вошел в контакт с семьей режиссера – его супругой и сыном, почти его ровесником.

Снеж впервые в жизни столкнулся с паучьими замыслами и движеньями щупальцев осьминога.

Супруга режиссера не только капитулировала перед этим всеядным пресмыкающимся, но, что было ново, она вовлекла в срамной союз своего мужа и сына. Мужу было 70 лет, сыну около 20.

Алик упросил Снежа и Ачу, когда они поехали в отпуск, зайти на квартиру расположенную недалеко от Большого театра, и передать посылку. Неизмерима степень его цинизма и коварства, полное пренебрежение не только людьми, познакомившимися с ним, но и своими сослуживцами-офицерами, которым выдал похабное поручение. Сразу отказать неудобно, задание простое: по пути следования выйти в центре, позвонить, договориться о встрече и передать посылку. Зашли. Дама в приличном возрасте по-птичьему щебетала, как там Алекс, какими помыслами живет, что мы (?) думаем о ней (?). Стала нам демонстрировать массажер с присосками, двигая им по голым рукам и открытой части груди. Рассказала, что на проходящем закрытом кинопросмотре показали фильм с откровенным половым актом. В 60-70 годы в нашей стране нравы были не столь оголтелыми: любовь или любовная интрига были сугубо закрытое, искреннее и добровольное дело двоих. А тут тянут в непристойности, как на завтрак, обед или ужин. Брр!

Ача и Венька долго плевались, покинув коммуналку, отдававшую амбре заблеванного притона. Ну. Алекс, ты и осьминог! «Авангардизм» Скотина-Никитова опутывал мужа этой женщины, почтенного человека, про которого он высказывался в плане его признания, продвинутости и знаменитости. Алекс плескался со звездами пенсионного возраста и захлебывался от значимости совершаемого, а Венька и Ача, костерясь и отплеываясь, покидали застойный пансион, как остров неестественных отправлений. Ты посмотри, какой извращенец эта тихая губошлепная особь Скотин-Никитов. Все, полный назад, отставить впредь пересечение курсов!

Джаз в Бет-Пак-Дале.

Если бы Снежу сказали до этого, что он будет лидером создания концерта с джазовыми инструментами, в забытой Богом пустыне, в азиатской глубинке, он бы мог срыгнуть. Мог проспорить миллион! Но его уже подхватила волна энтузиазма и фантазии невообразимого размера, мощи и, понесла. Стихийно управляя процессом, он залетел в немислимую авантюру и вспомнил девиз Наполеона: ввязаться в драку и играть на выигрыш. Снеж размышлял: что он сам ждет от этой заварушки? – Праздника! Сделать бриллиантовый сбор, найти самое лучшее, самобытное, свежее плюс узнаваемую джазовую классику и хлопнуть шампанским!

Репертуар. Что сам будешь пробовать исполнять? «Гульнару» (Муслима Магомаева), «Бирюсинку». Будем соревноваться с хорошим молодым пареньком солдатиком – он берется за «Королеву красоты». Голос с красивым тембром, владеет свободно.

С ракетной площадки познакомили с капитаном, он чудесно исполняет «Кома прима» на итальянском...

Саня – аранжировщик и лидер оркестра, сам аккордеонист, сделает несколько свингующих вещей и обработает впервые выставяемые Снежом на аукцион: «Дорогой тайного каравана» и «Прио - моя любовь». Ему помогает в оркестровке Борис Свешников, студень старшего курса консерватории, скрипач, Девушки-вокалистки: две молодые, амбициозные, солнечные леди, имеющие вкус к изящному музыкальному изложению, устойчиво покоряющие сцену. Поют по слуху, могут на иностранном, а главное – на родном языке вещи с изюминкой. Новая солистка, инженер по обра-

ботке, Регина, изумительно сама поставила «Долго будет Карелия снится» гораздо лучше образца, звучащего по радио.

Конферанс, художественное слово – соревнуются капитан Юра и лейтенант Алексей, тяготеющие к театральным постановкам. Они посмотрели и просеяли все эстрадные сборники, ищут сочный юмор, цепляющие сюжеты, пробуют свои репризы и остроты, добавляя местные остроты и веселые диалоги товарищей.

К Снежу потянулись с предложениями послушать солиста или исполнительницу, причем с готовыми вещами. Больше всего Снеж боялся классического пения со сложенными руками и казенной манерой «широкого рта». В оркестре Снеж работал над оркестровкой выбранных вещей и устанавливал контакт с исполнителями, добиваясь выразительности и яркости исполнения. Некоторые расходятся с оркестром в тональности, некоторые затрудняются в ритмических перестройках, во вступлении, после проигрыша. Художники работают с декорациями: Снеж придумал доминанту декораций - образ железной дороги, с верстовыми столбами и километражом до Москвы от Сары-Шагана. Мечта: когда-то вернуться в Россию. С охотниками договорились, что в картонную пушку, эпохи битвы при Бородино, стоящей у края занавеса, по сигналу, пролезет охотник с зарядом холостыми патронами и невидимый зрителями, вставит стволы ружья. Затем, после реплики ведущего, что по Станиславскому ружье, висевшее на стене должно выстрелить, он постучит по пушке, и, качая головой от безнадежности, отойдет в сторону. В это время из двух стволов одновременно охотник стрельнет. На концерте от неожиданности, в первых рядах возник шок, затем истерика, затем шквал аплодисментов.

Весь оркестр и солисты в красивых черных с белым кантом новых рубашках, темных брюках, но в различной обуви, от чешской на каблуках до черных мокасин. Репетировали, обкатывали, искали свою индивидуальность и особенность.

Конферанс и художественное слово - катали репризы, юморески, стихи, басни, монологи, скетчи отрывки. По формуле: добейся потрясения! Зрители должны смеяться или плакать, задуматься и взять мысли на память, как откровение, озарение...

Обычно на генеральную репетицию приходили друзья, любители музыки, эстрады – хотелось джазовой интерпретации или симфонической чистоты исполнения, песен свежих и впечатляющих мелодий.

Снеж уговорил Кэтрин с ее фигурой и умением подать себя, выступить с Филипом, заядлым театралом и танцором в маленькой сценке:

«По ночной Москве идет девчонка,
Каблучками цок-цок-цок,
Вдруг откуда ни возьмись сторонкой
Незнакомый паренек.»

Не строго по тексту, но по смыслу, сюжет вышивается по формуле Элочки Людоедочки. При этом и Кэтрин и Филипп подавали себя в гротескных, рваных движениях, красивых и вызывающих, в позах, гримасах, в броских фразах и жестах. Двусмысленность и аромат эротических подвижек узнавался, высмеивался и каждым воспринимался на свой счет.

На генеральной репетиции царил атмосфера угара, чувствовалась мощь замысла и свежесть праздника. Концерт склеивался, получалось живое, симпатичное действо – души плавилась и радовались. Еще много было брака, сколов, глупостей – но подготовка помогла выделить то, на чем может быть достигнут успех. Снеж рабо-

тал в высоком тонусе и лично как исполнитель и как лидер: «Дягилев» с его русскими сезонами в Париже.

Он взял у Муслима Магомаева «Гульнару» подготовил две свои вещи (слова и музыка): «Дорогой тайного каравана», «Романс» Прио - любовь моя!» Он сам был влюблен в эти песни, пел их с удовольствием вдохновенно и проникновенно, искренне и самобытно. Ему очень помогали те пробежки на 3 км в степи, когда он на ходу распевал свои песни. Голос звучал колоритно во всех регистрах, в оттенках грусти и радости, мажора и минора, взрыва, крещендо и пиано. Он постоянно работал над песнями, находил свежие интонации, исправлял дикцию, проговаривал фразы, находил связки и проверял свои впечатления на товарищах, чьи музыкальные способности были впечатляющи и самодостаточны. Однажды, после репетиции к нему подошла юная леди, с большой косой и красивыми спокойными глазами и сказала: «все прилично, но Ваши чешские ботинки нужно немедленно сменить на мокасины». Снеж поблагодарил, а она, улыбнувшись, склонила голову и легко переступая, ушла. Как Фрэзи у А.Грина в «бегущей по волнам». Снежа тряхнуло. Он узнал, сколько стоят мокасины и где достать. В черных красивых мокалинах он вышел на концерт.

Слух о предстоящем концерте «Джаза I-го Управления» разнесся по всей Сары-Шаганской империи. Молодые жены лейтенантов и капитанов, зрелые женщины – жены майоров и подполковников были встревожены и придумывали прически, туалеты, парфюмерию, помаду, словом чистили перышки. Иногда казалось, что в московском театре Эстрады, близ Кремля, должен выступить бардовский ансамбль или английская четверка «Биттлз» с очень сокровенным, дорогим и изысканным материалом.

Репертуар был пронизан степью, каленным дневным жаром, ярким Солнцем и глубокой бездной ночного азиатского неба – выходи на улицу и учи астрономию. Звезды сказочно красивы и загадочны. А русская душа идет на музыкальную исповедь. На концерт потянулись конструкторы и инженеры ведущих фирм городов союза: Москвы, Питера, Киева, Новосибирска и других, считай, столичных городов, миллионников.

Настроение с утра до вечера было на максимуме, словно у птенцов, научившихся летать и теперь, только и восторгающиеся чувством полета. Прекрасное восторженное чувство полета! Снеж, подобно Кутузову, осматривал все снизу доверху. Костюмы, декорации, сыгранность оркестра, замысел аранжировщика и технику сопровождения, последовательность номеров. Важно начинать разгонять энергетику до максимума, контрапункта, затем эффектный эпилог и салют-компания. Снеж, понимая, что на пене «первой продажи пива» можно проехать ярко и шумно, но заложенная халтура и лубочный стиль погубит направление в дальнейшем. Он ни минуты не сомневался допустить ли тех, кто в исполнении мог составить ему конкуренцию. Наоборот, брать только таких, и будем соревноваться перед зрителем.

Солисты подбирались тщательно. Красивый украинец Валя Палович предложил Долуханяна «Моя Родина» и арию князя Игоря, композитора Бородина. Раньше он занимался в оперной среде, и голос его звучал красиво, уверенно. С далекой площадки проявился капитан, изумительно ярко и эмоционально подготовивший итальянский репертуар. Тенор - В.Бурьяныч владел Репертуаром «Биксио «Тропинка», «Зори ясные над Днепром» муз. Шамо.

Люда Шарова исполняла «Женщины, любовь и неприятности» и румынскую песню «Тюльпаны». Регина Левицкая чудесно пела «На Кургане» А.Петрова, «Карелия», повторявшиеся на бис.

Саня аранжировщик вступил с оркестром твистом «рыжая девчонка», чем сразу разогрел публику. Потом Слава Волощук исполнял «Любовь и розы». Затем оркестр исполнил «Луна», где себя проявил саксофон. В степи, в пыли, в тьмутаракани и вдруг чистый звук сакса и какая-то мелодия далекая и гламурная из жизни продвинутых столиц. Люди отдыхали, шло чудесное расслабление. На них первозданно обрушился блеск темпераментов и личностей исполнителей, слова шуток и конферанса и новизна исполнения молодых певцов, неизвестных исполнительниц. Все блистали, все были в ударе, все хотели быть покорителями сердец. И это удалось.

Новый Концерт шел к завершению, Снеж отработал с успехом свои номера и ассистировал готовившихся исполнителей. Вдруг за кулисами, возникло видение – юная гимназистка с красивой косой и большими спокойными глазами. «Меня зовут Полина. Вы – молодец, нет правда, чудесно спели. И концерт всех восхитил. Вы можете сейчас пойти со мной?» Снеж не мог стоять, он взлетел над полом и завис под потолком. Это волшебство в реальной жизни... Эта прекрасная нежная юность, чистая, честная, искренняя говорила ему слова приветов. Спасибо, юная фея! «Вы что-то спросили?» Ах, пойти с тобой – да сердце уже летит вперед и смеется и радуется! Но как же я брошу свое предприятие, этот ансамбль еще неуверенный в себе? Всю концертную братию, слушавшую его и верившую ему? «Поля, мне нельзя. Я должен быть до конца здесь..» «Ну, как хотите...» И ушла. А аромат ее облика и свет от нее еще висел розовым облаком в закулисном пространстве, а Снеж вдруг почувствовал, что он что-то потерял, как бы обронил в воду очень ценное и редкое. Как там, у Александра Сергеевича: «Откуда ты прелестное дитя?» Юная и светлая, нежданно свалилась на его голову. Кажется я лечу с этим прекрасным существом в небе без парашюта и потрясение может быть, как от встречи с землей, неповторимое. Куда меня несет? А может это твоя прихоть, гордыня? Такой ангел и пришла к тебе, русскому поручику, имеющему семью, как бы тебе не запутаться. Ладно, не планируй ничего корыстного и нескромного, пусть восхищение будет твоим крайним грехом и не больше.

Надо жить с чувством красоты и радости, думай, твори, мечтай, но не сломай этот хрустальный мир грубым жестом, словом или помыслом. Джулия Белопольская исполнила ритмичную «Мы разминулись» и шуточную «Очень высокий парень» о большом, неловком и смешном парне. Публику завели, как бывало на концертах В.Мулермана, Э.Рознера и других кумиров.

Снеж с «Дорогой тайного каравана» и «Гульнаррой», «Смоленским мальчишкой», «Лучшим городом Земли». Успех превзошел ожидания, люди бисировали, вставали, кричали «браво». Фокусы и конферанс давал возможность отдохнуть оркестру. Были пародии на танцы и просто веселье и остроумные репризы.

Военные исследователи - испытатели обрели свое лицо, как красивое и фирменное сообщество военных интеллектуалов, талантливых, веселых, со вкусом подавших эстрадный большой концерт. Оставаясь простыми и скромными. Хватало уже и достоинства не претендовать на звездность. На следующий день всюду в отделах царил оживление, обсуждали и выверяли каждый номер, каждый эпизод и сольное выступление. Саню, аранжировщика и лидера оркестра, удалось перевести из кочегарки

техником в исследовательский отдел. Чертежей и схем было много, но всегда можно было организовать репетиции, т.к. техники не вели самостоятельные задачи.

Последствия концерта начали обретать подробности. Во-первых, когда люди шли к месту работы мимо клуба «Сатурн», то крутили пленку с записью фрагментов концерта. И лилась по степи «Дорогой тайного каравана», «Гульнара», «Сейчас по Нью-Йорку холодному, а может быть по Лондону...» Плыли украинские мелодии В.Бурьяныча «Дівчина в садочку», «Сона Ріма» в исполнении Валеры и песни женского вокала. Приятно идти и слушать концерт заново.

На следующих репетициях рассказали, что Джулия Белопольская плакала из-за того, что аплодисментов было меньше, чем ожидала. Снеж опешил... Вот фрагмент из «принцессы на горошине»? Затем пришло сообщение, что девушка, сержант Раиса, довольно убедительно обнажила и так заметную часть бюста перед военным Ромео, о чем замполит выговаривал Снежу, по рапорту патруля.

Оказалось, что развивая успех концерта, она была обнаружена патрулем на пустой сцене за занавесом с симпатичным солдатом-срочником в довольно разобранном виде. На претензии начальника патруля о поведении при установлении личности, бухнула: «Да я, солистка ансамбля «Ритм» не Вам делать мне замечание». Снеж вынужден был расстаться с юным энергичным дарованием.

Новая творческая работа была интересна, воспитывала поиск, самобытность и самовыражение в условиях высоких требований к качеству.

Обществу понравилось культурное действо и своя эстрада, возросшая на местных условиях, одним воздухом дышащая с ними. Приближались следующие праздники, и поднятую планку опускать уже нельзя. О концерте стало известно в Москве и Питере, Киеве и Минске и других городах. Теперь вместе с рабочими сводками по противоракетной обороне разносилась хроника культурной жизни, обсуждали виденный репертуар и солистов. Голова Снежа была полна Солнцем – вперед в науку, вперед в музыку, вперед в людскую любовь и дружбу, вперед в море. Балхаш часа на полтора обеспечивал его одиночество, когда он уплывал далеко от берега и радовался волне, небу и жизни. От желания добрых дел и какой-то радости от друзей и любви, сердце пело и много светлых помыслов несло в голове.

Теперь работа на службе составляла обязательную программу, а самодеятельность – произвольную. Старался прилично откатать обе программы. Читал техническую литературу по специальности, записывал хорошую музыку на магнитофон. Вечерами многочисленные друзья собирались у него на квартире и звучали песни, музыка, споры и суждения, люди слушали, беседовали, танцевали. Светились глаза, держались дружелюбно своей компанией интересных людей. Всегда был чай, что-нибудь к чаю, иногда немного сухого «Алб де массе». Когда зной уходил, шли двести метров до берега и плавали, и приходили в себя нервы, расслаблялись тела, возникал настрой доброго вечера. Приготовили еще несколько концертов на даты государственных праздников. Планка взятого старта поднималась выше. Все хотели яркого выступления, карнавала и готовили интересные современные вещи.

То, что прощалось на первых порах, становилось неприемлемым в дальнейшем. Как-то Снеж выбрал «Голубые города» и оркестр, против договоренной тональности взял на два тона вверх, еще при проигрыше вступления. Снеж быстро понял угрозу срыва: можно остановить оркестр и вернуть в нормальную тональность. Но произойдет скол, молодые солдаты на саксе и гитаре могут не суметь транспонировать с ходу

в уме, будет замешательство, случится огорчение, срыв. И Снеж пошел на тенорную партию. Он спел, подхлестывая себя огнем желания и страхом сорваться, голос звенел, как натянутая струна и он пропел сочно, небывало высоко всю вещь. Раздались аплодисменты. Но за занавесом он показал Сане пальцем у виска «Ты что?» «Я скоро за женщин начну петь?» Но репутация оркестра осталась неподмоченной. Слава эстрадного коллектива росла, многие приходили на прослушивание, однако как говорится много приглашенных, но мало званных.

Юные леди из старших классов энергично сопровождали каждое выступление. Снеж стал включать свои песни. Снова проявилась Полина, она подходила после каждого концерта, натянутая, как струна и говорила об исполнении, о номерах концерта коротко и содержательно. Опять Полина!...

Было тепло и темно, только звездное азиатское небо, как красивый ковер сверкал и переливался над головой. Снеж попал под короткое замыкание, через него прошел удар тока, и ничего не случилось. Просто оглушило. Ночью, вернувшись в жилье, где он подолгу жил без семьи, Снеж впервые задумался об этой девочке. Слушай, это же зацветающий бутон, его нельзя трогать, нельзя ломать, нельзя обижать. Ты это понимаешь? Снеж? Она юна, неопытна, а ты сложившийся семейный человек. Это все бессмысленно и нереально. Будь Человеком, не причини горя тому, кто к тебе потянулся. Башка раскалывалась от мыслей и эмоций. И вдруг зазвучала мелодия солнечного твиста, и полились строчки в тетрадку и начала складываться песня о любви, о глазах, о юной душе... Как там, у А.С. Пушкина, кажется «Да здравствуют юные жены и нежные девы, любившие нас.»

Утром на работу, среди обычной обстановки он пришел в себя, но начатая песня уже бурлила в нем, как болезнь, потрясая всю натуру.

Он сразу после работы летел домой к тетради и гитаре, не хотел никого видеть и работал, откидывая варианты и высекая нужные кусочки мелодии, движение мысли, не опускаясь с небес на землю.

За сутки вещь была вчерне набросана, через три дня полетел и показал ее Сане, аранжировщику. Особенно нежным вышел припев. Он выбросил с порога все штампы узнаваемых трафаретов о службе, о трудностях, о ракетах. Он оставил только любовь, Солнце, небо и гитару. И Музу, всплывшую внезапно – юную и светлую, как Полина.

Песня получилась, друзья подивились поворотом ритма и мелодии и бесхитро-стному, но искреннему стихосложению. Он хотел подарить Поле эту песню при очередном выступлении. И вот, на молодежном вечере, когда впервые начал исполнять эту вещь, он увидел, как с третьего ряда Полина встала, и, опустив голову, неуверенно пошла в боковую дверь. Что это? Облом? Отрицание? Неприемлемость? Обида?

Пауза. Потом пришло письмо... Красивым четким подчерком. «Ты меня чуть не убил. Каждое слово мне и обо мне. Сердце мое выпрыгивало из груди. Еще бы немного и была бы без сознания. Полина».

После этой вещи Снеж недели три не хотел думать о музыке, был опустошен и разряжен. Интересная Жизнь... Он размышлял: «Пока ты идешь по лезвию ножа, ничего подлого не делал. Но если качнешься и проявишь активность – можешь сделать Поле больно. Обычная схема «мужчина-охотник» здесь нарушена: девушка-ребенок доверчиво пошла к тебе и ты отступаешь. Слишком светло все, изумительно необычно, искренне чисто и тупиково.

Началась переписка. Письма - удобная вещь, многое можно сказать или не сказать...

«После вчерашнего вечера, после твоей песни я просто не могла не написать тебе. Руки сами потянулись к перу, а что написать не знаю. Ну во-первых пришли мне, пожалуйста, слова твоей песни (и ноты, если можно). Я тебя очень прошу. Ну, что я еще могу написать тебе. В таких случаях меня всегда выручали стихи:

«... все мне кажется, не было
Этих солнечных дней,
Переписанных набело,
Добротою твоей.
Осыпаются ветхие
Дождевые снега,
Оседают над ветками
Навсегда-навсегда.
Все понятно
Все правильно
И не стоит глупить
Буду жить очень праведно
И тебя не любить...
Не отстану от поезда,
Не уеду всерьез...
Отчего же так боязно
Среди белых берез?
Отчего эта веточка
Так дрожит на стволе
Может быть эта веточка
О печали твоей?
Может быть, ты отчаялся
Да не можешь прийти?
А деревья кончаются
У меня впереди».
До свидания, Апполинария . (девочка Ли)
«Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и все. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую
Разлюбил? Но и я не люблю.
Только мне, чтоб по белому свету
Подниматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то
Жив-здоров... И не любишь другой». (Ли)

Где-то, на кусочке земли или каком-то подпространстве, у меня есть сад, куда захожу я один. Там все светлое, чудесное, прекрасное – цветы – воспоминания, милые слова, дружеские встречи и признания в дружбе, в любви и преданности. Там души не отталкиваются во вражде, т.к. закон гармонии и добра господствуют над злом, агрессией и обманом. Вход и ключ только одному. Он же и судья, и ценитель, и оппонент,

и стратег. Думай и делай, старайся быть лучше, чем есть. Старайся, чтобы опыт жизни не стал грязью и мусором, делай уборку и головомойку себе.

Было лето, и Балхаш окутывал всех контрастом жаркой пустыни и теплого безбрежного моря, водопад брызг, радуги и радости. Все тянулись к морю. На камнях недалеко от общего пляжа приходила загорать и плавать Полина. Снеж не частил, подходил не каждый раз, иногда, оставив рубашку и брюки на общем пляже плыл под водой и выплывал прямо из моря к расположению Ли. Апполинария искренне удивлялась, как можно подплыть незамеченным, всплескивая руками, смотрела на него ласково большими спокойными глазами. От нее шли свет и вера в добро, радость жизни и юная бесцеремонность. Сразу звала его: Венька! _Как ты такой северный, так апельсиново загорел? – Это потому, что я внутри кисло-сладкий, как мандарин, ананас, лимон и апельсин.

Он смотрел на этот юный расцветающий цвет а в ушах звучало:

«Пусть я буду любить другую,
Но и с той, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя дорогую,
Что когда-то я звал дорогой».

Говорили о многом, не торопясь. О паруснике, о степи, о людях Ни завлечения, ни агитации... Только когда-то вечером, проходя по их «пристани», Снеж увидел Ли в веселом костюмчике в горошек, объявившей, что она идет на дискотеку. Потом встала и шутя нагибая за шею театрально прошептала «прощай», дразня губами. Он нежно и спокойно коснулся ее губ, но тут же засмеялся. Она только, что жевала свежее перо зеленого лука и даже это «не танцевальное амбре» развеселило его. Вот это аромат для танцев. Что это провинциализм или полное пренебрежение «танцами-манцами»? Золотая птица, юная и несмешливая, лети, тебе помашу рукой и пойду разговаривать с водой, с прибором, с шуршанием гальки...

По жизни летом у Балхаша модно было представить, моделировать жизнь Средиземноморья, побережье Африки, Греции или Атлантики, берегов Южной Америки. Можно в купальнике или плавках отправиться к морю, поплавать, посидеть, поговорить молча, с уходящей за горизонт водой, послушать ее неспешную речь. Позагорать, высохнуть и вернуться домой в набедренной повязке, если дом твой у берега.

Как-то летом, в выходные, Снеж брел по берегу и зашел в залив, где встречал госпожу Ли. А вот и она, чаще всего одна. Если была б в компании, Снеж не стремился как-то обозначиться.

- Здравствуй, Поливитаминочка!

- Венька, ты?

Словно теплый неожиданный дождь хлынули милые слова и позвякивая, как бусы, журчали нежно и приветливо.

- Надо же, соскучилась что ли?

- Соскучилась.

Сидели, тихо струилась беседа, иногда ее пальцы задевали руки и плечи.. Что же ты делаешь, колдунья, своими прикосновениями.

Потом встали и пошли вместе, словно в красивом сне, неторопясь, ободряя друг друга взглядами.

Снеж шел домой, госпожа Ли на обычной развилке вдруг пошла с ним дальше. Снеж немного напрягся, но не суетился и шел спокойно с достоинством и радушием.

Они зашли в дом и остались одни. Что же будет? Поля обвила его шею, встала на цыпочки и поцеловала. Снеж искал выход, как не обидеть эту залетевшую в клетку птичку, не напугать, не ранить?

- А там что за комната?

- Детская

- Как, у тебя есть дети?

- Дочка маленькая.

- А я не знала!

И потух излучающий свет, Поля неуверенно улыбнулась и взяла пляжную сумочку.

- Ну, я пошла,

- До свидания, Поля.

Она ушла спокойно и тихо, как будто ветерок, случайно залетевший в тесную постройку и, наткнувшись на препятствие, вылетевший на свободу.

Прошло время, как-то Снеж стоял с Юрой, капитаном конференса, большим ценителем женского пола. Мимо них в метрах в 10-12 шла пара: высокий легкий офицер и госпожа Ли с распущенными до пояса блестящими волосами, спокойными глазами и естественными движениями княжны.

- Венедикт, ты посмотри какая красавица, нет, ты только посмотри. Что Париж или Неаполь? Отдыхают.

Взгляд Полины скользнул по Снежу и как прожектор, осматривающий местность, двинулся дальше, пропуская обычные предметы.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ,

Потому что я с Севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле...»

Позднее, через 15-20 лет ее однокашники, то ли сочувствуя, то ли понимая Снежа, напоминали о Полине и ее судьбе. Передавали в разговорах, какая она красавица, как расцвела после родов и даже сообщали о наличии номера телефона...

Но рельсы уже уносили эти души в разные направления и только та станция, где они когда-то пересеклись, откликнется чистой мелодией песни: «Госпожа Ли». И нет мусора и пыли, есть только хрустальный город и красивые люди, и белые чайки над морем.

Прощание с пустыней.

Смотри-ка, а ты уже здесь, в пустыне 8 лет... Сколько людей здесь трудится, сколько судеб, сколько драм и комедий.

Вот опять объявился Скотин-Никитов, сэр Алекс, как любила называть его стареющая актриса-любовница из Москвы. Опять портфель с чистой простыней, которую он использует при вечерней западне. Женщина какая угодно, но встреча может быть только на чистой простыне.

Венька попал в госпиталь, а когда вышел, супруга рассказала, что клеился сэр Алекс, к супруге заболевшего товарища, но был обнулен. Вот гиена. Не люблю этих животных за их беспредельность: начинает поедать другое животное, которое попало в его лапы, еще в живом состоянии.

Ну, Никитов, скотина беспородная, земля никчемная. А я думал умный, циничный, но с принципами. Встретились. Он любезно шутил, Снеж молчал, потом повернулся и пошел не торопясь, молча, ничего не отвечая. Сэр Алекс что-то сообразил и отбыл, держа портфель с белой простыней.

Потом он выбрал самую полную женщину в городе и объявил о свадьбе. Патология толкнула его перед женитьбой на «смотрины по личному составу и местам бывших романов». Он собрал всех женщин, с кем имел связи, и восседал, как визирь один среди этих подмытых рабынь. Но после второй рюмки началась поляризация, все вдруг поняли, кто и зачем их собрал и что всех вряд ли сможет осчастливить дурной козел! Ревность, ненависть, желание впиться в чужие глаза и лица, кипение страстей прорвало мирный ход симпозиума, посыпались насмешки, кликухи, эпитеты и метафоры, где «ну ты, полковая кобыла» - самая скромная и приличная фраза. Старая б..., а ты – вечная девственница!

Сэр Алекс хотел уйти, но в него вцепилась дама в возрасте его мамы и велела «разогнать этот гарем». Остальные обиделись и визжали, что пенсионеры ничего не могут, кроме как советовать. Началась потасовка, бунт женщин, обиженных и оскорбленных. Стадо взбесилось и показало «простоту». Сэр Алекс «по болезни» неделю не выходил на работу, а потом проскакивал пустынными улицами, перебежками, без портфеля. Позднее он перевелся в Москву, в центральный институт, жил со своим «весовым» сокровищем, с которым позднее не сошлись характерами.

Прощайте, сэр Алекс, жаль потраченное на Вас время.

За последние пять лет службы у воды, у моря, Снеж сошелся с Георгием Дроздом, тонкой натурой, почти хрустальной, умной душой, добрым, но патологически обидчивым однокурсником. Жорж, кудрявый, с половиной еврейской крови, веселый и приветливый, - он казался Снежу скрипкой на камнях у моря и играть на этой скрипке надо бережно, осторожно. Рядом камни. Жорж любил славу русской армии, вычитывал вслух из книги «Сиваш» атаки дроздовцев в Крыму. Он словно сам шел в психическую атаку без единого выстрела. Глаза его горели, он жил высоким героизмом, мечтал о великих свершениях и был абсолютно равнодушен к улучшению бытовых условий. Жил он в гостинице офицеров, любил, когда Снеж брал гитару, и мог часами слушать свободный репертуар Венки. Особенно Жорж дорожил изложением вещей Вертинского, их мало кто знал и вникал во все слова. «Под синий «берсес» океана...», слушай, что он поет «версес» или «берсес», как перевести?

Что? Колыбельная? Вот это да. «Сероглазый Король!» на стихи Ахматовой, «Чужие города» и глаза полные слез. «Доченьки», «Мадам, уже падают листья...», «Здесь живут чужие господа...» - нет, ты слышишь? Все его занимало, все тревожило, все было близко... Снеж чувствовал его, как свою гитару, никогда не говорил «тупых офицерских присказок», но шутил органично и мог рассмешить его в любом состоянии.

Позже Жорж женился, почти первым из однокашников написал диссертацию. Тема была связана с обработкой радиолокационного сигнала станции дальнего обнаружения. Сложная, практически важная тема, интересные собственные находки и решения. Снеж интересовался результатами, поддерживал Жореса. В любой приезд с площадки в Центр Снеж навещал Дрозда слушал искренние рассказы, как перепутали лейтенантские пиджаки и кто-то унес с мундиром его документы. Через полмесяца Жорж доложил о пропаже, получил выговор, а еще через полмесяца нашел свой пид-

жак с документами, и когда принес старое удостоверение, чуть не схлопотал новое взыскание. Начальник топал ногами, а цвет лица переходил из красного в кирпичный. Близкое к инсульту или инфаркту состояние. Жорж поспешил удалиться.

Он встретил на пляже бывшую школьницу из семьи подполковника по хозяйственной части, молодые организма потянулись друг к другу, зажглись и не могли остановиться. Головы отключились, работала только физиология. Основные инстинкты несли их по сумасшедшему алгоритму, и пока горел огонь страсти, они понимали друг друга с полуслова, с полу жеста. Но у всех этих процессов есть постоянная времени и она наступила. Очнувшись в одной лодке, Жорж заметил, что жена умеет готовить только вареные яйца и чай, а она заметила, что он дорожит только стопкой книг и ручкой. Началось отчуждение, родители необученной фразе восполняли каталогизацию отторжения своим неприятием этого выскочки. Наука, наука... Где она твоя наука в получке... Тебе что-то добавили? Ах ты пишешь диссертацию!

Разошлись... Папаша имел связи и контакты и Дрозда выперли из Центра на ближнюю площадку, на станцию дальнего обнаружения.

Разбор и суд над разрушителем семьи был скор и скоморошен. Подученная родителями жена вдруг заявила, что он ставил суп и сковороду на классиков марксизма-ленинизма и никогда на техническую литературу. Получив сапогом под зад, Дрозд «полетел»... Расправу закончил зам. начальника Трохим. Он вызвал Жоржа на ковер и хотел мирно договориться.

- Дроздов, я направляю Вас на площадку, где Вы должны поработать над биографией и через год принести характеристику.

- А как же диссертация?

- Заработай характеристику, будем рассматривать диссертацию.

- Но я и так нормальный офицер, по службе нареканий нет.

- Ты что не понял, таких как ты, разведенцев-нарушителей, в армии не держат!

- Тогда отправьте меня в народное хозяйство.

- Ты и в народном хозяйстве не нужен.

Трохим был хохол и начал заводиться. Сконструирован сам просто и понятно, он не терпел «интеллигентных штучек», его предложения были рентабельны и выполнимы, а этот «разложенец» еще выступает и усложняет.

- Ну, если я не нужен в народном хозяйстве, отправьте меня к Сикорскому (американский авиаконструктор русского происхождения).

Трохим взбесился и завис над потолком

- Вон! Я тебе покажу, Сикорского!

Жорж не был назначен на какую-либо должность, получал только за звание. Сидел у Балхаша и ловил рыбу. Три месяца, по наводке Трохима, органы проверяли Дрозда на лояльность.

Сообщили Трохиму, что у органов к нему претензий нет. И тогда капитан Георгий Дроздов был уволен из рядов армии с некрасивой характеристикой.

Жорж отъехал в Питер, в Пулковскую обсерваторию. Там с удовольствием его взяли, как нужного специалиста, Жорж продолжал бузить. Очередной посыл его к Председателю Президиума Верховного Совета. Ответ сопровождался отказом от возможности защиты диссертации. Без научного звания получка была слабой, и Жорж ездил ночью на вокзал разгружать вагоны. И тогда, «Дроздовцы» пошли в свою любимую психическую атаку. Он подал в суд на «президента» Подгорного, запахло жа-

ренным. В СССР так не положено. Последняя информация по Жоре была скудной. Учительница иностранного языка из сибирского городка, может быть Кизила, увезла его с собой и видимо спасла от спец.учреждений. Где ты неутомимый борец за правду и справедливость, жив ли, куда умчался светлый ум и беспокойная душа? Тебя бы погладить и поддержать, и ты бы послушался, ты бы затих и заработал в лучших своих проявлениях. А ты шел, затравленный, такой вроде бы слабый и такой нестигаемый. Помню тебя, дорогой Жорес.

Снеж пошел к морю. Помолчать, посмотреть вдаль... Слушай, веселый мальчик, а тебе ведь уже тридцатник светит. Ты уже здесь изрядно, а никто и не думает о тебе, о твоём переводе, о возвращении на Родину, в Россию. Давай-ка сам займись этим делом предметно. У тебя проявляется склонность к описанию жизни. Ты даже написал письмо М.Ромму, известному режиссеру. Тебе хотелось спросить его о надобности сценария на тему жизни в военном обособленном гарнизоне. Но ты постеснялся и спросил только стоит ли писать о жизни, с окружающую с ее нравами, порядками, проявлениями, случаями... Так как художники пишут с натуры окружающей мир. М.Ромм подбодрил, обязательно пишите, пригодится для истории. Спасибо, Ваше слово весомо, Мастер.

А вот еще объявление в газетах, что при МГУ им.Ломоносова в Москве, создается инженерный поток, вечерний и заочный варианты.

Снеж написал рапорт по команде о разрешении на учебу. Из Главного Управления Министерства Обороны (4ГУМО) пришло разрешение, но без оплаты отпусков на сдачу и дорогу. Но и это кое-что. Вперед Снеж, начнем рыть тоннель имени графа Монтекристо. Пора искать выход из плена. Имеющие блат уже начали переводиться кто куда: в Москву, в Тверь, в Петербург, в Крым, на Украину, на Камчатку, а потом в Россию. Ты меня отпускаешь, море мое? Я плыву уже час вдоль берега, до которого метров четыреста. Отпускаю, плыви, лягушонок Маугли, дальше. Счастливо, капитан Советской Армии.

Тогда конкретика. Летом экзамены на мехмате, три экзамена: математика за среднюю школу (устные плюс письменный) и физика. Конкурс – примерно 4 человека на место.

Начал готовиться. Логарифмы, бином Ньютона, уравнения, геометрия, тригонометрия - все подзабылось, а должно быть любимой игрушкой.

Снеж ухлопал свой отпуск за год на подготовку и сдачу. Прошел по конкурсу. Вернулся в пустыню с новым ощущением, шаг первый сделан. Потом пришел студенческий билет: Мехмат, МГУ, заочное отделение. За ними учебные пособия и сроки первой сессии. Что-то у Вас с глазами, капитан Снежин... Неужели промокли? Неужели слеза? Ты выиграл дуэль, bravo, Капитан! Чтобы честно работать в науке кроме опыта на технике нужен исследовательский багаж. Мехмат – это волшебный конь. Полез в ухо коня дуралеем, а выскочишь из другого уха добрым молодцем, как в русской сказке!

После первой сессии вернулся уставшим почерневшим. Сдал только высшую алгебру. В Университете ему объяснили, что нужно слушать лекции и бывать на практических занятиях. А заочно – только Ломоносовы, Пифагоры, Чебышевы и прочие Архимеды... Значит надо переходить на вечерний, значит нужно искать службу в Московском регионе, лучше в Москве.

Первыми с полигона потянулись программисты, т.к. начали внедряться электронно-вычислительные машины (ЭВМ) и вся наука и техника потянулась к цифре, как к меду – утром, в обед, вечером и ночью. Кибернетика – «продажная девка империализма» пришлась любимой женщиной многим тысячам испытателей и любовь к ЭВМ, к теории управления и связи, стала всеобщей и обязательной. Программисты были в моде, их приглашали работать в Москву, в научно-исследовательские организации целыми выводками.

Приятель Снежа Юра Кубец, классный программист, возглавил новое научное направление в Вычислительном Центре, в Москве. Он отписал Снежу, что если он согласен поработать программистом, то сможет послать на него запрос о переводе. Ты еще спрашиваешь?! Конечно, буду учиться программировать и отработаю, сколько нужно.

Пришел запрос, а главным инженером вдруг стал бывший главный инженер той дальней площадки, где служил Снеж, и он написал отказ. Тихо, тайно, не публикуя этого. Снеж узнал от полужнакомого кадровика об отказе. Узнал также, что сам этот Васек собирается переводиться в Тверь и ждет вызова. Снеж подкараулил Ваську у проходной и начал сопровождать его домой. Они шли и ругались, выдвигая свои зоны.

- Такого молодого, но опытного исследователя-испытателя полигон отпустить не может. Кто же работать будет?

- Во-первых, этому молодому специалисту уже 30 подсвечивает. Во-вторых, мы пришли одновременно, и я слышал, Вы собираетесь в Тверь? В третьих, у меня семья: супруга учиться. Живем все время врозь, ребенок подрастает и даже в садиках нет мест. Родственников мощных у меня нет, подвернулась оказия, так Вы начинаете палки в колеса ставить. А Вам известно, что я студент МГУ и мне надо слушать лекции и практические занятия, я хочу повысить квалификацию...

- Ничего, еще лет 5 поработаешь, потом переведешься.

- А кто меня переведет, кому я нужен? Может Вы дадите мне гарантии?

Так в неприятном расположении и колкостях дошли до подъезда даже до его квартиры. Жена узнала офицера с одной площадки и поинтересовалась:

- Как дела, Снеж?

- Да вот, сослуживцы вместо помощи тормозят перевод в Россию

- Это что, Василий что ли?

- Лично вычеркнул из списков на перевод.

- Ты чего, Вася, сам собираешься уехать, а ребят тормозишь?

- Да ничего я не торможу, пусть едет, если хочет...

Второй запрос послать было нелегко, но сыграли в хитрые бумажные игры и фишка встала правильно. Ура-а-а! Все, еду в Россию, к березам, соснам, елям. В Москву... В новую жизнь, вперед!

Здравствуй МГУ им.Ломоносова, я мечтаю, я выползаю с края земли, из Голодной степи в Россию, я буду учиться и работать и все одолею. От ступней вверх к груди и голове идет сумасшедший магнитный вихрь, он поднимает меня, как перышко и несет через тысячи километров в ту жизнь, которой я не видел без малого 10 лет. Робинзона увозят на Родину, Виват!

Москва.

«Москва, как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось»...
А.С.Пушкин.

Здравствуйте, Александр Сергеевич, Вас тоже помнится, высылали в длинные командировки. А я был там, где когда-то своим войском проходил хан Тохтомыш в дикой Бет-Пак-Дале, оппонент знаменитого Тамерлана, несколько веков назад. Это великая история тех земель Азии, где шла своя жизнь, сражались армии 100-200 тысяч, даже 400 тысяч воинов, по Л.Гумилеву. В Европе такие сражения запоминались навсегда. А здесь, на краю земли, только эти земли и народы содрогались от таких походов, войн и схваток. «Я русский офицер, отслужил Родине почти 10 лет и выбираюсь к березам, в города и очаги культуры моего Отечества.» Так думал Ванька Снежко, глядя в окна вагона на огромную страну, которая кует «щит и меч». Лучшие умы и выдающиеся представители народа много лет работали в этой забытой Богом пустыне, и это позволяло охладить головы пылких политических вождей и полководцев. Есть время подумать, не торопясь вспомнить все, что было и помыслить, как жить...

Прощайте каракурты, тарантулы, медведки, скорпионы, фаланги, сороконожки, суслики и змеи... До свидания, сайгаки, дрофы, орланы, зайцы, волки, сазаны и прочие рыбы...

Люди, близкие и дорогие, я увожу Вас в своем сердце, а злых и вредных – в голове, в отдельном вольере. Ну что, кем же Вы будете работать, Снеж?

Вам помог друг, программист, который должен набрать вычислительный Центр, для работ по контролю Космоса. Ты видишь себя программистом? Вижу не отчетливо... Но товарища подводить нельзя, что потребуется – будем учить и делать. Полное переобучение. Основа – мехмат МГУ. Страшно, но хочется одолеть. Диплом математика, грандиозно. В штаны не наделаешь? Жилье, семья? Это как? Вопросов, как в бочке из-под селедки. Ничего, пробьемся. Капитан Снегов, смирно! Вперед, шагом марш» Не бздеть!

Здравствуй, Красная площадь, башни Кремля, собор Василия Блаженного! Улицы и проспекты, окна Москвы... Привет Сандуны, Третьяковка, Большой и, рядом, Малый... Зоопарк, библиотеки, Цирк и ,знаете ли, МГУ им.Ломоносова – это 30 тысячный студенческий Град! Новые места всюду, нет ни родственников, ни близких, ни знакомых. Один, Юра, который выслал запрос на перевод, который после осечек и проявления злой воли, все-таки сработал. Ведет меня судьба, держит Всевышний в руках своих мир и мое бытие. Как интересно!!

Новые командиры, места обитания, новые отношения, 10 лет жизни в Бет-Пак-Дале, это хорошо или плохо? Это моя школа жизни, это заточение в места не столь отдаленные для становления мировоззрения, человеческой сути и духа.

Снегов был в приятном потрясении, вместо родничка информации вдруг провало дамбу и водопад, извергающий брызги, свет, свежесть, опасность и угрозу – все перевернуть, вырвался и понес его, вращая по всем трем осям.

«Лечу я, ... кричу я...» - итальянская взрывная прелесть Доменико Модуньо.

Снег всклокочен, все заново, все сначала... Это в его духе, в его натуре, в его партитуре. Есть нужда обо все подумать, что-то пересмотреть, в соответствии с но-

выми условиями выстроить стратегию и тактику, как обычно учат военного человека. И обдумать весь приобретенный багаж 10 лет службы в тьмутаракани.

Интересно в Казахстане новости из Москвы и европейской части Союза ловились с неподдельным интересом и вниманием, теперь вдруг стало наоборот. Вести с полигона о людях и делах – самые интересные.

Вот теперь рассказали почти анекдот о генерале Трохиме. Его лечили в Московском госпитале и ему позвонил его приятель балагур и мастер розыгрыша полковник Августов и шутя представился: Маршал Августов собрался к генералу Трохиму в госпиталь, для визита. Вскоре в палату Трохима подошла сестра и предупредила, что к нему в палату идет маршал.

- Может быть Вы его встретите?»

- Да конечно, встречу. Эй маршал, шагай сюда! – крикнул Трохим в коридор.

В конце коридора показался Маршал Батицкий и пробасил: «Иду, иду...»

Трохим впал в ступор, что-то залепетал про Августова, потерялся и стушевался. А Главком пришел навестить и предложить Трохиму быть начальником училища в Киеве. Непотопляемый Трохим был потрясен и спустя сутки сам позвонил и рассказал с мелкими деталями Августу об этом происшествии. Так значит Трохим нацелился в Киев служить? Интересно.

Новости с военной империи в пустыне волновали необычайно. Кто и куда перебирается с отдаленных площадок, кто уходит в другие места с центральной усадьбы? Радиолокационщики потянулись на противоракетную оборону под Москву. Кто-то смог в Московское и Калининское НИИ – это высший пилотаж, кто-то в Главк Министерства обороны – это денежно и перспективно в звании. Кто-то в Киев, в Харьков, на Камчатку – потом в Россию, куда удастся. Начался исход. Люди, посидевшие и поседевшие в пустыне, особенно вдали от воды, как перелетные птицы вытягивали шеи и становились на крыло. В стаю. На Родину. Снеж быстро понял, что вместо штатного специалиста испытателя, обучавшегося сапожному делу, здесь он предстал мало значимым разнорабочим, без имени, авторитета и полезной отдачи. Исчезни он завтра, никто не заметит и не пожалеет. Опасный период. Надо становиться специалистом. Хорошим, нужным специалистом и быстро.

Куда бы приткнуться пожить. Семья пока у родителей. А здесь надо снять угол. Узнал, где в Москве квартирная толкучка и поехал искать что-либо. Хорошо бы подешевле, только койку для сна. В отсутствии казенного жилья офицерская получка - съезжившийся кусок шагреновой кожи. «Терпение, мой мальчик, и их тизавры будут нашими», как шутил Аркадий Райкин.

Одна дама предлагала жить с ней в одной комнате за занавеской, а цена, как за однокомнатную квартиру. Остальное, видимо, услуги. Спасибо.

Какая-то дама сдала комнатушку взнос вперед, через месяц подняла цену в 1,5 раза. Трещит бюджет. Съезжаем. Опять поиск. А на работе обучение программированию. Все новое, а выход – реальная программа в несколько сотен команд. Отлаженная, проверенная, вычищенная от ошибок. Рядом выпускники из Киева и Харькова, которым несколько лет преподавали программирование. А еще вечерние лекции в Московском Университете по программе мехмата.

Как же не лопнуть и не обрызгать все вокруг... Пожалуй, пора в баню, в Сандуны. Вода очищает, и лечит, и бодрит. Ишь, расквасился! Венька купил себе прекрасный дубовый веник при подходе к бане. Причем дешевых продавцов за квартал до

бани гоняли мужики с монополией на продажу веников в самой бане. Тариф был двойной. Три раза в нагретую парилку на деревянные скамейки прогреть душу русским паром, до нутра, до потрясения, до предельного перехода, потом отдых среди картин и лепнины на диване и дорогуший чай с лимоном, демократические беседы с соседями обо всем и ни о чем. Окончательный промыв от макушки до пяток и вот уже не замызганный пилигрим, а чистый, почти ангел, да еще в душе помянуть Бога, проходя Храм Николы в звонарях. Благослови, Россия, прими меня Родина, я вернулся на свою землю. Начнем пашню, по военному анекдоту о теории относительности, соединяющую пространство и время: копать от забора до обеда.

Первое – московский университет, мехмат, вечернее отделение. Вот они, настоящие профессора, математики. Высшая алгебра, математический анализ, аналитическая геометрия – одна математика, как пчела в банке с медом, ешь – не хочу!

То, что удалось попробовать в первой заочной сессии, еще в приезд с полигона сдуло всю наивность: жесткая игра, четкие правила без шпор, подсказок и прочего школярства. Ручка и голова и книги, конспекты, методички. Пока пустая зачетка и показаны предметы для сдачи. Лекции после работы в 18.30, критическое время, почти все время опаздываешь на занятия. Кончаешь в МГУ где-то в 22.00, ужин и полуторачасовая дорога в Подмосковье. Не загуляешь, выспаться бы.

Работаем в помещении нового института, где могучие направления исследовательской работы и сопровождение испытаний сложных, удивительных систем: противоракетная оборона, контроль за космическим пространством, систем предупреждения о ракетном нападении с проблемными направлениями и задачами. Институт молодой, набитый сумасшедшими амбициозными отличниками – выпускниками академий. Есть адъюнкты и небольшая прослойка крепких ученых. Заумь. Интеллект, наморщенные лобики. Вот это да!!!

Сразу вспомнился анекдот про замполита в университете. Когда он попал от солдат к студентам, где патлатые головы, нескромное независимое поведение, отрывки сленговой речи, насмешек и криков.

Замполит стучит карандашом по кафедре, все настораживаются. «Иде я...»

Все пишут «Идея»,

«И де я нахожуся?» далее хохот.

Первые месяцы полигонная информационная пуповина работает наполнено. Сослуживцы, друзья, отпускники, проезжие в отпуск, ждущие и ищущие перевода в Россию. Все очнулись. Поняли, разбивать скорлупу яйца и бежать к морю – личное дело вылупившегося крокодила, черепашки, птенца. Сам разбивай, сам беги куда надо, иначе засохнешь. Сведения о переводах будоражат, все послужившие хотят в Россию, Украину, Белоруссию, Прибалтику, на Кавказ – куда угодно и как угодно. Жены действуют на мужей и подруг, на любых знакомых.

- «Муром, военпред на завод?» - Можно.

- «Калинин, в НИИ-2?» - Мечтаем.

- «В Питер? Сказка! Согласен хоть техником!»

С центральной усадьбы уйти полегче, с удаленных площадок – сложнее. Но везде офицерская выучка и сноровка помогает решать запредельные задачи с переводом. В физике есть моменты, когда кинетическая энергия переходит в потенциальную. Например, работа маятника. Вот и Снеж потерял всю кинетическую энергию, всю славу, весь опыт испытателя сложных систем вооружения, добытый за 10 лет в пустыне. Это

когда профессора университета устраивают работать фокусником и предлагают из яйца сделать курицу. Совсем другое амплуа. Как там у Р.Киплинга: «все проиграть и все начать сначала, не пожалев того, что приобрел».

Нынче, в понедельник впервые он сел в аудитории на 12 этаже главного здания МГУ, на мехмате и слушал лекцию по математическому анализу профессора Соловьева. Разве только проповедь православия со светлым пастырем могла звучать такой музыкой. Какая прелесть, что ты еще не старый, но тертый калач, попал в эту печь, и дух печеного хлеба радуется и волнуется. Рядом сидят интеллигенты, инженеры, желающие повысить квалификацию, написать кандидатскую или докторскую диссертацию. Даже преподаватель математики из отраслевого вуза, около 50 лет. Собственно инженерный поток, который образовал Петровский, ректор университета, составляет примерно 100 человек, а еще 100 – свободные слушатели, которые просто слушают, но не будут сдавать зачеты и экзамены и не претендующие на диплом. Какая прекрасная столовая в главном корпусе МГУ: салаты, свежие морковь и капуста, борщи, харчо, пельмени, жаркое, картошечка жаренная, соки, компоты – просто шик после степного баялыча, после военторговских залежалых продуктов.

И бесконечный транспорт: автобусы, метро, электричка плюс пеший переход. Университет воодушевляет, но одолеть этот трек, сдать все экзамены и зачеты, научиться настоящей математике... Снеж читает Н.Винера «Я – математик». Там где-то есть упоминание о А.Н.Колмогорове, выдающемся математике, составлявшем Винеру осязаемую конкуренцию.

А вот объявление: в аудитории 1624 лекция Колмогорова А.Н. В степи, в отделе висела репродукция картины, где Колмогоров у доски пишет формулы. А тут живой Андрей Николаевич. Идем, бежим повидать, послушать великого маэстро математики. Снеж сидел, и благодать разливалась по его телу, слух обострился, ум пришел в крайнее напряжение, но суть изложения схватить нелегко, только фрагменты. Рядом запыхавшийся студент в летах.

- «А кто это?»

- «Колмогоров!»

- «А что читает?»

- «Фундаментальные идеи вероятностных процессов или что-то в этом роде. Я сам опоздал»

- «Так мне сюда не надо! У нас другая тема и лектор...»

Смешно. Я из пустыни, сижу в главном здании университета и слушаю академика Колмогорова А.Н.! Один из 30 тысяч студентов, штурмующих науку. Говорят, что МГУ строили зэки, и один, чтобы убежать сделал из листа фанеры летательную плоскость и сиганул сверху через охрану и ограждения. Говорят, что не убился, а ушел. Как-то на лекции профессор Соловьев пошутил, что все мы консерваторы и не терпим перемен. Аудитория неодобрительно зашумела. Тогда он начал писать выражение и что-то в нем было знакомо. «Что я написал? Это же ряд Тейлора из прошлой лекции, где я поменял местами x и y , а каков эффект?»

Все поняли розыгрыш и рассмеялись. Это здоровый консерватизм, а помогает процессу узнавания и обучения. Он практичен и прагматичен.

Прошел месяц, как Снеж ходит на работу в Москве, в научно-исследовательский институт. Но он всего лишь в прикомандированном подразделении будущих программистов, которые будут реализовывать умные алгоритмы штатных сотрудников

института. Живет в частной комнатухе, снятой на рынке найма и сдачи помещений, стабильность проживания аморфна, нужно всегда иметь запасной вариант. Вот опять очередной обвал: пришла хозяйка и заявила, что иногда ей придется ночевать в этой же комнате, за занавеской. Во, матерый человечисе... Надо снова искать площадь, а это пропащий день в лучшем случае...

В МГУ пошли лекции, только успевай записывать, а еще надо учить, на практических занятиях могут вызвать к доске. Программирование тоже занятия, успевай поворачиваться. Дали задачу - 300 операторов на «АЛГОЛе», нужно написать и отладить на ЭВМ по тестам. Оказывается, есть ошибки то там, то здесь. Зачеты, сдачи отложенных задач... Голова все время в разогреве. Надо хлопотать еще о жилье, привозить семью, что живет пока у родителей. Начался новый этап жизни: из пустыни в мегаполисе, в Москве.